

5/31
#

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНЫЕ ВСХОДЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВОЛОГДСКОГО ГУБКОМА РКСМ.

05
K-78

№ 2-3/4-5)

ВОЛОГДА

1923

4

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
I) А. Субботин - Кузнецы стихотворение	1
II) В. Н. - За рубеж—стихотворение	2
III) Ив. Кедровский - Оживленный металл—рассказ	3 9
IV) Грядущий Сын Солнца сказание	10—12
V) Ив. К.—С гудком — рассказ	13 17
VI) П. Смуров—Лесовик—рассказ	18—29
VII) Ив. Кедровский—стихотворение	30 - 32
VIII) А. С. Нужна рабочая власть	33—34
IX) —Памяти великого учителя	35 -37
X) Виктор Зарницын — На постах Красного Октября	38 44
XI) Молодой большевик—25 лет РКП (б)	45—51
XII) Л. Троцкий—Мысли о партии	52 56
XIII) Н. Колмаков - Приемы подполья работы	57 59
XIV) В. Зайкевич - Из тайников охраны	60 61
XV) И. Ермолаев—О продлении жизни	62 - 66
XVI) В. Карпов—Несколько мыслей о человеке	67—69
XVII) Н. Шлауруп Новейшие течения в области физико-химических наук	70 71
XVIII) Н. Юдин -Размышления на день „Св. Пасхи“	72 74
XIX) Н. Ильинский—Картина звездного неба	75 80
XX) И. Перфильев—Несколько цифр	81 84
XXI) Комсомолец—Мысли вслух	85 88
XXII) Б. Шегула Вопросы союзной работы	89 94
XXIII) По заводам, городам и селам	95 105
XXIV) Детское движение	107 113
XXV) В канкане „Красных Веходов“	114 119
XXVI) Критика и библиография.	120 126
XXVII) Почтовый ящик.	127
XXVIII) Объявления	128 129

Российский Коммунистический Союз Молодежи.

Красные всходы

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИ-
ТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ.

№ 2—3 (4—5).

Февраль — Март

1923 г.

Кузнецы.

Если мы кузнецы—то нам песни ковать,
Молотками горячую сталь целовать,
С красным солинышком вместе играя вставать.
И ковать, и ковать, — целый день все ковать.

Пусть румяна заря — наши щęki алей,
Наши мускулы: стали, железа сильней,
Наших песен никто не певал веселей —
Молодых ковалей, ковалей, ковалей!

У горна с молотком — целый день — бом, да бом!
Мы серпы и машины под песни куем.
И мы знаем, что верной дорогой идем —
Человечеству счастье куем, мы куем.

И рука тяжела. Пусть черна и груба,
Но сковали мы ей капиталу гроба.
Мы сковали великое счастье труда,
И назад не пойдём никогда, никогда!

А. Субботин.

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЗАРУБЕЖЬ.

(Зарубежного пролетария соглашательские партии пытаются смутить яко-бы преждевременностью решительной борьбы с капиталом.

Дадно известная истина).

Неправда, товарищ, что мы поспешили,
Что рано вставать на борьбу голытьбе...
Нет! Взвесили все мы... И твердо решили,
Довольно быть рабьей судьбе!
И многое—многое мы уж свершили
В суровой борьбе
И путь провешили
Тебе!

Исполнилась чапа:
Страдания наши
Льют через край...
И время приспело...
Так гневно и смело
За правое дело
Товарищ, вставай!

Не медли-ж, товарищ! Мы силы утроним -
И грянет последний, решительный бой!
Великим, победным, вершительным боем
С проклятой кабальной судьбой.
Извечное зло мы до корня разроем
И нашей борьбой
Весь мир перестроим
С тобой!

Безбрежное море
Вселенского горя
Плещет чрез край...
Долой же неволю!
За лучшую долю
Под алые зори,
Товарищ, вставай!

В. Н.

„Оживленный металл“.

(Фантастический рассказ).

I.

Эти события, которые мне рассказал, перед своей смертью Жак Криницкий, относятся к первой половине 2055 года; то-есть спустя ровно пятьдесят лет со дня окончательного, оформления „Союза Народов“ и укрепления „Единых Европейских Штатов Труда“. Много, быть может, я не сумею передать вам так, как хотел несчастный доктор, но прошу прощения,—ведь это было так давно и забыть, чтонибудь—не такая уже погрешность.

Итак, я рассказываю, по возможности припоминая все мелочи, переданные мне Криницким.

II.

Познакомился я с Джемсом еще в Москве, на первом Всемирном Съезде Советов. Он тогда был молодым, сильно увлекающимся человеком и, работая в лаборатории профессора Нигошима, подавал большие надежды на будущее. Если вам, почему либо захочется узнать его социальное положение, то хотя, как вам известно, в данное время и не существует разделения на классы; но при его рождении, отец именовался рабочим с авиационного завода, а мать его, служила в страховой кассе штата „Октябрь“ (старой московской губернии).

Уже шестнадцати лет, Джемс окончил гражданский курс обучения, а на двадцать втором году—поступил ассистентом в лабораторию Нигошима. В тот момент, к которому я приближаюсь в моем рассказе, Джемс с профессором работали над усовершенствованием, каких то новых машин.

Профессор работал уже 10 лет не покладая рук,—но все его опыты были напрасны.

Вообще ему невезло. Все его изобретения были несвоевременны.—Только он успевал изобрести, новую огромной силы, взрывчатую смесь, как Международный Конгресс—издавал декрет, о всеобщем разоружении. И он, как душевно боль-

ной, бегал по комитетам, предлагая купить его патент.—В ответ же ему обычно улыбались, советуя открыть лучше мастерскую, для переделки пушек и танк в орудия мирного обихода.

Сейчас он работал над применением природного тепла океанов и глубин земли, для новых чудовищ индустрии.

Каждый день, Джемс далеко за полночь, засиживался в лаборатории ученого.

С каждым днем он худел, несмотря на усиленное питание, делался раздражителен,—а порою даже груб. На все мои вопросы отвечал рассеянно, вяло и нехотя. Особенно за последнее время, я заметил, что он что то от меня таит. Я дал себе слово узнать причину, всех перемен, в увлекающемся Джемсе. А для этого было необходимо познакомиться с его профессором Нигошима.

Дело уладилось, как нельзя лучше,—сама судьба пошла мне навстречу. В скором времени я познакомился с Нигошима и даже более,—получил разрешение побывать у него в лаборатории.

— Скоро узнаю тайну Джемса!—думал я, довольный возвращаясь от друга, накануне того ужасного события, так трагически окончившегося для него.

III.

Над штатом спускался тихий, ласкающий вечер. Солнце, большим огненным шаром—уползало за горизонт, посылая последние лучи свои мачтам радио-телеграфа.

Исполинские тени, словно лапы чудовищ, ложились на ровную, отполированную, как сталь дорогу, по которой туда и сюда сновали странные, на первый взгляд экипажи.

Вместо, утративших применение с двадцать первого столетия колес—они скатывались на широких, необыкновенно гладких и блестящих полозьях. Безшумные и удобные, с остроконечными кузовами, на мягких рессорах они походили скорей на средневековые сани, чем на развивающие огромную скорость моторы.

По мере того, как спускался вечер—небо покрывалось миллионами звезд, из, которых яркими пятнами выделялись вновь открытые созвездия.

В городе распространялся удивительно мягкий и приятный свет.—Это могучие, в сотни тысяч вольт, радио-станции—посылали по воздуху энергию от далеких рудников, белого угля,—морей и водопадов.

На мягком моторе, я, Джемс и профессор мчались к „Институту Наук“.

Профессор нервничал, то и дело, прибавляя машине газу.—Было без пяти минут шесть.

Машина прыгала, словно желая отделиться от мелькающего под ней полотна железной дороги—в воздух. Мимо нас мелькали встречные, удивительно подвижные машины. Их яркие фонари-пржекторы терялись в голубоватом свете города, по бокам дороги тянулись пешеходы—гуляющие граждане „свободной земли“. Их костюмы, не кричащие лишними украшениями, были красивы и удобны. Легкие туники, мешались с широкими блузами, среди них не было видно тех дурацких шляп с массой побрякушек и перьев, которыми так гордились „франтики“ прошлых веков. Не было видно и затянутых „до предела“ военных.

Формы, как различия на земле уже не существовало. Не было и форменных фуражек—показывающих, кто „он“! Люди получали воспитание совершенно одинаково, все кончали гражданскую школу, а за тем уже, каждый выбирал себе ту или иную специальность.

Физический труд, как таковой понимали люди прошлого,—ушел уже в вечность. Все тяжелые утомительные работы производились сложными системами машин. Среди людей старых, индивидуальных различий не существовало. Даже женщины, мало отличались своей одеждой и манерами от мужского населения.

На широких и прямых, как стрела улицах, царило шумное оживление. Стеклянные легкие мостики, перекинутые на высоте сорока метров, и ярко освещенные невидимыми для глаз лампочками, были усеяны отдыхающими *гражданами* штата.

Наша машина вошла в верхний метрополитэн. Здесь комфорт сочетался с простотой. На плоских крышах, великанов—домов раскинулись длинными садами, красиво подстриженные деревья. Меж ними уютно разместились удобные кресла—сплошь занятые в это время отдыха.

Благодаря сильному развитию индустрии, люди могли большую часть времени проводить за воспитанием и развитием своих чувств. Машина была теперь тем орудием, которым когда-то являлись сотни миллионов рабочих—безжалостно бросаемые рукой капитала, на работу—ради куска хлеба. Сегодня рабочий день населения был окончен, и они предавались отдыху в прекрасно устроенных клубах, разбросанных по всему штату читальнях и великолепных *домах искусств*.

Громадные, на алюминиевых треножниках радио-ручоры, рассказывали новости за истекший день всего мира.

Все новости сначала передавались в главный объект центральной радио-станции, а от туда уже распространялись по всей земле.

Сделав крутой поворот за памятник, построенный в честь павших борцов революционеров в последнюю освободительную войну, наша машина без малейшего толчка, остановилась у великолепного дома „Института Наук“. — Часы показывали ровно шесть.

Наконец, думал я, увижу тех, которые так бесжалостно вытягивали все соки из бедного Джемса. Удобный лифт, мягко качаясь на стальных тросах, поднял нас на 19 этаж института. Кабинет, вернее ряд комнат, в которых работал Ниго-шима, значился под № 285. Стеклопанельная дверь, несмотря на свою кажущуюся прозрачность, скрывала внутренние очертания комнат.

Когда мы вошли в лабораторию, я был поражен тем, что увидел. Первое, что бросилось мне в глаза — был аппарат стоявший посредине комнаты. Форма его напоминала огромного осминога, немного приплюснутого сверху и сдавленного с боков. Бесчисленные провода, как нервы тянулись, переплетались, в верхней части машины — состоящей из условных комбинаций колес, рычагов на подобие рук, цепких и жгутообразных — передач мускулов. Справа от первого аппарата помещался второй, меньший по размерам, но еще интереснее и сложнее устроенный. По бокам лаборатории тянулись длинные рабочие столы, сплошь уставленные различного рода: пробирками, колбочками, бутылками и другими принадлежностями ученого. Между ними, под высоким стеклянным колпаком шевелились металлические части, невиданных мною форм и сочетаний.

Заметив мой пристальный взгляд на эту диковину, профессор поспешил закрыть ее темным покрывалом. У меня разбежались глаза от массы сложных механизмов, работающих в разных частях кабинета. У противоположной стены, в сложном приборе происходили, какие то замечательные реакции жидкостей. Цвет их менялся периодически окрашиваясь то в красный, то в зеленоватый цвет. Меж бесчисленных проводов были размещены блестящие приборы, на подобие, тех, какие я видал в старых паровых машинах — нынче уже не употребляемых техникой.

Я остановился опять у поразившего меня аппарата.

— Вот жила скрытой энергии, которая благодаря эмульсии и секретов, питает этого малыша. — сказал подошедший Ниго-шима, указывая на какой-то хоботообразный и подвижной кабель.

— Уже скоро теперь! Еще несколько усилий, несколько ночей напряженной работы — и мы с Джемсом сумеем удивить мир неслыханным открытием оживления холодных металлов, мертвой пока природы. С этим открытием, человечество приобретает окончательное освобождение труда.

— Смотрите, как он сегодня послушен,—говорил, возбужденно размахивая руками ученый.—Но нам нужно торопиться, за работу.

— Ты, Джемс, сегодня должен накормить прежде всего аккумуляторы, извлечь в химическом кабинете новую порцию эмульсии и кончить со схемой прокладки, марш,—в свой кабинет!

— А вы,—обратился он ко мне,—вы будете наверно скучать.—Мы заняты. Поболтаем завтра, а сегодня не теряя вечера, я вам советую осмотреть аэро-парк, там вы найдете много полезного и интересного для себя.

Я хотел возразить, но профессор, улыбаясь, отворил мне двери.

— Итак, до завтра. Заходите часов в семь.

Затаив недовольство и на ученого и на Джемса, я решил принять совет Ниго-шима и сегодняшний вечер посетить аэро-клуб.

Теперь, вспоминая тот вечер, я проклиная судьбу разлучившую, как увидите далее из рассказа—навсегда меня и с Джемсом и с Ниго-шима.

IV

Когда я вышел из лаборатории профессора, небо было уже совершенно темное. На юго-востоке из-за горизонта медленно поднималась луна. Воздух был свежий, сразу приятно подействовавший на мою воспаленную голову.

Посреди площади Искусств высоко на серых плакатах большими огненно-красными буквами были афишированы, спектакли и концерты сегодняшнего дня. Темный колпак неба, временами пронизывало широкими полосами радно.

Бесчисленные витрины на улице Снабжения блистали миллионами огней. Горы различных повинок, были красиво декорированы рукою опытных работников искусства.

— Вы знаете, дорогой товарищ,—продолжал Криницкий, что в то время уже были уничтожены дензнаки и люди получали, все необходимые вещи по трудовым книжкам. Золота были целые россыпи, так как тогда уже его умели делать из элементов, изобилующих в природе. Я думаю, как удивился

бы человек двадцатого столетия, если посмотрел, на эту огромную статую из чистого золота на лестнице Братства, которая в данный момент служит символом „Единения всех“.

Пройдя старую, местами уже развалившуюся церковь, обнесенную, как редкость, массивной решёткой, ибо с уничтожением религии, отжила свой век и церковь, они были или перестроены в удобные для тех или иных нужд помещения, или уж уничтожены совершенно, я поднялся к станции пневматической, воздушной дороги и с первым вагоном отправился в парк.

Через пять минут я был представлен в аэро-клубе инженеру Иванову, заведывающему многочисленными аэродромами Штата.

Он произвел на меня впечатление человека, поработавшего на своем веку. Его умные глаза, широкий выдающийся над ними лоб, обличали сильный ум и знание своего дела.

После моей просьбы познакомиться с новинками воздушного флота, он повел меня по длинным ангарам парка, сплошь заставленным причудливой формы машинами. Тут были и старые, давно утратившие свое назначение формы альбатроса, и игрушечные „Райты“, которые хранились как реликвии древнейшей старины и узкие бипланы. Но все это я видал уже давно и потому смотрел, без удовольствия и рассеянно.

И вот, когда мы очутились в следующем помещении, где я мог бы по словам Иванова, удивиться чудесами техники, произошло то, что заставило меня передать вам эту историю,

Висевший на стене фото-радио-телефон, воспроизвел дуплу-раздирающий крик. Мгновенно с этим на его световом экране появился профессор Ниго-шима, дико размахивающий, свободной рукой. Остальная же часть его тела, была запутана проводами и жгутообразными мускулами чудовища. У его ног на полу лежал несчастный Джемс.

— Он открыл — молнией пробежало в моем мозгу. Не теряя секунды я с Ивановым, на лучшем аппарате отправились к Институту Наук.

В городе уже царил переполох. Все радио-аппараты кричали о происшедшем несчастии.

Громадные толпы граждан, жестякулируя — торопились к месту ужасного происшествия.

То, что я увидел в лаборатории, было поистине ужасно. — Чудовище дышало, мерно импульсируя всем своим телом. Между остальными его частями иногда, с легким треском проскакивали зеленоватые змейки искр.

Оживленное эмульсией ученого, оно глубоко вошло в тело несчастного Ниго-шима. Его подвижные щупальцы, как присоски впились в лицо и руки.

Профессор был мертв.

Джемс, опутанный кабелем, еще показывал признаки жизни.—Его удалось привести в чувство, но не надолго.— Он успел лишь сказать „перерубите кабель“ и тоже навсегда ушел от нас в вечность.

В руках его мы нашли клочек бумаги с недописанной формулой состава.

— Вот эта неоконченная формула,— сказал мне Крицкий, подавая листок бумаги, на которой рукой Джемса было написано:

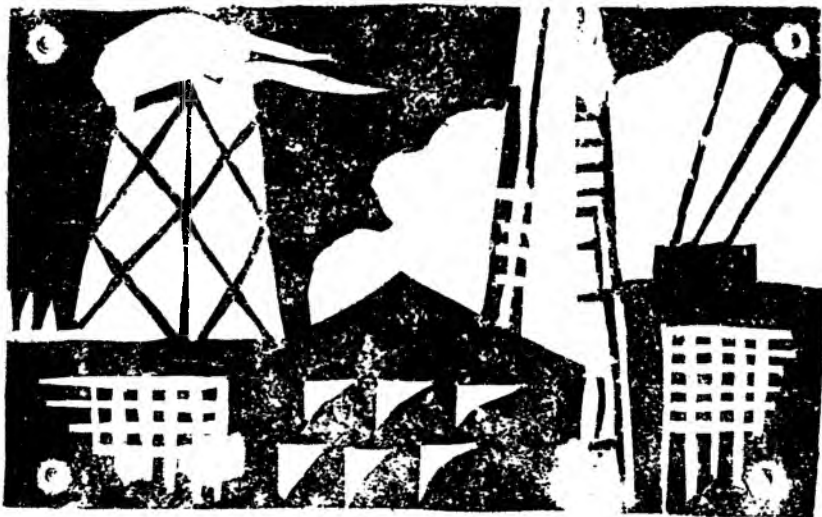
C 20 Ta. S—Guv—213

Сейчас она находится в верных руках грез.

Может быть в недалеком будущем, ученым и удастся восстановить утерянное открытие Ниго-шима. Прибора под стеклянным колпаком в лаборатории не оказалось.

Так окончилась история с живым металлом, — вырвавшая у меня сразу двух друзей...

Ив. Кедровский.

ГРЯДУЩИЙ СЫН СОЛНЦА.

Вудем, как Солнце! оно молодое.
В этом залог красоты.

(Бальмонт).

(Фантасия).

В далекой, дикой стране, на вьюжном Севере, где сосны мохнатыми руками обнимают серую пустыню неба, где ели темнозеленые и стройные склоняются под тяжестью снежных одежд, где почти прекраснее дней в холодном бархате неба с холодными огнями звезд, где музыка ветра плачем и смехом будит душу, — там... да, там — около снежного леса в голубых полях закрылась деревенька, нет — село, а может быть, и город. Это было давно, так давно, что, вспоминая, улыбаешься. Правда ли это? Да — это было. Люди любили темноту своего Севера. Солнце у них было редко, непривычно, да и резало глаз, освещая унылые избы, темные, закоптелые лица, щетинистые рты. Только дети, играя на земляном полу дымного жилища, с радостным писком ловили скользкий, золотой луч, да лохматые друзья грелись, уныло зажмурив один глаз, расставив лапки, виляя пушистыми хвостами. Только собаки и дети любили Солнце.

Да и на что оно было нужно.

Жили охотой, на которую ходили ночью — звезды освещали бледные поля, бледные лица и было видно, — хватит и больше не нужно. А выглянет оно — сколько грязи кругом, да еще снег блестит — свои дети' противны: зеленые личинки, тоненькие, кривые, грязные ручки... а жена грязная, косицы бесцветные вдоль щек путаются... девушка любимая? Нет, не она... что-то другое, больное и некрасивое, с жалкой улыбкой... нет, не нужно Солнца! Не нужно, не нужно. Прочь...

И долго они жили. Может быть, век, может, больше... Были ли у них праздники? Да, были. Вот Рождество скоро. Это — праздник Солнца — скажете?

Но они не любили Солнца.

Звезды они знали и любили. Голубой, зеленоватый, нежный свет звезд... Чуден праздник звезд.—Синий бархат усыпан бриллиантами. Мигают и дрожат они, струясь на землю прозрачным серебром. Теперь праздник звезд—их много, много появляется. Всех видней и ярче полярная далекая, далекая...

Кучами высыпали на поля темные, хмурые, сгорбленные люди—снегом блестят бороды, глаза—огнями звезд. Дети дрожат у матерей на впалой груди... Дети лишь думали, что не весело и холодно... Тихо они стоят—черные тени. Молятся? Нет. Разве умели они молиться! Тишина—их молитва. Только один, чей-то. Кто?—Знаю ли.—Звенит голосок, больно звенит:

— Матушка, с Солнцем веселее! Матушка, холодно...

— Тише, тише — кутает и прижимает ребенка теснее к себе женщина.

— Матушка, страшно, матушка—звенит, срывается слабый голос. Зеленью блестят крупные слезы на хилом лице. Сердятся старшие. И странно и смешно им на глуного ребенка. Шамкают непонятные слова, трясут белоснежными головами—не было детей таких раньше, не к добру...

Растет он скоро, точно в сказке. И больше всех и сильнее. На охоте первый—ловкий. Только смешной. Целый день томятся почки, из-за черных окон не видно лиц, никого нет у леса, только дети в малицах ловят лучи, да собаки грызутся,— а он выходит. Большой, прямой, точно нездешний, гордый и чужой идет навстречу Солнцу и протягивает руки... Смешной. Сыном Солнца его зовут. Он мать не зовет больше, девушек не любит. Станный и умный. Учит, как ловчей ловить медведя и свежевать умеет лучше старых. На охоту ходит с Солнцем, да с собой зовет, идут сверстники, не любят зорю, а идут,— уж очень хорошо говорит парень, как нужно жить лучше, как Солнце поможет душой быть светлее, а там пообщаемся и сами.

Только раз. Это была одна из ночей „Звездного Праздника“. Тянулись к небу черные, угрюмые сосны; плача и смеясь срывал ветер снежный наряд остроконечных слей, плача и смеясь, заползал в душу и мучил ее непонятно и больно.

Эту ночь Сын Солнца не должен был жить. Так решили старые, так согласились их жены, только плакала мать.— Смешно... Что мать? — он матери не хотел знать. Он—Сын Солнца, он любит Солнце. Он много сделал зла,— он говорил, что мы черны и темны, он звал за собой наших детей и они шли.— О, будь он проклят—грозили старцы. Мы не умеем любить Солнце, у нас нет жизни, он измучил наши

души. — говорили юноши. И тихо шептали девушки, закрывая лицо бледными руками — Он сделал нас некрасивыми, у нас нет мужей, у нас нет любимого...

Покорные шумели сосны под лаской ветра. Даль поля вздымалась снежной пылью. И цели песни навстречу Солнцу ночные птицы...

Забылось...

Прошелестели темными крыльями темные века. Далеко вперед ушли люди. Больше не прячутся от Солнца, не живут в дымных лачугах. Подняли знамена, целое море их, целый лес, всех цветов, много девизов — жестоких и гуманных; много страстей разгорается под ним и гаснет. И алая заря подымается с Севера... С Севера? Да, оттуда льет она лучи, из глухого и далекого. Яркие льются они, настойчиво, всюду, где живут люди.

Что это? Искры, стая, песни? Кто они, эта кучка, это пятнышко, где плывут алой звездой на красной заре?...

— Это те, кто винтал в себе живительную, свободную силу Солнца, дети Солнца, слепорожденные и прозревшие, юностью смелые, солнечные души их осветят мрак, в глубине веков таится их сила.

Привет тебе, грядущий Сын Солнца!

С г у д к о м.

Гудит завод....

Широкими и густыми облаками дыма, курятся великаны трубы. Словно сказочные чудовища—мерным дыханием импульсируют паровые сопла кузниц.

Мигая дугowymi фонарями—трещат,—торпятся ни на минуту не замедляя своего ритма, электрические станции.

Хлопотливо, с легким шлепанием бегут безконечные ремни приводов.... Визжат фрезера.

Сейчас смена.

Завывая стальным горлом, гудок—сирена плачет, зовет, в серых сумерках осеннего дня.

Ударяясь о выступы стен, вышек и кранов, она бросается с неудержимой силой вверх, в тучи, врывается в пригородные поселки синеглазников и теряется где-то далеко, далеко за городской площадью в городе богатых....

На ее зов, из маленьких домиков—лачуг выходят, выползают дети кузниц. Торпятся. На ходу одевая засаленные кепи и фуражки.

Лица у них бледные, у большинства с ввалившимися щеками.

Вон старик, всем знакомый и всеми чтимый в поселке, прозванный за его сорокалетнюю работу у горна—„дедушкой горновым“.

Он тяжело передвигает свои уставшие ноги.

Лицо у него умное и строгое. Седые волосы, подстриженные широкой скобкой, внушают уважение.

По худому лицу от правого виска идет красно-бурый шрам—память казацкой нагайки пятого года. Жилистые руки, как плети болтаются, при каждом движении когда-то могучего корпуса.

Да, он был силен: десятипудовые оси вагранок были ему игрушкой; полпудовая кувалда нагревалась в его руках от сотен, тысяч ударов по раскаленному железу.

Каждый встречный ему с уважением снимает фуражку.

А вот и его внучек—шустрый веселый мальчуган, в кепи отца, как-то одетой на бок. Смотрит козырем.

Глаза задорные, смелые, Так и говорят:

Тронь, мол, меня—узнаешь!...

Десятки, сотни лиц, молодых и старых проходили в заводскую пасть—ворота.

А сирена все выла, все звала.

Мало ей! Еще и еще... Не давясь, глотала, ненасытная.

У проходного суতোлока. Каждый торопится скорее повесить свою марку.

Толпа шумным потоком уносит меня в главное здание.

Еще издали слышно грозное гудение гигантских вентиляторов, уносящих воздухом от своих крыльев опилки и стружки по широким трубам к топкам кочегарок.

Здесь пахнет свежим деревом, лаком.

Стучат и воют токарные станки. С визгом разрезая дерево на узкие полосы, ходят в станинах вертикальные пилы.

В хаосе выкриков и воя машин, кое-где слышны унылые песни рабочих.

В них чувствуется и сила, и горе, и радость...

Вчера, говорят, здесь случилось несчастье. У одного из токарей фрезером оторвало пальцы.—Сегодня на его месте стоит другой,—здоровый, курчавый детина.

Сколько горя и лишений видали эти холодные стены! Много смелых и красивых мыслей, погребены в них, как в мрачном склепе.—Они помнят и кровавый пятый год, с его арестами и растрелами и голодный восемнадцатый, когда со всех сторон были штыки и пушки, когда костлявая рука голода стерегла каждого, за всяким углом и выступом гиганта завода....

Дружно бегут ремни приводов!...

Дружно поют, воют маховики и цепи!...

Идем в следующий цех—кузнечный.

— „Левей, левей, товарищ—берегись“!...

Мимо нас, словно огненная змея проползла до бела раскаленная рельса. Пахнуло теплом и гарью...

Заискрились длинными и светлыми пятнами и скрылась шипя в железных трубах.

Где-то ухало....Цех дрожал...

Это исполинский паровой молот мерно бил, оформляя безформенную массу металла.

С каждым новым ударом казалось; что вот-вот рухнет все хитро сплетенное строение из балок и бимс.

В длинных кожаных фартуках, десятки полуобнаженных кузнецов, клещами поворачивали ковку.

Скрипели краны лебедек -- электрическими мускулами подымая котлы в сотни пудов.

Из глубины горн, как расщелин ада, вырывались снопы искр и голубоватого огня, --временами озаряя смуглые лица забойных....

В ваннах шипели отпускаемые части готовых машин.

Тяжела работа кузнеца...--Спросите „дедушку горнового“ -- он вам расскажет.

Расскажет и про гиганта молота, упрямого и хитрого, каждую минуту стерегущего неосторожных...

В прошлом году задавило Микитку.

— „Славный был парень. Веселый!“ рассказывает дедушко.

— Угораздило его смазывать шток. Подскользнулся, значит, и упал... да прямо под молот...--Каша.

— Уж больно ревела его мать; один значит кормилец был, а семья большая... жалко!...

-- Вон и ноне отхватило руку Левше. Как стонал, сердешный... Все просил не забывать комитету детишек...

— Матер, да и хитер пароплюй!..--Поглаживая стойки великана закончил свой несложный рассказ дедушко.

— „А вы чего вертитесь!“ Закричал на забойных подошедший мастер.

— Нечего глазеть проваливай!...

И, казалось вот, где хлеб достается потом и кровью, вот, где могут родиться и вырасти безудержно -- смелые мысли, вот где может, как сталь закалиться воля!...

А молот ухал и дробил...

У вальцовок спорят...

Лица возбужденные, машут руками.

— Нет, ты не ругайся, а послушай, что я тебе скажу -- говорит niskорослый с широкими скулами рабочий.

— Большевики, значит, не виноваты.--Ты говоришь из за них в Рассее жить стало тяжело нашему брату, а я говорю нет!..

— Тут вина в проклятой войне... Что ты получил -- а? --А, сколько наших уложили.

— Буржуй-то вон до последнего времени отсиживались дома, распивали чай с сахарами, а наш брат в окопах вшей кормил, и у станков изнемогал ночами... Ну а теперь уж Федот, да не тот, как говорила бабушка Акулина.

— Уж ежели будет мобилизация — все пойдут...

— И правильно, необходимо, значит.

А Рассею я брат, во как люблю!...

— Правильно, Митрич, правильно!..

Я вот темный человек, не ученый, а душой чувствую, сердцем. — Уж, полно ты, спорить. бородатый козел. Али забыл, как без места шатался, — был значит выгнанши... Эх! уж не стоит и вспоминать, ты Никола Чудотворче, наверно помнишь кулак бригадира?

— Ну и молчи уж ежели не понимаешь!..

Под ногами снуют подмастерья, подростки — лет по 14—16. У них сегодня собрание...

— Старших и пускать не хотят! Из рук выбились.

Урчит, улыбаясь, Вавилов.

— А славные ребята, не суй в рот палец — откусят.

Уж настоящие большевики.

— Вон мой Степка, вместо иконы, дома повесил в угол фотогрофию Ленских расстрелов.

— Молись, мол, маменька. — Вот наши мученики! А Богородицу вверх ногами поставил...

— Ну, и шустрый парнишко. — Выросту, говорит, в Германию поеду. Еще в прошлый год хотел сбежать к Буденному, вы говорит, кисните здесь!.. Жаль вот мало его поучили, а далеко бы пошел...

За поворотом в слесарной стучат молотки, цокают пробойники. Мягко лижут шероховатыми языками рашпили олово подшипников.

Высоко на домкратах подняты чудовища — паровозы, их стальные бока, начищенные нефтью, блестят полосами при свете лампочек.

В канавах, по колено в воде — копошатся несколько человек за скатами. По бокам, на высоких и узких верстаках размещено в строгом порядке движение „ески“ — это Сормовские, в текущем ремонте.

У некоторых из них, четырехугольные пасти топок открыты и внутри их работают котельщики.

Глухо бьют бабитовые молотки по вальцам дымогарных труб...

- Жарко ребята? Здорово пожелаем!..
- Не говори, брат, что в пекле сатаны...
- А ты, разве бывал там!—шутит рыжий чеканщик.
- Уж где мне, вот ты сжег волосы, Иуда!..
- Был вчера на собрание?
- А ты думал как — выбрали в сменного старосту!
- Ишь, ты, начальство тоже огрызается Васька...
- Нечего зубоскалить, работай,—обрывает его старшой...
- Скоро обед,—наговоритесь...

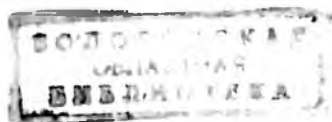
И частят молотки, то сливаясь в дружных ударах, то рассыпаясь мелкой дробью по высокому законченному цеху...

Шумит завод. Дрожит земля от биения стальных сердец машин...

Вот, вот лопнут, железные жилы белой крови — пара... Не выдержат устои вышек, упершихся в небо... И все рушится, давя тысячи жизней, коверкая и ломая стальные скелеты великанов.

И в слабом рассвете осеннего дня.— Гудок.— Сирена плачет, зовет на обед...

Ив. К.

ЛЕСОВИК.

(Р а с с к а з).

Небо звездное—полог цветной, трава густая—постель пуховая, шепоты листьев—матушкины сказки, баюкания—спится потому под огненным одеялом, что от костра ложится—спокойно, хорошо.

Лес-то—отец второй. Родился здесь, и с малых лет по кустам шарю, но не все ошарить успел, есть кусточки не известные, полянки заповедные жимолостью густо огороженные — не проберешься.

Опять таки и у отца: совсем, кажись, знать бы его хорошо следовало, а вот подиже? Иной раз такие загадки—ничего не поймешь.

Придут к нему гости: учитель из Тюкина, да мужиков молодых двое оттуда же и пойдут споры у них, громкие такие—думали драке быть, а потом глядь поглядь чай вместе пьют—не загадка-ли? Опять—книг вороха—зачем? Разве прочтем все? В жизнь не прочесть.

И лес, и отец—старики. Оба мхом седым поросли, сроднились, друг друга знают хорошо. Иной раз ничего не слышишь, думаешь тихо в лесу. Ветру—песеннику петь-ли накучило, или истома жаркая взяла, к земле склонила, между корней на травку уложила, замолкнуть заставила, или перед грозью,—а отец прислушается и говорит:

— Опять Черницынские на Кужлихе сосну рубят, охальники. Попадут они ему на глаза. А мать:

— Ты бы, Андрей Семеныч, сходил, пострадал их, што-ли. Не терпеть же тебе за них.

— Как-же я стращать буду коли знаю—нужен лес Черницынским, сама знаешь впрошлогодь пожар был, строятся.

— Строятся, так законно пушай, а пошто они супротив закона. Тебе хозяева оберегать лес вверили, а ты, вон как.

— Чье же, как не ихнее ежели на ихней земле растет?

— И земля не ихняя. Земля мать тому, кто грудь ее ножами острыми порет, молоко сосет.

— Не дело ты, старик, говоришь, на старости лет дурить вздумал, с нехристями с этими спознался, кампанию с ними повел, дело свое забыл.

— Ладно, мать, не стрекочи—кузнечиков наслушался, не тебе об этом судить дело свое делай.

Мать губы закусит, да стол тряпкою-столотиркою ласкать почнет. Потом по дому кружится и от скуки с горшками, кринками разговор ведет:

— На ко, лес рубят, а он спокойно чай распивает.

А отец с ружьем за плечами не в ту сторону, где рубят пойдет.

Мать на крылечко выбежит.

— Куда ты пошел, бесшабашная головушка, сходил-бы на Кужлиху, взглянул много-ли дерев попортили.

Отец матери в глотку открытую сунет.

— Что ты разоралась? Птичек, дура, всех пугнешь, песни петь бросят,

И пойдет. Оставайся старая с этим, да в спину глазами упрись, в затылок лохматый руганью колотись—не повернется.

На Чижевку пойдет, к речке сядет там под черемухой, на лужайку, книгу развернет, на глаза рамы напаялит—и пошло—губами чмок, чмок, чмок.

Слова все не понятные, тяжелые.

Долго сидит—пока солнышко каемочкой узкой на голубой ткани неба не ляжет, а потом домой идет.

Часто на ночь в лес уходит, меня с собою не редко берет.

Весело бывает в такие ночи. Рассказчиков двое, были рассказывают. Отец, да ветер—язычками—листочками шоп, шоп, шоп—читанные в книгах сказки в сотый раз заново, заманчиво, по новому, слушать вечно не надоедает.

Лежишь на армячке, в фуражку рваную лицо уткнешь, с боку огонь греет, щеку докрасна калит, отцу бороду в золотистый цвет окрасил.

— Тять, тебе бы бороду-то золотую. Красивее.

— Была, мил сынок, такая, да старость переокрасила, под серебро вместо золота отделала.

Долго не спим, коростель горлан где-то свое „ква, ква“ кричит. Изредка, койгде птица тревожится, крыльями помашет, перелетит с дерева на другое—опять тихо.

Недолга ночь летняя, не успели выжечь на небе лампадочки, как гасить уже нужно. Подыматься пора. Птички во всю голосят, заливаются, солнышку рады, а оно исколосось о сучья, кровь свою брызгами светлыми по траве, по кустам разбрызгало. Собрать бы брызги эти в чашу принести в избушку родную, в угол правый на маленький столик, покрытый платком цветным, поставить—чтобы вечно весенний воздух был, что-бы дышалось легче,

II.

Однажды, с утра по лесу рыскал, туда да сюда сновал круг стволов толстых. Много полянок обошел, бабочек разных, цветков нагладелся, а по дороге домой дрожжи-прыгунчики меня нагнали.

Барин, Степан Филимоныч, на своем Востроухом катил к домику нашему.

Дрожжи по кореньям прыг да прыг, да, я за ними-тоже в прискокочку.

Когда прибег домой—барин в саду уже сидел на скамеечке, а перед ним хлеб белый и мед золотистый — свежий.

Тут же отец стоял, речь с барином держал, барин-то его такими словами потчевал:

— Доволен я тобою, Андрей, но ты будь, брат, поаккуратнее, а то чорт знает что: еду я на днях Плисенью, смотрю:

два дерева срублены и увезены, а одно тут еще, не постеснялись, оставили. Время не было дожидать порубщиков, а то изловил-бы.

— Не мудрено, Степан Филимонович, что и не усмотрел— где-же уледить, позавчера по рубкуна Чижевке сделали,—озевал.

— Это чорт знает что!, так весь лес вырубят, хоть сам стереги из за сторожа, которому жалованье плачу—забубнил, заругался барин.

А отец спокойно:

— Зря беспокоитесь, хватит лесу, не весь вырубят, много— сосну вторую — Слова отцовы для барского сердца— не кащи успокоительные, пуще того барин ругается.

Сердито надувшись на дрожки сел, матери крикнул:

— Мальчишку завтра с клубникою в усадьбу пошли,

III.

Солнышко шустрое, бойкое— не успело вечер за леском спрятаться, как ранним утром с другой стороны, из за дерев выползло, за облака цепляясь, вверх полезло на полянку перед избой ковер света кинуло.

Мать добудиться меня не могла—за ноги с сеновала, со свежего сена—волоком.

Очнулся. К речке умываться побег. На колени встал, в руки воды набрал, да в лицо плеснул, молитву шепча свою всегдашнюю:

— Хорошо то как, господи!

Захлебнулось сердце от счастья, нет больше слов, за то у птичек-голосистых их короба полные, и сыплют они песнями не жалеют, не боясь что охрипнуть могут. Речка тоже не молчунья скрытница, шепчет она что рыбкам маленьким, которые поверху кружат-испугаешь, под камышек шмыг, только хвостиком вильнут.

Раздолье утром в лесу. Только сидеть перед речкою не— когда, нужно клубнику, кровавую забирать, да в усадьбу шагать.

Мать завтрак сготовила, поел—да корзину на руку, и по тропке—босою ногой топ, топ, топ.

Корзина стонет—тяжело бедняжке, а руке того тяжелее— одрябла вся, булавкой коли—не почувствует.

Хорошо усадьба близко, на встречу гонцов выслала— акаций аллею, дорожки раскинула, широкую пасть ворот разинула, меня глотнула, оградой железной опоясала и по дорожке, к кухне потянула.

В кухне жарко. на что солнышко-жаркое, и то так на земле не нашпарило—духота тут, дышать нечем.

У плиты повар в одежде белой без единого пятнышка, у стола горничная в фартуке белом.

Побежала барыне сказать: „сторожа лесного мальчишко пришел, ягоды принес“.

А барыня—королева настоящая. Вышла—ландышами в кухне запахло, точно корзину их за нею несли.

— Как звать тебя, мальчик?

Не сробел:

— Сергеем.

— Ты, Сережа, пойдя в комнаты, поиграй с девочкой—она одна соскучилась, у нее очень много игрушек и она очень много знает интересных игр.

И горничной:

— Даша, проводите мальчика к Гале.

Даша барыне:

— Слушаюсь.

Мне:

— Идемте:

Шли по комнатам богато-убранным вещами не виданными.

Стулья большие, матерчатые цветные, цветов по углам много—иные—деревья хорошие, только в комнате, где девочка гулять собиралась—победнее.

Девчонка—кудреватая, в платье ище безрукавом на меня глазами шмыгнула, да и зацепилась, а я в пол свои буркалы:

Хорошо Даша во время:

— Барышня, этот парнишко играть будет, барыня велела.

А то бы молчали.

Девчонка глазищами опять меня обшарила.

— Играть? А как же ты играть умеешь.—Шевельнул языком—шевелится, сказал:

— Никак не умею.

— Ну, это ничего; я тебя научу, бежим в сад.

Побежали. Еле угнался за нею: такая скороход—упарился даже.

А в саду площадка ровная, от травки очищенная, словно гумно крестьянское. Душки в землю понатыканы, шарики лежат, молоточки. Стали этими молоточками шарики гонять между душек, угадывая, а надоело—к реке бегали, на лужке сидели, разговаривали.

- Ты и зимой в лесу живешь?
 — В лесу.
 — А волков не боишься?
 — Пошто бояться, коли у нас с отцем ружья есть.
 — И у тебя есть?
 — Есть.
 — И стрелять умеешь?
 — Умею, не особенно метко, но научусь побольше буду.
 — Поучишься, ты обязательно научишься, ты умный мальчик, а папа у тебя злой наднях моего папу обидел.
 — Зря это все, не он его, а твой отец обидел, выругал всячески.
 — Вот как? А папа говорил, что наоборот.
 — Врет твой папа.
 — Нельзя так про старших говорить, Сережа.
 — Почему нельзя, коли врет он?
 — Папа никогда не врет, он и мне говорит, что-бы я не говорила ложь.
 — А тут вот соврал...

IV.

Тропка к усадьбе — знакомой стала, изо дня в день топчу ее.

Играем долго, того больше разговариваем.

Однажды:

- А кто же учит тебя Сережа?
 — Отец читать, писать научил.
 — И в школу ты не ходишь?
 — Пошто, раз читать и писать умею.
 — В таком случае, я назову тебя не Сережа, а лесовик, ладно?
 — Как хочешь зови, все равно.

В другой раз:

— Опять порубка у вас в лесу, семь деревьев срубили. Папа ругался очень, на твоего папу рассерчал не за что жалования, говорит, ему платить, не стоит он его.

— Вишь, сердится, а сам бы попробовал, лес то велик, не устережешь — отца защищаю.

V.

В день праздничный отец на Мотхриху пошел, погода не много после его и я туда.

Слышу — в овраге сосну валят. Бегом побежал — воров на — крывать.

Сердечко торопится, вперед ног прибежать словно хочет, а ноги не отстают. через валежник в припрыжку.

На полянку выскочил, а там зареченские—двое тянут сосну веревкою, один топором острым под корень клюет, и из дерева сок красноватый—кровью бежит.

Меня мужики увидали, переглянулись, а я:

— Здравствуйте.

Тем-же ответили,

Постоял немного молча, и надумал:

— Что же это лес чужой рубите, опять барин тятю строгить почнет.

— Деревцо-то больно, родимый, надобно. Отец то у тебя хороший, понимает он нужду нашу, не забранит.

Позади голос отца раздался:

— Хвалить пусто неча—поспешай, а то „сам“ накроет, всем взбучку даст.

Мужики отцу в ноги—нич-ничком, а ему—смех рот пялит:

— Что это кланяться вздумали? не мое добро, благодарить нечево.

— Пойдем-ко, Сережа, домой.

Пошли. Отцу дорогой вопрос задал:

— Тять, зачем мужикам волю даешь? Барин ругаться почнет, с места уволит.

— Пушай увольняет, пушай ругается, свет то велик—не только лес этот,

VI.

Лето быстро бежало, схватить его да на время задержать нельзя.

Небо частым дождичком крошило, травку к земле прихлястывало. Листики на деревьях пожимались. попадали, ветру в лесу простор, кружится очумелый, кричит: „я, мол, не я; моя, мол, это работа, я листики с деревьев поскидал, да расбросал по земле ковром желто-красным“.

Дни скучные, холодные, из дому на улицу никто не манит, дружка—любимца, товарища-летняго, солнышка, на небе давно не видно, от дождя за тучки спрятался.

Отцу и погодушка нипочем, чай пьет—торопится, в горле жжет, меня за молитву бранит:

— Который раз говорю, пусто рукой не болтай в это время лучше строчку из хорошей книги прочитай.

А мать—богомолка в слезы:

— Сына-то, как сам, безбожником растишь, покайтесь ужо, спохватитесь—поздно бы не было.

— Не каркай, не плохому учу.

И то неплохо: иконкам каждый день челом бить надоедливо.

Вечером поздним, в лесу сова—кликлуша кликала страшно, вместе с ветром песню пела, на дворе собака жалобно выла—подпевала, отца с утра дома не было и мать тревожно говорила:

— На свою бы голову тебе навить, Бог дай.

В окно хотел глянуть, да ветер дождем бросил, напугал. Потом успокоился, снова выглянул.

Темно. У окна стена черная, за стеною ветер, сова и собака песню—грызынюю, что сердце грызет—поют.

Утром тоже отца не было. Самовар—песенник не песни пел, а стонал, углями подавившись.

Мать плаксиво говорила:

— Не к добру это, чуёт сердечко—не ладное случилось. Худо с отцом что-нибудь. Плохо вы с ним Богу молитесь, он, милосердный, и наказует вас.

Перед обедом дольше креститься заставила. А в обед по дорожке колокольчики:

— Динь, динь, динь!

И на полянку тройка, а за нею тарантасик в припрыжку и верховых двое с шашками, с плетками.

Мать задрожала, в лице изменилась.

Из тарантасика в ту пору усатый—толстопуз вылез, в шинеле серой.

В избушку вошел, двоим, что верхом скакали, рыться везде приказал, а те радехоньки, все тряпки перерыли, книги забрали, бумагу какую-то написали, и, уезжая, усатый молвил матери:

— Муж арестован.

Мать на лавку—деревом срубленным, умерла думал, — через час отдышалась.

— В город, Сережа, ехать надо, сидит отец твой там в тюрьме, за железною решеткою в холоде, в голоде.—говорит, слезам заливается—плакса.

VII.

Через неделю пожитки все на Чалого сложили, чернобокую за рога сзади причаляли, и в город покатали.

Продали там лошадку, продали корову, жили в кануре у старушки—побирушки.

Перед Рождеством суд отцу был, мать после суда ревела все, хозяйка старушка успокаивала—не помогало.

На третий день арестантов отправили в каторгу, народу к вокзалу сходилась много, пропускали за цепь только тех,

кто в шляпах в пальто с воротниками, остальным цепь под ноги и перешагнуть не смей а то городовые зацепят.

Хотел на отца взглянуть, на цепи, что на ногах у него звякали, и жалел очень—не лето почто? Забраться-бы на дерево—все увидел.

Когда поезд-длиннохвост—„прощай“ скричал и, хвостом зашевелив, пополз в гору по линии, народ в сторону города толкнулся, на мать смотрели, пальцами указывали:

— Арестантова жена.

А она ревмя редела.

VIII.

Жили одни.

Мать с утра до позднего вечера зимнего, отрепи трясла. Домой приходила—иззябшею, седою—от костицы белой. Руки красные, щелявые с кожей жестокою по лицу гладит—дерет.

Летом белье у бар стирала—корыту кланялась и на пруде вальком выстукивала.

Однажды письмо грязное почтальон принес, и в письме том учитель Тюкинский о смерти отца писал.

Мать не плакала больше, а в церковь еще чаще ходила, и меня с собою таскала.

После всегда бранилась.

— Пнем в церкви стоишь, ниразу лба не перекрестишь, рука не отвалится.

— Отцов наказ, мама, помню, не учил он меня молиться-то.

— И погиб он потому, и ты поевонному жизнь закончишь, и тебя, как ево, бог накажет.

И слезы надоедливые ручьем из глаз старушечьих бегут, укоры материнские сердце мытарить почнут.

IX

Время бежало—версты годы отсчитывая.

По новому жил—в коммунистическом союзе молодежи—вечерами безвыходно.

Однажды, с ребятами песни пели, а в двери незнакомка входит,

Кудри из под шапки—кольцами, всю опушку меховую обвили, держат словно. Глаза быстрые—непоседы, по углам кружат, меня нащупали—встали. Улыбка, ротик немного распылила, а там зубов белых частокол.

Знакомая что-то. И она смотрит долго.

— Лесовик?

— Галя!

Со стула вскочил, руку жму, а она смеется.

— Осторожней, настоящий лесовик.

— Как сюда попала, давно-ли? Не наша-ли, не комсомолка-ли?! Закидал ее вопросами, откидываться успевай.

— Тараторишь ты больно, ответов сыскать не успеть, пореже спрашивай, да присядем, все расскажу.

Смотрю на ее—былое вижу; детские годы, родной лес, цветочки, небо звездное.

А она рассказывает:

— В комсомоле второй год, в питерской организации была, а теперь отца сюда перевели в земельный отдел для работы, и я, значит, буду жить здесь.

— Вот, хорошо-то, вот весело-то будет.

Радехонек встрече со знакомкою старой.

И побежали дни еще быстрее, счастьем подхлестываемые. Зимой тепло и счастливо с нею, а летние прогулки—веселее времячка не было.

— Отцы врагами были, Сережа, а мы друзья; удивительно!

— Чего же удивительного, новые мы, молодые.

Х.

Назначение для работы в родную волость не радовало, разлука с родною организацией не охотна.

Когда лесом родным ехал, тепло и уют клуба союзного помнился, веселое щебетание и песни слышались.

Приехал, скуку работаю гнать вздумал, по деревьям кружил, с ребятами разговоры заводил, беседы вел, а вечерами в избушке родной у окошечка с книгою сидел, читал или писал.

Избушка моя маленькая, кругом лесом захоровожена.

Ели ветвями сцепились, серебром осыпались и стоят не шелохнутся, окрошить дорогой наряд боятся.

Одна только по стеклу бельмистому шаркотит, по стене метет, приласкать меня норовит.

Ветер-знакомец старый сквозь чащу наведаться в гости пытается, да сосны ветвистые дорогу ревниво стерегут, ветвями гостя назойливого секут, спокойствие мое берегут.

Бьется он грудью широкою о стволы деревьев столетних, стонет от боли, ревет, а прорваться не может, не пускают сторожа надежные.

Должно не знают, что брат мой любимый—ветер свободный, что песни те—которые вечерами я пою, далеко на полях безлесных, в городе далеком—он мне рассказал, вместе с ним пели мы их тогда.

Добрый ветер и ласковый: много нас тогда было, а он всех поцеловать губами холодными успеет, ласкою никого не

обидит, объятиями могучими всех обнимет, волосы растреплет, смеется и на ухо кричит:

Ууууу!

А мы ему ответно:

Эийй!

Как с другом близким перекликаемся. Идем по сугробам снежным.

Руки вперед ног рвутся, ноги отстать не хотят, догоняют, а ветер сзади в спину тычет, итти помогает,

Не знают этого сосны, не знают и того, что один только ветер вместе со мною ее целовал в губы красные, и она ему зубы скалила белые, а я не ревновал. Не знают и того—может весточку от нее он несет, друг, ведь, он ей, как мне друг.

Помню день, не такой как здесь—холодный и темный, лето тогда было. В поле мы с нею стояли, кругом-то рожь золотым ковром, а ветер по ковру этому шагами быстрыми, легкими слегка рожь к земле склоняя—бежал.

Ближе и ближе он. Обнял нас.

За юбку ее сцапал—нескромник, головку погладил, пыли ухватил, да в лицо горсть целую—зажмурились.

Она глаза затворками закрыла—ресницы длинные—резьба кружевная.

— Вот, любовник-то настоящий, неизменчивый. На всех у его любви достаточно. Всякого приласкает, поцелует, рожь заставит в ножки любимой кланяться, листочками песни проплет. А смелый какой?

— Смелых любишь, значит?

— Да.

— Любишь? Так, на же!

Жамкнул ее в объятиях, да губами в губы—что бы смеху не слышно было, а глаза говорят, смеется она, весело ей.

Не знают сосны этого. Они думают кроме централки верной, да лохматой собаки—Дружка,—нет друзей у меня.

Не знают сосны, что далеко в городе, за несколько сот верст отсюда, есть дом большой, тепло и весело там. На потолке не лампы—звезды рассыпаны, звезды вместо глаз у ребят, не смех—серебро сыплется, разговоры веселые, задорные—щекотка сущая, смеяться весело, говорить без конца или петь хочется.

Смех—так—смех общий, разговор тоже, а сердце?.. одно большее сердце. Нет там горя и слез. Весело всегда, вместо солнышка весеннего знамя красное, а на нем колосики золотые; серп и молот.

Крикнет только кто.

— Петь, ребята!

Затрепещет песня—крылатая найдет щелку, выскочит на улицу, поперек дороги ляжет, путь прохожим загородит; недовольны те:

- С жиру бесятся.
- На голодное брюхо не напоешь.
- Сыты, надобить.

А песня сердит, уши щекочет, и бегут обыватели мимо, а свои родные ребята приворачивают.

Воткнемся Ильичу в рожу—глазищами, рот трубой и горланам.

Лишь мы—работники всемирной...

Весело там.

А здесь...

Ветер только брат мой, доволен, что к избушке пробрался, хохочет радостно.

Подряд что-ли взял, снег от крыльца откидывает, метет метлою невидимкою—чисто.

Погреться в трубу забрался—песню запел.

Эх, схватить бы тебя, запречь в саночки—самокаточки, да приказать:

— Вези туда за лес, по полю, простынею белоснежную крытому, неси к городу, где дом большой не с лампами - с звездами на потолке высоко, где сердце общее, где семья родная, где песни веселые.

Павел Смуров.

Про хлеб, самогон, попов и неурожай.

(Повесть в стихах).

На широкой улице —
Деревеньки Круглицы,
Что народу прудится
Баб и мужиков.....
Стареньких и седеньких,
Рыженьких и беленьких.
Зипунов и ватников,
Шапок, армяков.
Чем то все взволнованы.
Судят и ругаются.
Рукавицей машется
Вон, смотри, Степан!
Сельское кулачество
Самогоном рычется.
По толпе шатается
Староста Иван.....
--- Подойду, послушаю,
Что решает Круглица
— Аль услышу доброе
Новое словцо?
Уж не конокрады-ли
Снова пообчистили,
У Демьяна лысого
Лошадей, сенцо?
Не убит-ли праздником
Зимнего Николушки
В драке пистолетами
Паренек какой?
— Али, может, нехристи
Аппарат Аленушки
Отобрали, дьяволы —
Гонят самогон?
— Здравствуйте, крещеные.
Мир вам, православные!

Что вы раскричались—
Правите указ?...
Здравствуй, ты, Никитушка,
Здравствуй, начиналушко,
— Вот, прочти-ко грамотку
Новенький указ!...
Поп, то наш все бесится—
— Мало подаяния,
Просит ржи по пудуку,
— Мал ему оброк...
А не, то оставлю, мол,
Без причастья детушек,
Без креста, евангеля,
Весь, мол, ваш приход!
— И не зьем, миленький,
— Микита начиналушко,
Что с попом и делати.
Как нам поступить?...
Ржи то вон учителю,
Не хватает, фельдшеру,
Всех то их, родименький,
Трудно накормить.....

* * *

И решили верные
Богу православному
— Мужики степенные
Школы позакрывать.
А отца Василия
Дьяка Никодимия,
Ржицей—самогоночкой
Вдоволь наделить.

* * *

Баги умиляются,
Горлом славят Боженку,
Да крестами машутся
В новых стихарях....
„Ох, темно в головушках,
„Ох, темны крещеные!..
Что-бы не остаться вам,
С батей в дураках.....

* * *

Пролетела зимушка.
Пролетел Николушка.
Солнце по весеннему,
Село на поля.

Рожь то ныне дряблая
— Всходы отощальные
Раскалилась солнышком
Голая земля. ..

* * *

На широкой улице
Деревеньки Круглицы
Мужики ругаются
„Ох, не урожай“!
Промолились темные,
На икону матушку
Матушку „Заступницу“
— На себя пеняй!..
Поп кропил, кропилкою,
Все поля озимые
Все молебны глухие,
— Батя перепел!
Не растет озимая,
Что ни день, то худшая—
— Бог от вас, крещеные—
В Питер улетел!....

* * *

Чем молиться, кланяться
Перезвоном тешиться,
Да стонать на паперти
— Бога умолять.
Надо-бы по времени,
Нивою распашкою,
— Узкою канавкою
Землю орошать!....
Руки-то мужицкие,
Уж видали заступы,
— Вышли-бы селением
На свои поля,
За щеку заложили-б
По краюхе черного,
Мигом-бы из озера,
К вам пришла вода!....
— Ох, головы головушки,
— Ох, темны крещеные.....

Ив. Кедровский.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

О Т Д Е Л.

НУЖНА РАБОЧАЯ ВЛАСТЬ.

Экономический кризис в результате войны разразившийся над Европой не только не изживается, но наоборот, с каждым днем все больше запутывается и растет. Не говоря уже об экономическом кризисе в странах с мало развитой индустриальной промышленностью с культурно отсталым населением и в странах побежденной Европы, кризис пустил глубокие корни и в таких твердых капитала, каковыми являются Франция и Англия.

Этот хозяйственный кризис Европы, объясняется не столько длительной милитаризацией и разрушением промышленности, сколько политикой буржуазных правительств—Европы, преследующей всецело грабительские цели и эксплуатацию. Достаточно поверхностного наблюдения над „мировыми“ отношениями Франции и Германии, чтобы убедиться в том что Франция, преследуя, якобы, уничтожение военной мощи своей противницы, совершенно разрушила хозяйство Германии.

Не только поставленные Германии невозможные условия по выплате репарационных долгов, захват Рура, террор французской оккупации давят Германию; ее душат, и не в меньшей, а даже в большей степени, отсутствие рынков сбыта. Германская промышленность обречена на застой;

потребление Германии далеко не достигает степени производства ее индустрии. Призрак экономического краха стоит перед Германией во весь рост.

Немногим лучше и положение Англии. Точно также и там наблюдается величайший кризис и экономический застой. Достаточно взглянуть на те цифры безработных выражающихся в миллионах единиц, чтобы убедиться в том, что хозяйство Англии идет не в гору, а под гору.

Положение Франции совсем запутанное. Эта страна, обладавшая и ранее не доразвитой промышленностью, нажившая в результате „победоносной“ войны, колоссальный долг, бросающаяся и по сию пору в равные военные авантюры, естественно не только не наладила своего хозяйственного равновесия, а наоборот, ее хозяйство находится накануне банкротства.

В результате такого хаотического состояния европейского хозяйства, да плюс к тому организации многих, не обладающих никакой экономической мощью малых государств, и создается тот нелепый кошмар, который носится над Европой последние годы, подготавливая новые войны, новые бессмысленные пролития крови.

И единственным выходом из создавшегося положения—это было-бы;

вовлечение всех производительных сил в общую работу по восстановлению хозяйства. Но сделать этого при существующей буржуазно-капиталистической структуре невозможно.

Не только специалистам—экономистам, но и мало мальски сведущим в хозяйственных вопросах людям ясно, что восстановить Европу, без вовлечения в это дело огромной богатейшей страны, как Советская Россия, безусловно совершенно невозможно. Россия для Западной Европы представляет колоссальный резервуар сырья и топлива и не менее колоссальный рынок для сбыта торговых фабрикатов и исключение ее из общей системы европейского хозяйства равносильно подрыванию собственными руками того суна, на котором производится и сам капитал Западной Европы.

Продолжающаяся и до сего дня экономическая интервенция России не только невыгодна для европейской промышленности, но грозит и тяжчайшими осложнениями для последней. Экономический кризис, несмотря на все старания буржуазии, не сокращается, а углубляется все больше и больше и запутывается.

Ибо, ведь, само собой понятно, что „кулаками“ хозяйства не наладишь.

А буржуазия хочет выйти из положения именно при помощи кулаков.

Пожар новой войны, которую пытаются раздуть г.г. Пуанкаре и К-о кроме новых разрушений, новой нищеты и разорений, нового ослабления силы рабочего класса ничего принести не может. Рабочие массы это понимают, также прекрасно понимают они и то, что с разрухой надо бороться не за счет сокращения заработной платы, а иными способами и, в первую очередь, путем экономического сотрудничества всех стран.

Наша задача сейчас, задача всех передовых сил пролетариата—указать трудящимся, что только волей рабочих масс, путем создания единого рабочего фронта, под руководством Коммунистического Интернационала, путем пролетарской революции, возможно предотвратить то зло, которое готовит буржуазия.

Буржуазия никогда не сумеет создать экономическое равновесие, ибо ее интересы построены на грабеже и эксплуатации, а к этому могут привести только социальная революция и рабочая власть.

А. С.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ.

Маркс и его дело.

(5 мая 1818—14 марта 1883 г.).

Он умер так давно... а самое слово „смерть“, попрежнему странно, не вяжется с его именем. После него, как и после всякого другого человека, осталось в сущности, одно — его дело. Но никогда еще ни один человек на земле не оставлял по себе такого гигантского наследства.

Это наследство — *идея, организация, образец жизни.*

Идея... Он преобразовал политическую экономию, историю, всю область общественных наук; он дал новую душу философии. Из богатства его мыслей и знаний черпают вновь и вновь, и долго еще будут черпать, не только друзья, а даже враги. И во всем этом лежит одна, всеобъединяющая, живая идея. Сама по себе, она проста; но не всякому дано понять ее величие.

За три с половиной века до Маркса жил скромный астроном, Николай Коперник. Он также преобразовал свою науку, у него также была одна, простая идея: она — родная сестра идеи Маркса.

Древние астрономы добросовестно набоюдали небо, изучали движения светил, видели, что есть в них глубокая, стройная, непреложная закономерность, старались выразить и передать ее. Но — тут получалась какая-то странная запутанность. Планеты идут среди звезд то быстрее, то медленнее; порой как-будто останавливаются, поворачивают назад, и опять переходят к прежнему направ-

лению; а через определенное число месяцев и дней они снова на старом месте, и начинают тот же путь. Приходилось придумывать сложные теории, отдельное небо для каждой планеты, предначертанные каждой круги, вращающиеся в свою очередь по другим кругам и т. д. Неясность не исчезла, расчеты были страшно трудны.

У Коперника возникла мысль: не потому ли все это так сложно и запутанно, что мы смотрим с *земли*? А что, если переменить *точку зрения*, и попробовать — конечно, лишь мысленно — посмотреть с *Солнца*? И когда он сделал так, то оказалось, что все стало просто и ясно: планеты, и Земля в числе их, движутся по круговым, а не извилистым путям, и Солнце — их центр; но раньше этого не понимали потому, что Землю считали неподвижной, и ее движение смешивали с путями планет. Так родилась новая астрономия, которая об'ясняла людям жизнь неба.

До Маркса жизнь общества исследовали буржуазные ученые, и смотрели на нее, естественно, с *точки зрения, своего общественного положения в обществе*, с точки зрения класса, который не производит, а подчиняет себе труд других людей, и пользуются им. Но с того места не все видно, и многое представляется в искаженном виде, и многие движения жизни запутываются так, что их нельзя понять.

Что сделал Маркс? Он *переменил точку зрения*. Он взглянул на общество с точки зрения тех, кто производит, — рабочего класса, и все оказалось иначе. Обнаружилось, что, именно, там — центр жизни и развития общества, то Солнце, от которого зависят пути и движения людей, групп, классов.

Маркс не был рабочим; но силою мысли он сумел вполне перенестись на позицию рабочего. И он нашел, что с этим переходом все тотчас меняет очертания и формы: раскрываются для глаз силы вещей и причины явлений, неизвестные отсюда, со старой позиции: действительность, истина, даже сама очевидность — становятся иными, часто противоположными прежним.

Да, и сама очевидность! Что может быть очевиднее для капиталиста, чем то, что он кормит рабочего? Разве не он дает рабочему занятие и заработок? Но для работников не менее очевидно, то, что они своим трудом кормят капиталистов. И Маркс учением о прибавочной стоимости показал, что первая очевидность — иллюзия, видимость, подобно ежедневному движению Солнца вокруг Земли, а вторая — истина.

Маркс нашел, что все мысли и чувства людей получают разное направление, складываются несходно, смотря по тому, к какому классу эти люди принадлежат, то есть, какое положение в производстве или около производства они занимают. Различны интересы, привычки, опыт, различны и выводы из них. То, что для одного класса разумно, для другого — нелепо, и наоборот; что для одного справедливо, законно, нормально, для другого — несправедливость, злоупотребление силою; что кажется свободою тем, рабством кажется этим; идеал этих вызывает ужас и отвращение в тех.

Маркс подвел итоги, и сказал: „общественным бытием людей определяется их сознание“; или, другими словами, экономическим положением определяются мысли, стремления,

идеалы. Это была та идея, посредством которой он преобразовал, всю общественную науку и философию. На ней основал он великое учение о классовой борьбе, через которую идет развитие общества. И он исследовал путь этого развития, и показал, куда оно ведет, какому классу предстоит создать новую организацию производства какая будет эта организация, и как она покончит с разделением на классы, с их вековой борьбой.

Маркс не был рабочим. Но в рабочем классе великий ученый нашел точку опоры для своей мысли, точку зрения, которая позволила ему проникнуть в глубину действительности, и породила его идею. Сущностью этой идеи — самосознание трудового пролетариата. Вот почему Маркс — мыслитель более, чем кто-либо, принадлежит пролетариату.

Он принадлежит ему, и как великий организатор. Идею пролетариата он сделал могучим орудием организации. Семьдесят пять лет прошло с тех пор, как прозвучали над миром призывающие к объединению слова знаменитого манифеста, написанного им с Энгельсом. И эхо живой жизни продолжает повторять их, громче и громче, до самых далеких уголков земли. Гигантские организации складывались под этим лозунгом, о Западе до далекого Востока; и росли, собирая силы, неудержимо, быстрее и быстрее, словно лавина Истории.

Судьба Маркса-организатора трагична, полная ярких побед, но и тяжелых поражений. Не раз суровая жизнь разрушала то, что он создавал ценой огромных усилий. Как истинный организатор, он не терял мужества перед безвременьем. Он выжидал момента и условий, и вновь, упорно, начинал работу, шире, чем прежде. Распалась, под гнетом реакции, та организация, которую в эпоху подема 1848 года он основал в Германии; сам он очутился изгнанником на чужбине. Но прошли годы, — и он с товарищами основывает там Международное Общество

Рабочих, и руководит его работой, опираясь на свою могучую способность убеждать людей. Оказалось, что и для этой организации не пришло еще настоящее время: сначала она и расширялась; но потом обнаружилось, что в ней сошлись слишком разнородные элементы. С трудовыми пролетариями — людьми единства и товарищеской дисциплины — не могли ужиться анархисты, представители частью озлобленного мелкого мещанства, гибнущего под ударами капитала, частью пролетариев полу-босяков, непрочно связанных с производством, недостаточно воспитавшихся на нем. Анархисты раскололи организацию, и она вскоре замерла.

Она была любимое дитя Маркса... Он, конечно, не сомневался, что она воскреснет. Но не судьба ему было увидеть это. Он не дожил шесть лет.

Он не видел того, как возродился Интернационал, и как за четверть века объединил уже десятки миллионов людей, вместо прежних десятков и сотен тысяч. Правда, зато не был он и свидетелем трагического крушения этой великой организации в мировой катастрофе. Но, с той ясной верою, которая вытекает из глубокого знания, соединенного с алмазно-твердой волею, он и в наши дни не усомнился бы ни на минуту в том, что среди всех крушений и бедствий поддерживает теперь нас, его учеников: что новое возрождение еще неизбежнее, еще ближе, чем оно было после первой гибели, что Третий Интернационал настолько же превзойдет боевой и творческой силою Второй, насколько тот был могущественнее своего предшественника. — и разрешит, наконец, вели-

чайшую из задач истории: воплотит Идеал Социализма..

Маркс — образец человека, то есть — работника и бойца. Труд и борьба составляли его жизнь, как они составляют жизнь рабочего класса. И была чиста эта жизнь, как то знамя, которое он нес.

В нем воплотился новый тип, сливающий творческую мысль и творческую практику в одно нераздельное, гармоничное целое. И в этом тоже он принадлежит новому миру.

Одновременно с Марксом жил Дарвин, революционер другой науки, сын буржуазного общества. Когда Дарвин сделал свое великое открытие — о происхождении видов живых существ, — Маркс понял и оценил сразу все значение этого переворота. Впоследствии он выразил это, послав Дарвину свое главное произведение — „Капитал“. Дарвин даже не стал читать этой книги. Гений пролетарского мира мог понять гения буржуазной культуры, — но не наоборот.

Не было отрасли знания, чуждой для Маркса. Все изучал он, всем интересовался его неустанно работавший ум. И в этом он — родной для пролетариата. Мало времени у рабочего, но все надо ему знать: природу, сопротивления которой он побеждает трудом своих рук, общество, в котором он борется, царство науки, у которой он ищет руководства на своем пути.

Гений Маркса — это душа рабочего класса, отразившаяся и сознаящая себя в самом сильном мозгу XIX века.

Идите дальше! — его завет.

Сборник
Памяти Карла Маркса
вып. М. С. Р. К. Д.

НА ПОСТАХ КРАСНОГО ОКТЯБРЯ.

(5 лет Красной Армии).

В эпоху, в которую мы живем, винтовка не бремя, а привилегия, монополия господствующего класса.

(Л. Троцкий).

Старая армия—по домам.

Когда марionеточное правительство лакея буржуазии—Керенского—послало русские полки в июне м-це в наступление, то это было самым последним средством, которое имела правящая клика и это средство окончательно, до мозга костей расшатало, разбило, заставило распылиться старую, царскую армию. Недаром в это время разбрасывались в солдатских окнах прокламации, которые говорили—„Мы остаёмся до первого снега, а затем, побросаем окопы и бросимся прочь“. Это должно было случиться и случилось лишь только потому, что солдатские массы, понявшие всю пагубность тяжелого капиталистического ярма, которое через своих белоручек-офицеров делало из деревенских парней и молодых рабочих истуканов, для истребления таких же тружеников, как они, во славу богачей. Не оставалось искать другого выхода, как повернуть свои штыки на оголтелых б у р ж у а и затем разойтись по домам.

Если по определению видного немецкого авторитета Клаузевица—армия подчинена политике данной страны, и что никакой армии, стоящей вне политики,—как это говорили некоторые заскорузлые военные спецы—быть не может, то получается вполне понятная история, которая,

указывая на крах вообще, политики в данном случае капиталистического строя говорят и о произвольном развале армии, этой главной опоры свергнутого строя.

Значит, старая армия разложилась, главным образом, не потому, что она была повержена в объятии большевистской „заразы“, а в силу самых естественных законов революции.

Тучи двигаются—надо отразить.

Когда Октябрьская революция повергла в прах устои прогнившего буржуазного строя, то перед рабочим классом, взявшим на себя всю тяжесть воссоздания страны, встал во всю широту вопрос о создании обороны советов от наседающих уже тогда под различными именами и формами, потерявших насиженные места—капиталистов.

Кроме плохо сколоченных, на скоро обученных, но обладавших избытком героизма, небольших отрядов рабочих,—красногвардейцев, кроме этого, у пролетарской власти никакой армии не было.

И несмотря на то, что эти маленькие отрядики глушили казачьи орды под Гатчиной, под Оренбургом, боролись за Красную Финляндию, вступили в неравную борьбу с полчищами немецкого кайзера, несмотря на это, молодой республике Советов

нужно было что-то большее, способное ударить по настоящему, зарвавшимся золотопогонникам.

Это обуславливалось, главным образом, не тем, что у нас внутри подымала голову контр-революция. Нам для подавления ее хватило бы и Кр. Гвардии и революционного настроения рабочих масс, которые в любой момент вставали на защиту, завоеванных прав.

Нам нужна была мощная, вооруженная сила, для отражения внешних врагов, которые грозной стеной начали окружать Советскую республику.

Рождение Красной армии.

В январе 1918 г. первым серьезным внешним врагом были направленные на нас мировые буржуазии, германские полчища, которые стали подвигаться к сердцу Октября—Петербур. Был критический момент, когда республика советов могла быть задавлена салогом германского империализма.

Здесь, благодаря героизму революционных рабочих, матросов и благодаря тому, что мы, в силу страшной необходимости, пошли на уступки, положение было спасено.

Но гарантии на дальнейшее ненападение со стороны буржуазии мы безусловно не имели и для того, чтобы удержать завоевания рабочего класса, Советское правительство встало на путь создания организованной рабоче-крестьянской армии, построенной на классовом принципе. 23 го февраля был выпущен декрет Совета Народных Комиссаров о создании Красной Армии, который был подтвержден решениями 8-го Всероссийского съезда по докладу тов. Троцкого.

В данном случае вся эсерствующая и меньшевистствующая публика завопила благим матом, что де, большевики создают армию для охраны какой-то партийной касты и т. п., что армия, как таковой создавать не следует, хватит всеобщего вооруже-

ния или, как утверждали эсеры, партизанских отрядов.

Так ли это? Можно видеть из следующего: во первых вся эта публика упирает на „свободную“ Швейцарию, где народная милиция и прочие прелести, но если приглядеться поближе, то сразу можно видеть, что и в этой „обетованной“ земле не все обстоит благополучно, ибо швейцарская милиция в момент какого либо движения рабочих против правительства — превращалась в таких же палачей рабочего класса, как и другие ее собратья в буржуазных странах. Ну, а если говорить про Россию, в которой рабочий класс свергнул буржуазию, то, конечно, это будет ни больше, ни меньше, как ничего не стоящей демалогией, т. к. не может рабочий класс, обезоруживший буржуазию, снова вооружить ее для создания нового внутреннего врага.

„Пролетария под ружье — буржуи под метелку“ — вот лозунг, который был выкинут при организации Красной армии. Таким образом, рабочие и крестьяне — бедняки должны были составлять первые кадры молодой Красной армии и защищать с винтовкой в руках свои права, а буржуазия, которой мы ни в коем случае не могли доверить оружие, должна была взять лопату и матышку для того, чтобы укреплять наш тыл — обвиняла нас здесь в жестокости к ней, но про все эти судорожные потуги, которые могут быть в любое время огпарированы — словами тов. Троцкого можно сказать — „Деды, прадеды и отцы ваши вашим прадедам и отцам, подчищали грязь и навоз, а теперь мы вас заставим подчистать грязь“.

К оружию, труженики!

На первых порах, и Красная Армия начала составляться по принципу добровольчества — во все углы Советской России были брошены лозунги о необходимости рабочему и крестьянину становиться под ружье

для защиты своих интересов. Это была временная, чрезвычайно необходимая мера. Нужно было заново создать, склотить военный аппарат расплыть окончательно старую армию для того, чтобы организованым путем строить новую армию, армию пролетариата. Главную роль в организации Красной Армии взял на себя Революционный Военный Совет, во главе с т. Троцким, Рассылались воззвания, посылались агитаторы по заводам, селам, первая в мире армия рабочих и крестьян, армия, построенная на классовой сознательности—родилась. Формировались полки, батальоны добровольцев и посылались для отражения нападения Дутовых, Калединых и пр.

Тяжелый Брестский мир развязал до некоторой степени руки молодой республике и она еще с большей силой взялась за строительство своей армии.

Первые схватки.

Май 1918 года. Грозные тучи собираются над Республикой Советов, обманутые, царским адмиралом Колчаком—два корпуса военно пленных чехо-словаков стеной двигаются к сердцу северной России. Урал, а затем, и берега Волги попадают под власть расхитившегося адмирала, молодая Красная армия борется с наседающими чехами, но в силу своей малой организованности отступает перед ним.—Вслед за чехами в Ярославле подымает восстание ген. Перхуров, но прибывшими на помощь славными латышскими частями, эта гадашка была скоро задавлена.

Перед властью рабочих и крестьян, взявшей на себя оборону красного отечества, встает необходимость принудительной мобилизации молодых возрастов рабочих и крестьян.

Впервые эта мобилизация проводится 12 июня 1918 г. в крупных рабочих центрах—Питере и Москве. На зов Советской власти явились поголовно все трудящиеся призывных возрастов—города, деревня же немного

не поняла своих задач по отношению к Красной армии; в некоторых местах, мобилизация благодаря неслаженности военных аппаратов, агитации кулаков, тянулась, не проводилась целиком, однако беднейшее крестьянство сознавало всю важность момента и являлось в армию.

Снова по разным углам поднялось шипение пресмыкающихся перед буржуазией меньшевиков и эсеров, „большевики говорили о добровольческой армии, а теперь начинают мобилизацию“.—Это конечно был очередной шаг к тому, что-бы какнибудь подорвать, свалить не окрепшую власть Советов. Эти кликуши не понимали, что создавая Красную армию с набора добровольцев—мы это вводили как уже указано выше, в виде неизбежной меры, нужно было закрепиться на первых позициях для того, что-бы двигаться дальше, да и смешно было-бы утверждать, что Советская власть за защиту октябрьских завоеваний могла ставить в зависимости от наплыва добровольцев и, только жалкие душонки лакей капитала не как не могут согласиться с этим, несмотря на то, что в самих „наидемократических“ государствах, о которых они нам все уши прожужжали, в своих рассуждениях о всеобщем вооружении,—всеобщая воинская повинность под штыком юнкерских и проч. отрядов навязана рабочему классу.

Вместе с мобилизацией 12 июля, начинается отправка членов Коммунистической партии и профессиональных союзов на фронты, они, вливаясь в полки Красной армии, как цементом спаяли их, политическая работа начала подниматься, молодая армия со сказочной быстротой выковывала свою твердость по борьбе с врагами.

В августе месяце на севере появляется новая белая птица, в виде высаженного десанта иностранных войск, который занял Архангельск и двигается к г. Вологде.

Части Красной армии навстречу не прошенным гостям шлюют свои удары

и наступление останавливается, первые победы, начинают сказываться на дальнейшем развитии борьбы с белыми.

Удар за ударом.

В августе месяце из края в край к фронтовой полосе стягиваются все силы Республики. Все для защиты Советов! все на белых генералов!—несется клич,—страна Советов представляет из себя бурно кипящий военный котел.

Красная армия начинает „щипать“ по настоящему белые полчища, 3 сентября после упорного боя пала Казань, за ней Симбирск, Самара, Уфа, чехи улепетывают во все лопатки, внутри страны ликвидируются все заговоры, штыки красноармейцев несут свое освобождение все дальше и дальше.

Ноябрьская революция в Германии, разлагает оккупационные войска на Украине—они поспешно отправляются по домам, гетман Скоропадский летит со своего насиженого места,—генералы Келлер, Долгоруков и пр. растаяли как снег в весеннюю пору, партизанские Красные войска занимают 3 февраля 1919 г. Киев,—продавец—направо и налево—Петлюра исчезает с территории Украины. Освобожденные от германских войск Литва, Эстония, Латвия, Белоруссия становятся под красное знамя Советов; первое кольцо блокады разрывается усилиями Красной армии.

Новые битвы, новые подвиги.

Отсутствие полной централизации Красной армии, вредное влияние партизанщины, дают снова козырь в руки наших врагов. В марте месяце злополучный Колчак набирает новые силы в занятых им местностях и подкрепленный войсками Антанты, быстрым темпом двигается на Советскую Республику. В апреле месяце он подходит к Казани и Самаре.

На юге России выплывает новый наймит Антанты—ген. Деникин, сколотив при помощи ее банды казавков

и горцев, он с мая месяца начинает свое усиленное наступление, занимает Донбасс, левобережную и правобережную У к л а и н у, постанания Махно и Григорьева дополняют вооруженные до зубов денкинские полчища.

На Западе под командой генерала Юденича с мая начинается наступление эстонских и финляндских белогвардейцев, на их сторону переходит изменивший нам гарнизон Красной Горки. Советская Республика снова опоясывается огненным кольцом, призывные гудки разрывают все ее пространство.—Республика в опасности! все на борьбу с контрреволюцией! несется из края в край.

Новые мобилизации коммунистов, комсомольцев, профсоюзов. С начала мая наступает нерелом на Колчаковском фронте.—обновленные маршевыми ротами коммунистов, красные части изо всей силы ударяют по Колчаку,—Восточный фронт закачался, пошатнулся, Колчак побежал. Удар за ударом летели ему в ногу, Красная армия не шла, а бежала, гонясь за отступающими колчакскими, от стен Вятки через Пермь, Екатеринбург, Уральские горы, она скоро выкатилась в широкие Сибирские степи. Революционная энергия красноармейских частей лила через край, крестьянство с неподдельной любовью и радостью встречало своих избавителей. 13 сентября занимается г. Тобольск, устанавливается связь с Туркестаном, ставленник Антанты Юденич, благодаря усиленным действиям питерского и московского пролетариата,—откидывается от стен Питера к границам Эстонии,—армия рабочих и крестьян вписывает новые блестящие страницы в свою историю.

Кончай на Востоке, бей на Юге, гоня на Западе!

Осень 1919 г. знаменуется тяжким испытанием для Советской Республики. Деникин, со своими ордами, захватив Орел, двигается к Красной кузнице—Туле, Юденич доходит до

Пулковских высот, Колчак, собрав остатки своей армии, перестроив их, пополнив офицерами, жандармами, как затравленный зверь бросается в контр-наступление и оттесняет наши войска к Тоболу, конница Мамонтова, разрезав фронт красных войск, производит опустошительные действия в нашем тылу, — положение становится критическим. — **к о м м у н и с т ы** — на фронт! пролетарий на коня! На Деникина, на Юг. — перекатным эхом разносится боевой клич по заводам и селам Красной Республики. Снова волна энтузиазма. Красные курсанты и рабочие Питера начинают громить Юденича, загнав его в Эстонию, молодая конная армия Буденного, совершившая впоследствии не человеческие подвиги, разбивает деникинскую конницу. На восточном фронте колчаковские части бегут под новыми ударами Красных войск... Красное оружие разит, как бич, белогвардейские силы.

После упорных боев и блистательных побед, конница Буденного с остальными частями войск, 7 февраля занимает г. Одессу, жалкие остатки деникинцев сдаются на грузинской границе, очистив Сев. Кавказ, часть же из них забирается в Крым за неприступными Перекопскими позициями, за которые нам пришлось снова воевать. Архангельский фронт, после ухода иностранных войск, лопается, как мыльный пузырь, незначительные отряды белых улепетывают в Англию, в аваре Архангельск становится снова красным. „Верховный правитель России“ Колчак со своими войсками в феврале загоняется к Байкальскому озеру, — сам адмирал, пойманный красными партизанами, был расстрелян в Иркутске.

Колчак, Деникин, Юденич были стерты с лица Советской земли, ее флаг победно развевался от границ Эстонии, до берегов Черного моря и Байкальского озера, Красная армия поставила свои винтовки к ноге и начала новый бой, за восстановление Советского хозяйства, за услащенное

политическое воспитание воинов революции.

Снова в поход собирайся!

На фронте труда Красная армия принесла тоже не мало пользы. — разрушенные мосты, дороги, разбитые вагоны, невспаханные поля — чинились, пахались, приводилось в надлежащий порядок.

Так, например, на одной Рязанско-Екатеринбургской ж. д. частями трудовой армии до 15 марта 1920 года было отремонтировано 663 паровоза и 3274 вагона. Взявши в руки молот красноармеец владел им несколько, не хуже, чем винтовкой. Но мирный труд Советской страны был нарушен варварским нападением панской Польши и последыша Деникина — барона Врангеля.

Когда мы были заняты возрождением хозяйства, Антанты, пользуясь слабостью наших сил на Западе в апреле и де напаускает бело-польские войска, которые, сбив Красные части, сразу же занимает правобережную Украину. Почти одновременно Врангель начинает движение в сторону Донецкого бассейна. Военная лихорадочная деятельность, охватывает снова трудовую Республику, сотни, тысячи, коммунистов едут на Польшу, на Врангеля.

Конный корпус т. Гая, начавший наступление с другими частями 1 июля форсированным маршем по 40—50 верст в сутки, гонит обнаглевшую шляхту, с южной стороны конница Буденного громит польские войска. Сжимаемые с двух сторон, они катятся к берегам Вислы, к 15 апреля Красные войска подошли на расстояние 15 верст от Варшавы. Однако, военное счастье нам на этот раз изменило.

Пан Пильсудский, видя шаткость своего положения, вознес мольбы к своей покровительнице Антанте и она помогла ему. — Набранные отряды из помещичьих сынков, вымуштрованных французск. офицерами, вынудили к отступлению, оставшие от длительных переходов Красные войска.

Несмотря на наше отступление, за этот период Красная армия приобрела еще большую популярность среди рабочих всего мира. везде и всюду создавались комитеты по борьбе за нападение на Советскую Россию, рабочие задерживали транспорты, назначенные для Польши. Братская помощь пролетариату была очевидна. В начале октября мы заключили перемирие с Польшей, по которому нам отошла территория с 4-мя миллионами населения. Обезопасив себя здесь, Красная армия всей своей мощной силой двигается на Врангеля.

Перекопские позиции, укрепленные по последнему слову техники, после упорного боя были взяты героической Кр. армией и врангельские отряды были сброшены в Черное море.

Врангелем, роль свою Красная армия еще не окончила, Балахович, Махно, кронштадтский мятеж, Тамбов, Карельский поход, было завершением боевых действий за пять лет ее существования. Кроме героизма, Красная армия здесь особенно ярко показала свою преданность Октябрьской революции, борясь живым и печальным словом с обманутыми буржуазией рабочими и крестьянами.

Кто спаял Красную армию?

Если оглянуться на пройденный Красной армией тернистый путь, путь поражений и побед, то необходимо остановиться на одном коренном вопросе. А кто же был, главным, связующим звеном, кто был вдохновителем ее славных подвигов?

Нами выше было указано, что во всякий момент, на всякое нападение с той или иной стороны, страна Советов, как один, протягивала руку братской помощи рабоче-крестьянскому правительству. Однако, самым ярким, самым беззаветным преданным борьбе рабочего класса, был авангард его — Российская Коммунистическая Партия большевиков и ее стечка — Комсомол. В те лучшие, что было в этих организациях, все бросалось в самые опасные места. Наши

комиссары в армии, ячейки коммунаров этот новый институт пролетарского наблюдения за действиями военных спецов, сыграл доминирующую роль в гражданской войне, был всеведущим оком, был политическим центром, зажигающим, зовущим вперед.

Когда еще только начала формироваться Красная армия, у нас не было своего командного состава, нужно было его создать ради того, чтобы обезопасить ряды от разных случайных людей из бывших офицеров, могущих предать вверенные им части. Десятками, начали создаваться командные курсы, туда было направлено все лучшее. И не даром в течении целого ряда лет, красные курсанты были олицетворением всей Красной армии, являясь и командирами и политическими воспитателями.

Красной армии слава!

Пройдут десятки лет и будущие историки найдут, много самого ценного, самого яркого, что было в борьбе рабочего класса, найдут золотые места революции, говорящие о первой в мире рабочих и крестьян Красной армии.

Нам же современникам, переживавшим вместе с ней все, необходимо в заключение сказать: В течении пяти лет существования Красной армии ее борьба, ее опыт, есть общая доля труженников Советской России, кровью заливших за защиту своих прав, беспредельные границы.

Когда еще белые генералы не дали себя знать в полной мере населению занятых ими местной, то их армии еще держались, еще были слепым орудием против Советской России, а у нас, в армии тоже были черные пятна, в виде дезертирства, перехода на сторону белых и т. п. вещи.

Но когда за спиной генеральских войск на белом коне выезжал помещик, выезжал фабрикант, когда при отступлении белые войска поджигали все, что имелось на их пути, то слепые прозрели. Надежные ча-

сти белых разлагались и целыми армиями переходили к нам. Дезертиры Красной армии, дабы искупить свою вину, приходили с повинной в свои части.

На протяжении целого ряда лет буреломная Красная армия развеяла в прах несчетное количество белогвардейских полчищ, обогатила себя всем, что было послано на помощь белым Антантой, в самый критический момент, спасла завоевание рабочего класса, во от Черного и Балтийского моря до вод Тихого океана водрузила обгаренное кровью лучших сынов Республики красное знамя. Красная армия показала всему миру, что только она, будучи детищем Великой Октябрьской революции, будучи защитником прав рабочего и крестьянина—смогла дать ему покой для созидательной работы.

За учебу, за укрепление Красной армии.

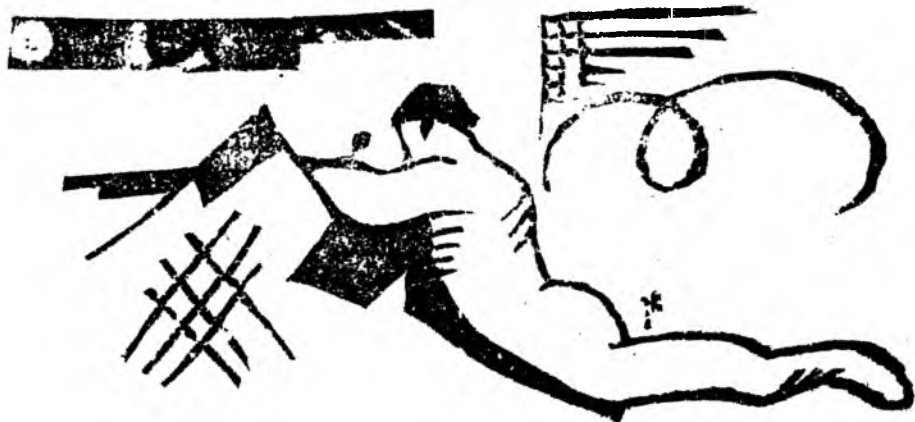
Советская Россия истинная выразительница прав всего угнетенного человечества ни кому не навязывала войны, стремясь к установлению мира. Через своих представителей в Генуе, на Московской конференции, она предлагала буржуазным странам

начать разоружение, начать установление добрососедских отношений. Кровожадному капиталу, однако, с нами не по пути, он на уступки—не пошел, угрожая миру новыми потрясениями.

И до тех пор, пока мы одиноки среди бушующего буржуазного моря. до тех пор, мы принуждены держать у себя постоянную армию. Правда, мы ее значительно сократили от 5 миллионов до 600 тысяч человек—но улучшение вооружения, воспитания мы усиливаем. Через своих шефов Красная армия улучшает свое материальное положение. Через авангард рабочего класса Коммунистическую партию и Комсомол, каждый красноармеец теперь держит экзамен на звание солдата Красной армии ясно понимающего свои задачи в борьбе с буржуазией. Через школы командного состава мы выковываем новых командиров для укрепления мощи Красной армии.

Прошедшая через тысячи препятствий, огневые завесы, Красная армия на страже буржуазии всего мира верно стоит на своем посту, охраняя завоевания Октябрьской революции.

Виктор Зарницян.

25 лет Р. К. П. (б).

I.

Бесчисленны заслуги Р.К.П. перед русским и всемирным пролетариатом. Громадный практический опыт, накопленный нашей партией за 25 лет боевой революционной деятельности и неуклонной борьбы с врагами рабочей революции (в области революц. марксистской теории и в области прямого революционного действия)—из какого бы лагеря эти враги не исходили,—дают богатый и поучительный материал, из которого рабочее движение всего мира черпает уроки и директивы классовой борьбы.

Личный героизм и боевые качества Р.К.П., партии профессиональных революционеров, посвятивших делу пролетарской революции свою жизнь, жертвовавших и жертвующих ею во имя победы пролетариата, создают незабываемые образы и картины, вдохновляющие рабочую молодежь на продолжение начатой старшими поколениями борьбы.

Пламенное сердце, горящее энтузиазмом борьбы за рабочее дело (то же и дело освобождения всего человечества) и холодный, трезвый ум, спокойно взвешивающий все шансы борьбы, точным инструментом (революционный марксизм) вскрывающий все противоречия сложной действительности,—вот два качества которые молодежь должна воспринять от Р.К.П.

Сформируясь в движении, российский пролетариат во главе с Р.К.П. совершил победоносный путь от полуфеодально-крепостнического, самодержавно-полицейского строя, через буржуазную реолюцию, застрель-

щиком и передовым бойцом которой он был, к Октябрьской революции и диктатуре пролетариата.

Пройден весь исторический путь пролетариата в *классовом* обществе: самый угнетенный класс буржуазного общества организовался в класс господствующий, поставив своей прямой задачей уничтожение классового общества вообще. От рабочего кружка до партии, стоящей во главе рабочего государства—таков исторический путь Р.К.П., единственной рабочей партии в мире, проделавшей этот путь. Вот почему опыт Р.К.П. имеет такое большое значение для мирового рабочего движения.

II.

Чем объясняется подобное развитие Р.К.П., действовавшей в отсталой России и тем не менее опередившей в своем развитии другие, более старые рабочие партии стран развитого капитализма Западной Европы?

Некоторые умники склонны объяснить этот исторический факт особенностями русского „народного духа“: дескать, русские—народ бунтарский, анархический, „ищущий.“ Другие объясняют это гениальным руководством вождя нашей партии, т. Ленина.

Однако, ни те, ни другие не объясняют нам (допустим на одну минуту, что их объяснения верны) почему у русского народа вернее у мел.-бурж. крестьянина, такой характер и почему руководство т. Ленина оказывалось правильным и партия подживалась его суждений, против существовавших в самой партии и других точек зрения.

Да оно и понятно: эти рассуждения о „народном духе“, о личности т. Ленина только пытаются оправдать видимые факты, но никогда не объяснят их, ибо для этого нужно начать не с конца, а с начала и рассмотреть развитие нашей партии в той конкретной, исторической обстановке, в которой она действовала.

Как это ни покажется иным странным, но развитие нашей партии до авангарда мирового рабочего движения объясняется отсталостью России. Отсталость исторического развития России, (следствие отсталости экономического развития в прошлом), являлась главной и единственной ее особенностью, которая, однако, давала некоторым поводом строить для России особые пути развития (напр., народники, которые хотели, минуя капитализм, через общину проскочить к социализму, или монархисты, по которым самодержавие и православие нам на роду написаны).

Западно-европейские рабочие партии создались в период „мирного“ развития капиталистического общества. В эпоху буржуазных революций в Западной Европе пролетарских партий не было. В России партия рабочего класса сложилась до буржуазной революции, в условиях сохранившихся остатков феодально-крепостнических отношений, мешавших свободному развитию капиталистических отношений, а вместе с тем и свободному развитию классовой борьбы пролетариата, и варварски угнетавших, находящихся в полное темноте и невежестве многочисленные массы крестьянства. Оплотом этого строя была самодержавная монархия, тяжело подавлявшая всякое общественное движение, тем более освободительное движение пролетариата.

Наряду с остатками полукрепостнического строя имелись формы высоко развитого капитализма. Могучие предприятия, (частью созданные на западно-европейские капиталы), на которых работал, относительно, многочисленный и скон-

центрированный (Питер, Донбас, Урал) пролетариат. Буржуазия, находившаяся в экономической зависимости от заграничного капитала, от протекционистской, и империалистической политики самодержавного правительства (казенные заказы, таможенная политика, захват новых рынков в Персии и т. д. и т. п.) была по-этому слаба и политически труслива.

В этой обстановке, жестокой капиталистической эксплуатации и казачьей плетки, выработывала пролетарская партия свою тактику взрывами изнутри, могучим революционным движением с пролетариатом во главе.

Кроме того, за спиной русского, массового рабочего движения имелся многолетний опыт западно-европейского пролетариата и целый ряд буржуазных революций на Западе. Революции — локомотивы истории. Разрушая сонную видимость классового примирения, навеваемую годами „мирного“ развития капиталистического общества, они пробуждают могучие классовые интересы и ставят класс против класса во всей глубине и остроте их противоречий. Этого опыта западно-европейских буржуазных революций никто не изучил так тонко, как РКП. Всем известные блестящие исторические работы Маркса и Энгельса, в частности посвященные европейским революциям 48-го года и Парижской Коммуне, являлись настольными книгами для деятелей нашей партии. РКП вступив, как вождь самого передового и революционного класса, в борьбу с самодержавно-крепостническим государством, была подкована на все ноги революционно-марксистским учением и сразу заняла первое место в ряду борющихся сил, сумев блестяще справиться со всеми стоящими, перед ней задачами революционной практики.

III.

Задач перед пролетарской партией было много. Рабочему классу приходилось, в обстановке разверты-

яющейся буржуазной революции. бороться с самодержавным строем и с либеральной буржуазией, которая не прочь была использовать рабочий класс в своих классовых интересах. С другой стороны, внутри рабочего движения приходилось вырывать отдельные группы рабочего класса из под влияния мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров.

Самодержавное государство было идейшим врагом рабочего класса. Ведя свою борьбу с эксплуататором-фабрикантом, рабочий всегда наталкивался на полицейскую пагайку. На многочисленных уроках борьбы, рабочий класс отрешился от веры в „царя-батюшку“. Р. К. П. строилась в условиях жесточайших преследований со стороны царской охранки, которые загоняли рабочих в подполье. Открытые выступления на улице, массовые стачки, переходящие в вооруженное восстание сменяли конспиративные кружки и нелегальную пропаганду.

Партия умело сочетала и те и другие методы борьбы, когда это было нужно в интересах рабочего движения.

IV.

Русские фабриканты и заводчики также боролись против самовластия дворянского царя. Несмотря на помощь, которую самодержавие оказывало буржуазии против рабочих, оно в то же время тормозило свободное развитие капиталистических отношений в России. Движение либеральной буржуазии, возглавлявшееся б. марксистами, г. Струве и К^о, и стремившейся к ограничению самодержавного царя буржуазной конституцией (хотя бы кучую, но конституцию), рассчитывало на пролетарские кулаки, орудие своих, буржуазных, интересов.

В то же время русская буржуазия трусливая и подлая (чем дальше на Восток, тем она делается трусливее и подлее) смертельно боялась массового движения народных низов;

революционность ее не шла дальше верноподданнических адресов и багнетной трескотни, и в любой момент она готова была предать революционный рабочий класс (и предала его в революции 1905—07 г.г.) за конституционные обещания, которые для самодержавия имели значение не больше побрякушек. (17 октября 1905—3 июня 1907 г.). Поэтому рабочему классу и его партии приходилось бороться и против самодержавия и против либеральной буржуазии. II съезд РСДРП (в 1903 г.), и особенно III съезд (в 1905 г.) в своих резолюциях об отношении к либералам, считая необходимым поддержку буржуазии, поскольку она выступала революционно, в тоже время обязывают парторганизации разъяснять рабочим антиреволюционный и антипролетарский характер всех буржуазно-демократических партий и предлагает энергично бороться против всяких попыток буржуазной демократии, взять в свои руки рабочее движение. Борьба с буржуазным либерализмом (и с течениями мелкобуржуазного социализма) продолжавшаяся полтора десятилетия, до февраля 1917 г., требовала от партии громадной выдержки, ясного понимания основных целей и ближайших задач рабочего движения, и соответственной гибкости партийной тактики. Т. Майский (б. меньшевик и министр гирды в Самарском правительстве, теперь коммунист), в своих очерках, „Демократическая контр-революция“, чрезвычайно метко отмечает эти выдающиеся качества большевиков. „Убеждение в правоте своих взглядов всегда так глубоко переносилось большевиками, что исключало с их стороны всякие сомнения. При этом *чутье масс у них было поразительное*. Большевики раньше и крепче других социалистических течений сумели связаться с рабочими низами, причем их сторонники всегда вербовались не столько из верхов, сколько из самой гущи пролетариата. Как люди с практической сметкой, они умели брать быка за рога и обычно-

венно нащупывали в своей агитации такие пункты, на которые откликались самые широкие массы. Философствующие меньшевики с невольной завистью изумлялись необыкновенной ловкости большевиков в выборе выдвигаемых ими лозунгов: эти лозунги были чрезвычайно ясны и просты, хорошо понятны массам и неизменно били в точку. (Вся власть советам! Грабь награбленное! Долой десять министров капиталистов! Хлеба, мира, свободы! и т. д.—Д. В.). В тесной связи с тонко развитым чутьем масс стояла и большая политическая гибкость большевиков. Твердые и негибкие в теории, они обнаруживали вдумчивость и осторожность в тактике. Эти замечания б. видного меньшевика („партии не раз испытывшей на своих плечах сокрушительную силу большевистской стратегии“) отмечают и ярко выраженную волю к власти у партии рабочего класса. На I съезде советов в момент перманентного кризиса, который переживало временное правительство, т. Ленин заявил, что большевики в любой момент готовы взять власть. Это заявление было встречено проницательным смехом меньшевистско-эсеровского блока, в котором отразилось их собственное бессилие справиться со стоявшими перед революцией задачами.

V.

Конечно, проблема власти разрешалась в конкретной исторической обстановке в которой основную роль играло поведение крестьянства. Рабочий класс в своей борьбе, с самодержавием и, впоследствии, с буржуазией, мог рассчитывать на поддержку только со стороны революционного крестьянства. Тактика партии по отношению к крестьянству нашла свое выражение в лозунге, „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“, выброшенном большевиками еще в революции 905—7 годов и получившем такое блестящее осуществление на наших глазах. За влияние над крестьянством, пролетариату пришлось вести длительную

борьбу с буржуазным либерализмом и с мелко-буржуазным социализмом партии эсеров.

Крестьянство могло получить помещицкую землю только в совместной борьбе с рабочим классом „(они не могут сами представлять себя, они должны быть представлены другими“. Маркс). „Поле производства, мелкий участок земли, не требует для своей обработки ни разделения труда, ни применения науки, не требует, следовательно, разностороннего развития, разнообразия талантов, сложности общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти довлеет себя, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает таким образом свои жизненные средства более в обмене с природой, чем в отношениях с обществом“ (Маркс). Крестьянин в массе мелкий собственник, рабочего социализма, основанного на крупном, централизованном производстве, он в период буржуазной революции не понимал.

В то же время революционность крестьянства, в период его борьбы за землю с помещиком и крепостническим государством, сделало его восприимчивым ко всякого рода, якобы, социалистическим планам уравнительного распределения земли.

Образовавшаяся в начале 900 годов партия социалистов-революционеров была типичной интеллигентской партией мелко-буржуазного социализма, искавшей опоры в крестьянстве.

Эта партия умело эксплуатировала великие традиции своих героических предков — народников 70—80 годов. Эсеры никогда не снисходили до „узости“ марксистов, опиравшихся на „узкую“ базу социалистического пролетариата. „Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я создам из вас армию социалистической революции!“ И двери партии эсеров гостеприимно раскрылись не только перед пролетариатом но и перед „трудовой интеллигенцией“ (цар-

ские генералы, вошедшие в п. с. р. в 17 году, очевидно, к ним же относилась) „трудовым крестьянством“. Разнородная по социальному составу, эта партия и программу создала такую же путанную, в которой были по кусочку собрано „немножко Канта, немножко Маркса (уважали старика! только ученики, т. е. большевики извращали его учение, а эсеры, видите ли, охраняли Марксово учение от извращения! Д. В.) немножко Маха, немножко Михайловского и Лаврова, немножко синдикализма, немножко от себятины“.

Марксистская тактика, опиравшаяся на массовую борьбу, эсеров не удовлетворяла. Очень, уж, просто! Эсеры применяют все методы борьбы, признаваемые и марксистами плюс... индивидуальный террор. Террор, навлекшая массовые разгромы революционных организаций, в то же время имел ничтожное практически-революционное значение в борьбе с самодержавием, а что сказать о терроре против вождей пролетариата!) Эта ничтожная по своему практически-революционному значению, партия, однако спутывала рабочих своей мещанской проповедью.

В международном масштабе п. с. р. примыкали к лагерю „ревизионистов“, критиковавших революционную марксистскую теорию и сбивавших рабочих класс на торную дорожку буржуазного соглашательства. Сама эта партия, столкнувшись на деле с социалистической революцией, немедленно бросилась в объятья помещиков, фабрикантов и царских генералов и, вместе с ними, терзала живое тело рабочей и крестьянской революции.

Партия пролетариата сразу раскусила характер эсеровской „революционности“ и метко прилепила им их истинное прозвище „социалистов-реакционеров“.

Уже II съезд Р. С. Д. Р. партии, констатировал, что „социалисты революционеры“ являются не более, как буржуазной демократической фракцией, принципиальное отноше-

ние к которой со стороны социал-демократии не может быть иным, чем к либеральным представителям буржуазии вообще“.

Революционной социал-демократии пришлось потратить много усилий для того того, чтобы не дать этой партии ходу в рабочем движении, а с другой стороны, путем временных боевых соглашений с ними, (под контролем Ц. К.) использовать их и примыкавшие к ним слои крестьянства, в целях борьбы с самодержавием и либерально-монархической буржуазией. Эта тактика, осложнявшаяся постоянными колебаниями эсеровских вождей, многому научила рабочий класс, и закалила его партию.

VI.

Борьба с мелко-буржуазной интеллигенцией, проникавшей в самое нутро рабочего движения, в его партию, и сообщавшей рабочему движению свойственные ей колебания, неустойчивость и соглашательство продолжалась долго и отличалась крайней напряженностью. Экономизм, меньшевизм, ликвидаторство, социал-патриотизм, вот те мелко-буржуазные течения, с которыми большевикам (теперешним коммунистам) приходилось бороться за влияние на рабочее движение. Эта борьба была чрезвычайно упорная, но в процессе ее партия очищалась от чуждых ей перелетарских и антиреволюционных элементов и превратилась в «железную когорту» революции.

«Экономизм—течение среди русских социал-демократов конца 90-х годов. „Экономисты“ проповедывали, что ввиду малосознательности русских рабочих, борьба с самодержавием не является ближайшей задачей рабочего движения (политическая борьба дело либеральной буржуазии), перед которым стоят вопросы мелкой, повседневной борьбы на почве экономических нужд, борьба за пятак. Исходя из этого „экономисты“ чуждались создания креп-

кой, централизованной партии пролетариата.

После провала избранного на I съезде РСДРП (1898 г.) Ц. К. в ареста всех его делегатов, кустарничество «экономистов» было особенно вредно, ибо оно срывало намечившееся объединение русской социал-демократии и тормозило создание партии. Огромную роль в борьбе с «экономизмом» сыграла группа «Искра» во главе с т. Лениным, возникшая в 1900 г. и издававшая газету «Искра» и журнал «Заря». В задачи этой группы, входило соби́рание всех революционных социал-демократических сил, и беспощадная борьба с той вредной путаницей, которую вносил в рабочее движение «экономизм». Громадное стачечное движение 1902—03 г., возникшее под влиянием промышленного кризиса 1900—02 г. и принявшее в целом ряде крупнейших центров политический характер, втянувшее, особенно в политические уличные демонстрации, широкие массы революционной учащейся молодежи, создало для организующей работы «Искры» благоприятную обстановку. В 1903 году в Лондоне состоялся 2-й съезд РСДРП, на котором была покончена борьба с кустарщиной и приняты программа и устав партии. Партия была создана на этом съезде и главная заслуга в этой работе принадлежала группе «Искра». На этом съезде произошел раскол в самой группе «Искра», в начале казавшийся многим просто спором из за мелких вопросов организационного строительства, но как оказалось впоследствии, гораздо более глубокий и имевший в основном деление партии на мелко-буржуазное (меньшевистское) и революционно пролетарское (большевистское) крыло. Проект устава, в редакции Мартова и первый параграф его: „членом партии считается всякий признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций“, открывал широкую возможность для „участия в партии“ мелко-буржуазных элементов и, ума-

ля полномочия партийных центров, лишало партию дисциплинированности и выдержки. Проект устава т. Ленина, требовавший от каждого члена партии „участия личной работой“ в организации и дававший более широкие полномочия партийным центрам, отстаивал силовую, выдержанную, дисциплинированную, революционно-пролетарскую партию.

И по вопросу об отношении к либералам уже намечался, в зародыше разногласия: резолюция Потресова намекает на возможность соглашения, резолюция Плеханова (упомянутая выше) требует разоблачения контр-революционной сущности буржуазного либерализма.

Эти разногласия, в дальнейшем углубляются и хотя в некоторые моменты меньшевизм и большевизм существовали в рамках общественной партии, они были самостоятельными фракциями со своими центрами, каской и печатными органами. За период 15 лет (1903—1917 г.) партия меньшевиков окончательно скатилась в буржуазный лагерь. Выставляя в 1903 году план расширения понятия партии и облегчения доступа в нее мелко-буржуазных элементов, а в 1905—7 годах проектом созыва рабочего съезда, ведет к расставанию партии пролетариата в беспартийной рабочей организации.

После поражения революции 1905—07 годов, они выставляют лозунг ликвидации подпольной партии, ввиду имеющейся, дескать, возможности легальной работы (1908—14 г.).

В империалистической войне меньшевизм дошел до лозунга защиты отечества и фактически уж тогда вступил в коалицию с буржуазией, организовав рабочие группы при военно-промышленных комитетах (Гвоздев и К^о).

Отказ от диктатуры пролетариата — вот основной момент меньшевистской тактики.

Своей тактикой представляли полную противоположность большевикам. Меньшевики ученые книжники, которые прекрасно знали Маркса, были хорошими пропагандистами на

рабочих кружках, гораздо худшими агитаторами и куда негодными организаторами. Большие любители дискуссий на отвлеченные темы, слабо воспринимали практическую действительность.

„Дозунги“ меньшевиков были так запутаны и сложны, что немедленно требовали ученых комментариев. Связь с массой у них была слаба, сторонники их вербовались среди верхушки рабочего класса—рабочей интеллигенции. Тактическое руководство настолько „тонко“, что все политическое настроение партии обыкновенно „рвалось“ в самый критический момент. Воли к власти—никакой, наоборот они ее всячески хотели избежать (характеристика Майского). Были моменты когда меньшевикам удавалось отослать большевиков от руководства рабочим движением и даже овладеть партийным аппаратом. Большевикам приходилось напрягать все силы для вышибания меньшевиков с их позиций (профсоюзам, страх. кассы, клубы и т. д.) что при громадной напряженности нашей партии блестяще удавалось, в 1911—14 г. через газету „Правда“, сплотивши вокруг нее все революционные элементы, партия вновь приобретает руководящие пункты в рабочем движении, и опять тервет их в империалистическую войну, чтобы вновь и навсегда в эпоху революции вышибить меньшевиков из рабочего движения.

VII.

Роль партии пролетариата в революции 25 апреля в гражданской войне и в хозяйственном строительстве протекала на наших глазах, на глазах всей пролетарской молодежи.

За этот период партия переживала различные моменты в своей внутренней жизни, но та крепкая сплоченность, дисциплинированность и гибкость, которую партия приобрела за всю предыдущую эпоху рабочего движения и своего развития, дают нам полную возможность издеваться над теми кликушами меньшевистского лагеря, которые вот уже пять с лишним лет предсказывают нам разложение, перерождение и т. д. и т. п.

Все другие социалистические партии в русском движении на протяжении 25 лет нашего развития тесно сплотившегося с развитием пролетарского движения, или позорно обанкротились, или перешли в лице своих истинно-пролетарских элементов в ряды Р. К. П. Много жертв из рядов рабочего класса и его партии легло на длинном освободительном пути русского пролетариата. Эта кровь крепко спаяла пролетариат со своим авангардом и под знаменами РКП к новым победам готов рабочий класс Советской России и всего мира.

Молодой Большевик.

МЫСЛИ О ПАРТИИ.

От редакции: Ввиду огромного интереса для молодежи, которая представляет эта статья г. Троцкого, редакция считает крайне необходимым и ценным перепечатать ее в „Кр. Вздохах“ из юбилейного № 156 „Правды“.

I.

25 лет прошло как-то очень уж скоро. А между тем, четверть столетия — срок не малый... Инициаторы 1-го съезда партии, насколько видно, собирались пригласить на него и нашу николаевскую организацию, но колебались: очень мы, николаевцы, были молоды. Но вопрос разрешился сам собой: в январе 1897 года николаевская организация была разгромлена почти начисто, а съезд собрался в марте. Мы о нем узнали уже в одесской тюрьме в мае: новость передавали криком из окошка в окошко. И вот, прошло 25 лет, да каких! Войны, революции, потрясения, каких не бывало еще в человеческой истории. И хотя кажется, что 97 год был вчера, но как трудно в то же время охватить это 25-летнее прошлое, более богатое содержанием, чем предшествующие тысячелетия. Не лучше ли поразмыслить о будущем?

* * *

Первая мысль — о молодежи, ибо она и есть будущее. Ныне руководящее в партии поколение воплощает в себе неограниченный опыт истекшего 25-летия, а наша революционная молодежь есть вулканический продукт октябрьского извержения. Ни европейская, ни тем более мировая революция, как бы скоро она ни началась, не завершится на глазах старшего поколения. Тем серьезнее, тем глубже вопрос о воспитании смены, которой предстоит доводить работу до конца.

В Европе молодое поколение пролетариата, пробужденное русской революцией, продолжает жить в условиях капиталистического режима. Сочетание этих условий: революционный пример России и могущественный гнет империализма придают молодому поколению европейского пролетариата революционный завет, которого так не хватало в эпоху империалистской войны.

Условия развития нашей молодежи глубоко отличны. Она выросла или вырастает в обстановке победоносной революции, которой не удалось сломить и не удастся. Для нашей молодежи революция уже не цель, а быт. Нет ли в этом новых опасностей? В своем практическом осуществлении революция как бы „разменилась“ на частные задачи: надо починять мосты, учить грамоте, поправлять себестоимость сапога на советской фабрике, бороться с грязью, ловить мошенников, проводить электрические провода в деревню и пр., и пр. Некоторые интеллигентские пошляки, из тех, у которых мозги набекрень (они считают себя по сей причине поэтами или философами) уже заговорили о революции тоном великодушнейшего спихивания: учиться, мол, торговать (хи-хи) и пришивать цуговиды (хе-хе). Но предоставим пустобрехам брехать в пустоту. Сами же поставим вопрос критически: нет ли действительной опасности того, что молодежь наша незаметно сложится и окостенеет в атмосфере советских „малых дел“, — без револю-

ционных перспектив, без широкого исторического горизонта и в один злощастливый день обнаружится, что мы с ней говорим на разных языках? Отрицать эту опасность начисто не приходится. Но тем условиям, которые порождают ее, противостоят другие, никак не менее могущественные условия, и прежде всего, международное положение нашей страны, а следовательно и нашей партии. От разрешенной нами большой задачи, завоевания власти, мы перешли к „малым“ задачам не сразу, а через долгую гражданскую войну, и не навсегда, а только на известный период, который мы привыкли называть передышкой. Об этом свидетельствует прежде всего, самый факт существования Красной армии. Не мы одни живем на свете. Мы всего лишь крайний левый фланг очень большого и шевелящегося фронта, проходящего по всем пяти частям света. Тот отряд неприятельских сил, который непосредственно противостоит нам, мы за эти годы окончательно сократили: „всерьез и надолго“. Но во всем мире еще идет борьба. И она в любой момент может перекинуться на нашу территорию, наш наша прямая помощь может потребоваться — во имя нашего же самосохранения — на других участках. Понимание этого международного характера наших задач должно составлять стержень воспитания нашей молодежи. Если мы переживаем внутри как бы полосу малых дел, то Красная армия есть наиболее яркое звено, соединяющее нас с еще неразрешенными революционными задачами мирового масштаба. Поэтому отношение молодежи к Красной армии по существу выражает ее практическое отношение к революции, как к героическому подвигу. Мы видели вчера это отношение на примере Красного флота, завтра увидим на примере авиации. С другой стороны, то, что иногда называют демобилизационным настроением, есть по существу лживщаторское настроение. Практическую революционную школу, какую дávalо подполье, — школу высокого самоотвержения, боевого братства — в наших условиях может заменить в первую голову Красная армия.

* * *

Для этого нужно, повторим, чтобы понимание связи нашей внутренней работы с борьбой мирового рабочего класса вошло в кровь нашей молодежи. Достигнуть этого можно, только приблизив к нам мировое рабочее движение в гораздо большей степени, чем до сих пор. Как? Путем правильно поставленной, серьезной, добросовестно продуманной информативной. Время суммарных лозунгов насчет призрака коммунизма, который бродит по Европе, уже прошло — и еще не наступило. Нужно, чтобы наша передовая молодежь из-дня в день через газеты, журналы, лекции следила за ходом революционного движения во всей его конкретности: чтобы она знала его силу и слабость, трудности и ошибки, успехи и поражения, его организацию, его вождей: Благодаря тюрьмам, ссылке и эмиграции старшее поколение нашей партии получило эти интернациональные знания, воспитывалось на них, впитало их в себя. В этом его сила, которая и позволяет ему играть ныне руководящую роль в Коммунистическом Интернационале. Молодому поколению нет надобности для этого ни в тюрьме, ни эмиграции. Задача может и должна быть разрешена в порядке плана партийным и государственным путем. Прежде всего, наша пресса должна научиться давать систематическую, конкретную, живую непрерывную информацию о борьбе рабочего класса во всем мире. Довольно бесвязных, эпизодических, отрывочных, тараторящих в пустозвонящих сведениях! Нужно, чтобы сегодняшний день рабочего движения органически вытекал для читателя из вчерашнего дня. Нужны правильно поставленные корреспонденции из-за границы. Нужно тщательно следить за европейской печатью и выжимки из нее давать нашему читателю. Дело не в том, чтобы поучать, призывать, наставлять: этого слишком много и это утомляет; молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, восклицаний, плакатов, рискует перестать реагировать на них. Нужно дать ей фактические сведения в правильных пропорциях и в правильной перспективе. Нужно дать ей материал-

ные элементы и методы самостоятельной ориентировки в ходе мировой революции. Как военный по призванию передвигает на своей карте флажки, напряженно вдумываясь в условия и шансы боев, происходящих от него за тридевять земель, так наша молодежь должна учиться на политической карте мира передвигать самостоятельно флажки классового фронта, взвешивать силы и средства борьбы, оценивать методы ее и проверять вождей. Нет более могущественного идейно — воспитательного средства — и против крохоборческого принижения, и против пэповского разложения, и против всех других опасностей.

* * *

Но и чисто практическая повседневная работа на почве советского культурно хозяйственного строительства — даже и советская торговля в розницу! — вовсе не является практикой „малых дел“ и не несет в себе необходимо психологии крохоборчества. Малых дел — без больших — в человеческой жизни сколько угодно. А больших дел без малых в истории не бывает вовсе. Точнее сказать: малые дела в большую эпоху, то-есть как составная часть большой задачи, перестают быть „малыми делами“. После разгрома „Народной Воли“ впаивая в дряблость и протрацию русская интеллигенция пыталась встать на путь „малых дел“ культурнического и филиантрического характера. Так вырос тип восьмидесятника — проповедника артелей и вегетарианства. После поражения революции 1905 года русский мещанин окончательно стал на путь отказа от революционной программы во имя „зубодневных потребностей“, т.-е. малых дел. Так сложился тип ликвидатора, проросший насквозь буржуазностью и обернувшийся вскоре патриотом. В Европу за время франко-прусской войны (1871 г.) и великой империалистской свалки (1914 года) социал-демократическая и профессионалистская бюрократия все больше и больше уходила в повседневную чисто-реформистскую, детальную работу, практически отказываясь от революционной борьбы с капитализмом, склоняясь ниц перед его могуществом. Так сло-

жился оппортунист, националист, шейдемановед. Во всех этих случаях дело шло о политической и моральной капитуляции перед врагом. „Малые дела“ открыто или молчаливо противопоставлялись большой исторической задаче. Творились они в щелях режима, установленного враждебным классом.

Совершенно очевидно, что советскому роду те зубодневные потребности и частные задачи, которые требуют нашего внимания ныне. У нас дело идет о строительстве рабочего класса, который впервые строит для себя и по своему плану. Этот исторический план, хотя бы еще крайне несовершенный и сбивчивый, должен объединять все части и частицы работы, все углы и закоулки ее, единством большого творческого замысла. Крохоборчество реформистов не в заботе о частных реформах, а в том, что эти реформы заранее уложены в тесные рамки, как по отводу им враждебная воля. Если наши социальные реформы имеют тесные границы, то это — границы нашего собственного хозяйственного могущества или нашей слабости. От нашей воли и настойчивости зависят расширить их. Все прочие отдельные и малые задачи — вплоть до советской торговли в розницу — входят, как части, в план господствующего рабочего класса, направленный им на преодоление своей хозяйственной и культурной слабости. В конце концов и самая героическая баррикадная бой распадается на детали: доставка бревен, одноклывание телег, установка заграждений, и пр., и пр. Но все это связывается в единый революционный напряженный борцов во имя большой политической цели. Единство большой цели вырывает человека из мещанского крохоборчества из обывательской тины, поднимает его над уровнем одних только мелких повседневных работ, открывает его жизни даже при самой скромной доле его личного участия в общей работе.

Социалистическое строительство есть плановое строительство величайших масштабов. И через все кризисы и отливывы, ошибки и повороты, через все извилины пути партии преследует свой большой план, в духе этого плана воспитывает молодежь учить каждого сви-

ывать свою частичную функцию с общей задачей, которая требует сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра — беспристрастно умирать под знаменем коммунизма.

Советская техника поднимается на уровень революционной политики. Слесарь, ткач, мастер, инженер, — сознательные участники общего хозяйственного плана, должны стать таковыми. Техническое обучение молодежи не только специализация, но и подготовка к участию в плановом строительстве, в социалистическом зодчестве, в революционном подвиге. Для техники Советская Россия — необъятное поле. И пролетарское студенчество при правильной постановке дела — будет с таким же энтузиазмом изучать агрономию, термодинамику или электротехнику — уже изучает, — с каким наше поколение училось организации стачек, кружков и подпольных типографий. Специализация необходима, плодотворна, спасительна, как элементарная предпосылка всякого успеха. Но специализация в рабочем государстве вовсе не должна вести к сплочению личности, к замкнутой односторонности. От нашей молодежи мы должны и будем требовать серьезной и глубокой специализации, а стало быть, и освобождения от основного греха нашего поколения — всезнайства и всеумейства. — но специализация на службе общего, каждой в отдельности воспринятого и продуманного плана. Партия должна будет в ближайшие годы воспитать могущественные научно-технические кадры. Советская техника должна будет подняться на высоты коммунистической партийности.

* *

Вопрос, однако, этими общими историческими соображениями не исчерпывается, ибо они являются решающими только в так-называемом „последнем историческом счете“. Практически же соотношение между специализацией и партийностью стоит (для сегодняшнего дня) сложнее и острее.

Конечно, и до октября большевики были не только большевиками, но и выполняли известную служебную, профессиональную работу. Разница, однако, с дореволюционным временем огромная.

Во-первых, штабы партии были тогда заняты почти исключительно партийной работой: это так называемые профессиональные революционеры, и число их было довольно значительно. Во-вторых, члены партии, оставшиеся у станков, в конторах и пр., отдавали своей заводской и конторской работе только физические силы, только время, но не душу. Активной сознательной жизнью они жили вне своей профессиональной работы. А теперь? Штабы партии, и центральный и местные, состоят, за небольшими исключениями, из товарищей, выполняющих наиболее ответственную государственную работу, почти всегда специализированного типа. То же самое относится и к очень значительному числу членов партии, не принадлежащих формально к ее штабам, но составляющих ее основные кадры. В свою административную, хозяйственную, военную, дипломатическую и всякую иную работу коммунисты вкладывают теперь свою личность целиком, ибо дело идет не о службе, а о социалистическом строительстве, и чем дальше, тем больше члены партии специализуются, тем больше они входят во вкус специализации — и так должно быть, ибо без специализации нельзя достигнуть ничего серьезного и дельного в таком колоссальном „предприятии“, как построение нового государства и нового хозяйства. Но и опасность, отсюда вытекающая, велика — из-за пристального разглядывания деревьев можно разучиться видеть лес.

Года три тому назад мне как-то пришлось сказать, что будет большим для партии завоеванием, когда вместо внутрипартийных течений и фракций старого типа у нас создадутся группировки электрофикаторов, торфистов, сланцистов и пр. В общем эта мысль остается правильной и сейчас. Но замедленное в мировом масштабе развитие революции означает для нас замедленное хозяйственное развитие, а это, в свою очередь, означает, что чисто политические вопросы: взаимоотношение между рабочими и крестьянами, партией и массой, сохраняют для нас еще долго свое решающее значение, и если бы раздробленная и поглощенная специализированной работой партия утратила способность быст-

рой ориентировки в этих вопросах и чуткость ко всяким изменениям в политической области, это грозило бы величайшими опасностями. Пытаться противодействовать этому, таща партию назад, к примитивным способам решения всех и всяких советских вопросов „партийным путем“, на-глаз, было бы, разумеется, реакционнейшим дон-кихотством. Мы только взмотали бы на этом пути партию, заставляя ее голыми руками выполнять работу, для которой у нас уже существуют, хотя и не очень тонкие, но все же инструменты. Противодействовать ведомственному (и всякому иному) перерождению партии можно только сочетанием ряда методов, способных усиливать и сплачивать партию. Расширять ее базу, улучшать советские „инструменты“ и научать партию — то есть себя самих — лучше владеть ими.

Нужно прежде всего систематически увеличивать в партии число членов, работающих у станка. Промышленность получила сейчас большую устойчивость, чем в первые годы революции, и мы надеемся, что устойчивость ее будет расти. Вербовка членов партии на заводах может и должна принять строго систематический и притом индивидуализированный характер. Мы должны завоевывать в отдельности каждого рабочего, который заслуживает завоевания. Рабочая молодежь должна стать поголовно нашей. Это задача всех задач, ключ ко всем замкам. Кристаллизация в верхних слоях партии по линиям специальностей и ведомств будет тем менее угрожать партии бюрократическим окостенением, чем обильнее будут питать партию подпочвенные родники.

Дальше следует повышение политической и теоретической квалификации партии и, как важнейшее к этому средство, улучшение партийной печати, которая должна лучше информировать, больше заинтересовывать, глубже захватывать, в частности — освобождение партийной печати от ведомственной вермишели и от однообразных прокламаций, которые не учат, не побуждают, а утомляют. Но

об этом надо говорить особо — конкретно и настойчиво.

Наконец, очень важным и наиболее неотложным средством является усиление и улучшение партийного контроля не только в партийной, но и в советской работе. Ведомственность, бюрократизм, рыночная перелицовка человеческих отношений — все это развивает очень большую силу втягивания, обволакивания, разложения. Наша партия знает это гораздо лучше, чем ее критики со стороны. Но она не пасует перед этими тенденциями, а сознательно, планомерно, бдительно и непримиримо противодействует им. И не только своей общей работой, но и через специальные органы контроля, приуроченные к конкретным формам нынешней партийной и советской работы. Члену партии, который так „специализовался“ на своей ведомственной работе, что утратил нравственную связь с партией, незачем оставаться в партии. Он может быть полезным советским работником, но ему нельзя давать голоса в определении общей политики партии. Коммуниста, которому грозит такое перерождение, должно во-время остановить. Это очень важная задача, которая автоматическим действием советского аппарата не может быть решена. Партия, как партия, организована у нас очень солидно. Но в состав советского аппарата члены партии входят совсем на других началах — с иными взаимоотношениями и иной иерархией. Между партийной и советской организацией существует очень сложное взаимопроникновение, недостаточно, однако, организованное со стороны партии. Отсюда потребность в самостоятельном контрольном органе, имеющем задачей обеспечить партийную линию не только в партийной, но и в советской работе, — авторитетном, гибком, товарищеском, но и беспощадном, когда нужно. Вопрос этот, как все, разумеется, помнят, составляет главную часть темы двух последних статей т. Ленина.

Л. Троцкий.

13 марта 23 г.

ИЗ ПРОШЛОГО.

Приемы подпольной работы.

Порой, утомленный от повседневных работ, комиссий и совещаний, уносишься в область недоброго, недалекого прошлого и все-таки находишь там наряду с темными сторонами и светлые, радостные. — одной, из которых является товарищество; хорошие добрые отношения между работниками подполья. Не преувеличивая, можно смело утверждать, что если-бы в данное время такие товарищеские отношения существовали между отдельными членами нашей организации, то дело строительства новой светлой, радостной жизни подвигалось бы вперед, — без помех и разных эксцессов. Не вдаваясь в исторический анализ таких сложившихся взаимоотношений между нашими товарищами, пожелаю, что бы между вами, юношами и будущими нашими продолжателями строительства новой жизни, товарищеские отношения играли доминирующую роль. — это основа, залог пруспевания, во всех делах.

Сколько нам, старым партийным работникам подполья, приходилось тратить энергии и времени, что бы существуя, продолжать, расширять революционную деятельность. Какой сноровки, изобретательности и рывдумки требовала жизнь с ее самодержавно—монархическим строем и всеми вытекающими из него атрибутами: полицией, жандармерией, охранкой и т. д.

Что-бы не быть голословным, приведу один кажущийся мне харак-

терным, исторический документ из недалекого прошлого, относящийся к 1905 году.

„Департамент полиции по особому отделу, 30 января 1905 г. № 967: совершенно циркулярно.

Начальникам Губерн. Жандармских Управлений и Охранных отделений.

14 го сего января на ст. Ландворово Варшавской жел. дороги задержен с транспортом взрывчатых веществ, в количестве достаточном для производства взрыва огромной энергии, еврей Овсей—Мейер Гершков—Таратута, при коем оказался заряженный револьвер и пояс с патронами.

Из имеющихся в Департаменте Полиции о задержанном данных, между прочим, видно, что сестра его Рахиль Таратута состояла в близких отношениях с казенным государственным преступником Степаном Балмашевым, сам же Овсей Таратута в последнее время принадлежал к составу заграничного комитета партии „Социалистов—революционеров.“

В переписке, отобранной по личному обыску у Таратуты, обнаружено значительное количество конспиративных записей, проявленных нагревателем, значение коих уже частью установлено или устанавливается сношениями с местными властями.

Вместе с тем в тех же записях оказались заметки, не поддающиеся по своей краткости или конспиратив-

ности выяснению. но несомненно, что в виду серьезного значения Таратуты, как террориста, представляющие большой интерес для розыска и дознания. Записи эти излагаются здесь в орфографии подлинника:

1. „Николай. Михаил В. З. Характер бульварный, как у Гончарова, роман седьмой. У Василия и у Степана. также у матроса Катя и Осип наже.“

2. „Красный. что приедет, глаза болят...“

3. Лея Штельбедерша Вилка, Мирский дом, Рувинштейн.

4 „Мой. Введенский переулоч. 28, Льву Эдуардовичу Бухгейм, ква В. Ведет. 10 к. и

5. „Видел ли Николаева Вид. Владимиров Ник. Америка.“

Сообщая об изложенном. Департамент полиции имеет честь просить Вас. Мил. Гос., принять все меры к освещению и выяснению адресов и явок. могущих иметь отношение к району вверенного Вам наблюдения и о последующем уведомить в возможно непродолжительном времени.

Подписал: за вице-директора
Макаров.

Скрепил: за завед. отделом
Л. Квицинский

Верно: Пом. делопроизводителя
Саргани.

После этого сообщения и пошла „писать губерния...“ Явки, адреса нарушены. кто своевременно не успел скрыть своих следов, а это приходилось делать ловко. артистически понап, как „кур но ши,“ в цепкие лапы припешников самодержавия.

Сколько тут затрачено энергии, средств и пр. Вам же, молодые товарищи. этого теперь не приходится проделывать. Ваша работа идет болезненно, без оглядок, без опаски, что вы можете быть арестованы, а в связи с арестом своим „всадить“ и товарищей. Эта боязнь за товарищей сильно парализовала всех, не говоря уже о том, что страдало общее дело.

Нужно было приспособиться так, что бы письма не попадали в зоркие

очи начальства, а если бы и попали, то, чтобы они были немые, были египетскими иероглифами или носили очень невинный характер. Об одном таком изобретении, а их было может быть десятки я здесь, кстати, и расскажу.

Департамент полиции по особому отделу 9 января 1914 г. за № 42 посылает циркулярное совершенно секретное сообщение начальникам Губернских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка, жандармских полицейских управлений железных дорог и г.г. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск. следующего содержания:

„Среди преступного элемента распространен следующий способ тайных письменных сношений: берут два листа обыкновенной почтовой, писчей или какой-либо другой бумаги без водяных знаков и первый из них погружают в какой-либо сосуд с обыкновенной комнатной водой на 8—10 минут, а затем, когда он промокнет, вынимают и накладывают на какую-либо гладкую, твердую, шлифованную поверхность, лучше всего на стекло, так, чтобы лист плотно пристал к стеклу всеми своими частями. Затем на этот, сырой, лист бумаги накладывается второй, сухой, лист таким образом, чтобы он плотно пристал к сырой поверхности первого. После этого обыкновенным карандашом по сухой поверхности второго листа пишут сообщение. при чем нажим карандаша должен быть обыкновенным. По изготовлении сообщения, второй лист осторожно снимается, а первый лист, по отделении от стекла, кладут в сухое, доступное обмену воздуха, место, где он в течение часа совершенно высыхает, а написанное на нем делается совершенно невидимым. Вслед затем этот лист проглаживается о какую-либо горячую поверхность (самовар) и отсылается по назначению. Получивший такое сообщение для прочтения письма, погружает его в такую же воду, и написанное на листе бумаги становится ясным. По прочтении письма

его можно высушить, после чего написанное будет незаметно, когда же текст письма нужно прочесть, то лист опять надлежит намочить”.

Об изложенном Департамент Полиции сообщений Вам, милостивый государь, для сведения.

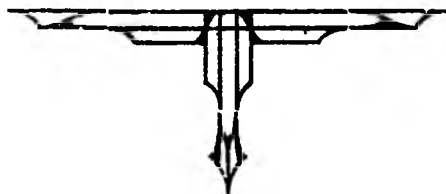
Подписал: за директора
Васильев:

Скрепил: и. д. завед. Особ. Отд.
М. Броцкий.

С помощью, никак не предполагать своего секретного сотрудника департа-

мент полиции разнюхал о такой механике и по всему фронту идет сообщение, а в результате нужно вновь приниматься за придумывание способа тайного письменного сношения. В таких условиях приходилось работать, тратя непроизводительно и время, и энергию, и свои изобретательные способности. Все это кануло в вечность, остались одни недобрые воспоминания, а поэтому примемся за созидание новой жизни, отдав ей все свои силы.

В. Колмаков.

Из тайжиков охранки.

„Куликов“.

Под этой кличкой был секретный сотрудник из сыльных, проживающий в Устькуломе.

Повидимому к нему относится письмо, адресованное помощником начальника Губ. Жандарм. Управления Плотто за подписью, „Куликов“.

Письмо написано собственноручно Плотто. и было, наверное, переслано унтер-офицеру Н. Хомутиничкову для передачи „Куликову“—условный характер переписки.

Привожу его дословно.

11 июня
1912 года.

Дорогой товарищ!

Что же ты ничего не пишешь? Пора бы уж взяться за ум и начать работать, (на службе „Куликов“ значится с 11 мая 1912 года) а что толку и тебе сидеть в такой глуши.

Когда мы с тобой виделись лично, у нас конечно не было времени долго говорить и все обсудить, вот ты теперь и задумался как и что, а на самом деле все это сущие пустяки. Во первых работать тебе в Устьсы- сольске будет и легче, да и жить веселее, если хочешь, то выбери себе любой город из пяти т. е. Устьсы- сольск, Яренск, Сольвычегодск, Устюг и Никольск и подавай прошение о переводе Губернатору через пристава, а мне напиши, когда подад прошение и куда, тогда и я подам прошение о переводе меня в этот город и мы будем жить и работать вместе. Условие работы в денежном отношении очень выгодно, ибо можно устроиться на месячное, постоянное жалование

смотря конечно по труду, который затратишь, рублей 20 даже в месяц, а если будешь много писать и интересно, то сумма платежа не ограничена. Редакция требует главного от сотрудников, правды и добросовестности, и я думаю, что ты не подведешь меня за мою рекомендацию тебя. Об остальном ни о чем не думай и не беспокойся, я все при случае разъясню лично или письмами. Теперь я жду от тебя письма с согласием работать и вместе с ним уведомление куда ты просишься в перевод у Губернатора. Писать мне надо так: Устюг до востребования М. В. П. (инициалы имени, отчества и фамилии Плотто,— конвертов с такими условными буквами очень много в делах В.-Устюгского жандармского Управления. В. Зайкевич).

Если же ты против здравого смысла откажешься от предлагаемой работы, то я прошу тебя все же мне ответить, на что посылаю почтовые марки, будь покоен и при отказе твоём, хотя мне это будет и неприятно, наши дружеские отношения не испортятся.

Еще раз напоминаю тебе, что-бы ты не раскисал, будучи вполне уверенным, что работа тебе дастся хорошо и ты хоть и в ссылке заживешь припеваючи. Помни под лежащий камень и вода не течет, а вот товарищи, в том числе и ты, совершенно опустились, кто нравственно раскис, а кто и в водку пошел, это дело дрянь и к добру не поведет. Кончишь ссылку все равно надо работать, а следовательно от нее нельзя отвыкать, и так в ожидании ответа

твой Куликов

г. У ст ю г.

Неправда-ли. очень характерное письмо, — тут все переплетается, но на первый взгляд, подумаешь, что и впрямь товарищи переписываются. Хотя есть некоторые ляпсусы, — промахи, но, повторяю, на первый взгляд их не видно, — резко не бьют в глаза.

В. Зайкевич.

„Печорин“.

В числе сотрудников у Плотто был и ссыльный, проживающий в Усть-Сысольске, под кличкой „Печорин“. Привожу один из документов, относящихся к данной личности.

Унтер офицер дополнительного штата Вологодского Губернского Жандармского Управления от 24 июня 1912 года за № 55 из Устьсысольска совершенно секретно доносит помощнику Начальника Вологодского Губернского Жандармского Управления в В.-Устюгском и других уездах следующее:

„23 сего июня я имел первое свидание с „Печориным“, при чем он мне сообщил, что колония ссыльных в гор. Устьсысольске действительно существует, всех членов около 28 чел., сборы денег производятся во время каждой выдачи месячного пособия, старостами колонии состоят ссыльные: Чернявский Иван Михайлов и Крыль Идель Янкелев, сумма наличных денег в колонии около 30—40 рублей. Между ссыльными существует в небольшом количестве нелегальная литература, но она постоянно вся в расходе, вследствие чего и является затруднение в изъятии таковой.

Собрания ссыльных в городе Устьсысольске почти совершенно не происходят, кроме того как лишь к мещанке Забоевой ходят обедать ссыльные в числе 7 человек, где и бывают политические суждения. Центром всей ссылки в Устьсысольске

являются ссыльные: Кац-Капелинский, Ротшильд, Мухин. Чернявский, Пудовкин, Крыль, Крутевич и Хая Бейла Креймер (последняя анархистка).

„Печерину“ я поставил в обязанность доподлинно знать все суждения ссыльных, во время обедов у Забоевой и знать каждый шаг поименованных ссыльных. Расписки ему возвратил и объявил все условия Вашего Высокоблагородия, при чем он крайне обиделся, но впоследствии, видимо, успокоился и высказался весьма решительно, что он, впоследствии докажет работой свою способность и добьется большего вознаграждения. Дело вести со мной он охотно согласился. На первое время я ему выдал десять (10) руб., на какую сумму я взял расписку, а в будущем, если мало будет давать сведений, то еще выдачу уменьшу.

„Аршинова“ пока не видал, так как он еще не возвратился в город Устьсысольск из села Устьяма, Яренского уезда.

Унтер — офицер Н. Хомутильников.

„Печорин“ прежняя кличка „Петров“ секретный сотрудник с 8 мая 1912 года с жалованьем 20 руб. в м-ц, при чем за время с 20 апреля по 20 мая 1912 г. уплачено ему 15 руб., есть никто иной, как один из обедующих у мещанки Забоевой ссыльных это Крутевич.

А в отчете по израсходованию денег на секретную агентуру за время с 20 мая по 20 июня 1912 г. у всех читаем „в зависимости от даваемых сведений“, всех же агентов в этот период было 17 человек: 7 секретных сотрудников, пять штучников и столько же вспомогательных агентов; все города обслуживались этим количеством агентов, только в одном Сольвычегодске не было этой мрази, а орудовали исключительно одни жандармы за этот период времени.

В. Зайкевич.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

О Т Д Е Л.

О продлении жизни.

(О к о н ч а н и е).

Выше было отмечено, что способы омоложения людей и животных по способу проф. *Штейнаха* и *Воронова* дает непостоянные результаты и на людях не применимы в массовых размерах за недостатком материала для прививки. Непостоянные результаты, т. е. появление омоложения во всех случаях, станет совершенно понятно, если припомнить громадное значение в организме многих желез с внутренней секрецией, а способ *Штейнаха* и *Воронова* сводится к омоложению организмов путем усиления деятельности только половых желез. Ясно, что организм может не помолодеть, а даже умереть и при сильной деятельности половых желез, но при недостаточной—щитовидной железе, или мозгового придатка (гипофиза), или надпочечных желез и т. д.

Значительно ранее *Штейнаха*, знаменитый русский ученый, *Илья Мечников*, работал над вопросам старости и продления жизни. Его теория сводится к следующему. Сущность старческого вырождения есть замена благородных (паренхиматозных) специализированных клеток (организмы высших животных состоят

из триллионов клеток; специализированными клетками являются: нервные, мускульные, железистые) не благородными, не специализированными клетками соединительной ткани, и так как последняя твердая, мало упругая, то к отвердению вследствие этого наиболее важных органов (печени, селезенки, почек, мозга, артерий,) (кровеносные сосуды). Один ученый сказал: „наш возраст“ это возраст наших артерий: подчеркнув этим, правда односторонне, важность нормального состояния кровеносных сосудов. Такое отвердение называется старческим склерозом. В мозгу нервные клетки заменяются шипшицами—неврольгией, железистые клетки печени и селезенки—соединительной тканью и т. д. Идет в организме всегда борьба между благородными элементами и вторичными не благородными. Победа последних и есть старость. *Мечников* открыл, что в крови людей и животных есть живые, подвижные клетки, названные им „фагоцитами“, которые, если в организм попадет какое нибудь вредное тело, наприм. бактерии, то пожирают их и таким образом спасают часто его от смерти. Борьба с

болезнями, по *Мечникову*, есть борьба с заразой пришедшей извне в организм и фагоцитами.

Теперь, скажем к слову, мы знаем, что это не совсем так: наряду с фагоцитами, принимают участие в борьбе с бактериями и их ядами, вырабатываемые организмом противоядия антитоксины. *Мечников* установил, что наряду с полезной ролью фагоцитов имеется и вредная. Когда благородные клетки организма теряют свою устойчивость, жизненное напряжение, то фагоциты пожирают их, а не соединительную, неблагородную ткань, которая и разрастается. Фагоциты пожирают пигмент волос, от которого зависит их окраска и волосы седеют, пожирают нервные и железистые клетки и они заменяются соединительными тканями — в результате склероз и т. д.

С этой точки зрения борьба со старостью должна заключаться в том, чтобы найти возбудителей для ослабленных благородных тканей, которые поддержали бы их жизненный тонус (напряжение) с одной стороны, а с другой — ослабили вредную деятельность фагоцитов. *Мечников* полагал, что много случаев старости есть результат отравления кишечными ядами. Человек выделяет в сутки вместе с извержениями (экскрементами) 128 триллионов бактерий равняющихся ¹/₁₀ общего их объема. Между этим громадным количеством бактерий попадают и вредные, вырабатывающие напр. такие яды, как карболовую кислоту. Кишечные яды всасываются в кровь и ослабляют сопротивляемость благородных тканей, делая их легкой добычей фагоцитов. Согласно с такими воззрениями *И. Мечников*, для продления жизни предлагает насаждение в кишечный тракт бактерий молочно-кислого брожения, имеющих способность делать неблагоприятной обстановку для развития вредных бактерий и, кроме того, не давать возможности попадать бактериям в пищеварительные

органы вместе с пищей, для чего рекомендуется хорошо прожаривать, проваривать, вообще стерилизовать (обезпложивать) ее. Этот ряд мер плюс устранение алкоголизма и сифилиса, дающих ¹/₅ часть заболеваний — артериосклерозом (перерождение сосудов) должны, по *Мечникову*, значительно продлить жизнь людей. Между прочим, можно отметить практический совет *И. Мечникова* о питании для продления жизни — простоквашей, являющейся продуктом молочно-кислого брожения.

Если мы отметим опыты *Шульца*, *Дриша* и *Арені* голоданием на крысах, асцидиях, пресноводных растительных червях и полипах, у которых чрезмерно высокие или низкие температуры, также сильное голодание ведет к омоложению организма, его перерождению, то мы исчерпаем все наиболее известные теории старческого вырождения и способы продления жизни.

Еще в 1908 г. наш известный ученый политико-эконом и естествоискусник — *А. Богданов** на основании, с одной стороны — тщательного изучения работ о крови, с другой — философских построений, пришел к заключению, что все попытки продления жизни и борьбы со старостью до сих пор бывшие, носят характер частичный; в роде „какого либо лекарства“, „элексира“, либо какой либо диеты и особенного питания, либо в виде сыворотки или особой культуры бацилл в кишечнике, а наша великая учительница — природа — стихийно ставит и разрешает тот же вопрос интергральным методом, достигая при его помощи даже реального бессмертия протоплазмы. Ход разсуждений *А. Богданова*, изложенный в 1-й части *Тектологич.* к слову сказать вышедший в переработанном и дополнительном виде в Берлинском издании Гжебина. книге являющейся по моему мнению, самой величайшей из книг, вышедших в свет за последние 20 лет по вопро-

* Автор краткого курса политической экономии и многих философских работ.

сам философии и методологии;*) таков А. Богданов задает вопрос: имеется ли в природе бессмертие и, если да, то каким образом оно достигается ею. Реальное бессмертие протоплазмы имеется у простейших клеток и получается оно путем копуляции и конъюгации**). Простейшая клетка размножается делением ее на двое, иногда более. После того, как дочерние клетки достигли размера матери, они снова делятся каждая на двое и т. д. После 100-200 делений наблюдается истощение клеток, вырождение их, объясняемое тем, что „каждая из клеток дочерей обладает уже не полной жизнеспособностью материнской клетки, а несколько, хотя очень немного пониженной“. В ряду поколений — несколько десятков для одних видов, несколько сотен для других, это понижение достигает значительных размеров. В нем принимают участие два момента. С одной стороны — происходит, как полагают, уменьшение количественное и ослабление качественное тех элементов, которые специально являются носителями видовых свойств. С другой стороны, — внутри клеток накапливаются вредные для них, таксические или „скелетные“ вещества, побочные продукты и отбросы жизнедеятельности, при чем протоплазма оказывается неспособной от них освободиться. Вырождение это для клеток, живущих независимо друг от друга, под действием разных условий, происходит не одинаково — в одних клетках в одном направлении, в других — в ином; в одной накапливаются одни секретно-токсические вещества, в другой — иные. При копуляции же получается: 1) смешение объединяет в удвоенной клетке увеличенное количество элементов, при чем качественный их состав возстаивается: во 2-х, протоплазма клетки А, неспособная устранить или переработать свои накопившиеся скелетно-таксические вещества, вполне

способна сделать это по отношению к скелетным элементам клетки В., ибо не случайно же эти последние не могли накапливаться в клетке А., а протоплазма клетки В. находится в том же отношении к скелетно-таксическим элементам, А. Таким образом, две смешавшиеся протоплазмы, производя взаимный подбор своих элементов, очищают одна другую от вредных материалов, а в результате с новыми копуляционными получается реальное бессмертие протоплазмы.

Между прочим отметим, что половое скрещивание тоже, несомненно, ведет к повышению жизнеспособности. А Богданов, формулировал, на основании весьма глубоких соображений, следующий всеобщий закон о связи копуляции с развитием; „при всякой копуляции сумма условий возможного развития, или количество возможностей развития возрастает“. Закон этот применим к самым разнообразным комплексам, как простые капли воды, живые клетки, психические образы и социальные организации, так и к таким системам как языки и наречия. В медицинской практике давно уже ведется одностороннее применение таких методов, как прививка органов и тканей.

Очевидно, что полная копуляция многоклеточных, покрытых плотными оболочками снаружи, или имеющих твердый остов или то и другое (скелет) невозможна. Надо поискать, нет ли в указанных организмах ткани жидкой, подвижной, и, кроме того, включающей, как видовые, так и индивидуальные свойства особей.

А. Богданов задал себе вопрос, что получилось бы, если перелить двум людям $\frac{1}{10}$ общего количества их крови от одного к другому и высказывает предположение, что получилось бы тоже, что и при копуляции одноклеточных существ, — глубокое очищение и освежение организмов и их освобождение от специфических — вредных для них токси-

*) Определение по философии и методологии не точно — тектология, иначе всеобщая организационная наука, в которую как часть входит философия и все другие науки.

**) Копуляция и конъюгация есть соединение двух клеток.

нов. Есть вероятность передачи так-же иммунитетов (невосприимчивости) против разных болезней, не только приобретенных путем перенесения болезней, но возрастных, наследственных и т. п. Переливание крови, увеличивая сумму элементов развития, даст большие возможности разнообразных благоприятных для жизни подборов.

Когда *А. Богданов* сформулировал эту теорию, переливание крови применялось только в тех случаях, когда все другие способы лечения были испробованы и не дали результатов, чаще же делались вливания солевого раствора. К такой осторожности побуждала трудность техники переливания крови, (боязнь эмболии), свертываемость крови, вышедшей из сосудов, случаи несовместимости крови, определение коих не было еще разработано в то время. Любопытно посмотреть, что произошло за последние 15 лет во взглядах на переливание крови и подтвердились ли теоретические предвидения *А. Богданова*.

Вместо единичных случаев,—переливание крови стало массовым. В Англо-Саксонских странах (Северо-Американских Соединенных Штатов), особенно широко практикуется этот способ. В первой из названных стран, даже образовался профессиональный союз людей дающих свою кровь. Уже переливание крови практикуется в следующих случаях: 1) прямая потеря крови при разных ранениях. Здесь значение операции ясно и почти безусловно: чужая кровь способна почти „воскрешать“; возвращать к жизни людей находящихся в агонии, при том она это делает с такой быстротой, которая на зрителя производит иногда впечатление—чуда. Этим путем за последние годы были спасены жизни тысяч людей: 2) так, результат тяжелых повреждений организма, очень часто связанный с большими потерями крови—здесь тоже получается волшебное действие при подходящем переливании крови. 3) Заболевания „гемофи-

лические“ такие, при которых начавшееся, по каким либо причинам кровотечение, становится неудержимым, вследствие слабой свертываемости крови таковы: собственно гемофилия, природный порок крови, при котором иногда ничтожное ранение приводит к смерти; маелена новорожденных—самопроизвольное кровотечение из кишечника, происходящее от неизвестных причин, хроническая желтуха, при которой свертываемость крови замедляется в 3—4 раза, так что, например: небольшая операция становится опасной. От действия перелитой крови здесь свертываемость делается нормальной. 4) При общих болезнях крови, где изменяется ее строение, главным образом, при злокачественной анемии (малокровии), где повторными переливаниями, удается продлить жизнь пациента на месяцы и годы. 5) Различные отравления крови—химические и бактериальные. Имеется еще целый ряд случаев, где получены весьма благоприятные результаты от переливания крови и этот метод все более и более приобретает право гражданства в медицине.

Что касается техники переливания, то она доведена до высокой степени совершенства и простоты. Боязнь эмболии оказалась приувеличенной, свертываемость крови при прохождении через трубки аппаратов устраняется или путем промывания последних раствором парафина в эфире, или путем прибавления к крови 1⁰/₁₀ раствора лимонно-кислого натрия, безвредного и в гораздо больших дозах.

Что касается случаев несовместимости крови, даже у одного вида, наиболее яркими примерами коих служит кровь различных видов животных, например: кровь от животных к людям и обратно—является ядом, то они также почти устранены, так как выработаны способы испытания крови на совместность. Все же до сих пор переливание крови делается одностороннее, а не обменное и количество крови берущееся на од-

но переливание не превосходит 500 куб. с., т. е. одной, примерно тринадцатой части общего количества крови.

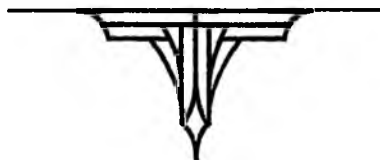
Имея в виду все вышезложенное, можно сказать, что теоретические провидения *А. Богданова* в основном оправдались и надо думать, что он окажется прав и в том отношении, что когда будут применены повторные обменные переливания крови от одного человека к другому и в количестве до 50–60% общего количества их крови, то оправдается и следующая часть предсказаний о возможности продления жизни людей и

животных, далеко превосходящее современную продолжительность жизни.

А какие это повлекло бы последствия в области животноводства, использования силы животных, влияние на разнообразие психических типов людей, борьбы с болезнями и т. п., легко себе вообразить. Это была бы почти победа над самым страшным врагом всего живущего — смертью.

Надо пожелать скорейшей постановки массовых опытов переливания крови на животных и людях и опубликования т. *А. Богдановым* его последних исследований.

И. Ермолаев.

Несколько мыслей о человеке.

В настоящее время вопрос о том, что представляет из себя человек с точки зрения естествоведения достаточно уже разрешен, но если взять человека и рассмотреть его с точки зрения психологии, то тут возможно встретить целый ряд, я бы сказал „туманностей“, которые весьма часто заставляют нас говорить: „этот Иванов, или Петров удивительно непонятная личность, сегодня он говорит и хочет одно, а завтра другое“ или эти „туманности“ приводят нас в ужас и мы восклицаем: какое кошмарное дело совершил этот Иванов, ведь подумать страшно, как только он решился на такое преступление; или, наконец, „туманность как будто бы рассеивается и мы говорим: Иванов все сделал так, как нужно, но вот только есть *одно* обстоятельство, которого никак нельзя понять.

А между тем „понимать“ человека с точки зрения его психической жизни бывает весьма необходимо, т. к. от этого понимания часто зависит очень многое. И в своем кратком очерке я остановлюсь на вопросе о том, что представляет из себя личность человека, если мы будем под личностью разумеать совокупность интересов, настроений и склонностей отдельного человека.

Прежде всего отметим, что органом всей психической жизни человека является нервная система. И напрасно некоторые ученые стараются доказать, что психической жизнью человека управляет душа, которая где-то в середине человеческого тела помещается и куда то уходит после смерти этого тела. Точ-

ные данные науки уже ясно показывают нам, что всякое изменение (даже самое незначительное) в нервной системе влечет за собою неизбежное изменение и в душевной жизни человека, напр. стоит только вырезать известную часть головного мозга и человек лишается целого ряда ощущений, стоит повредить нервы, управляющие осязанием человека, и он лишается возможности осязательных ощущений.

Или, кто не знает того, что человек с больными нервами становится раздражительным, вспыльчивым, а при серьезных нервных потрясениях даже делается психически больным или, как говорят, сумасшедшим. Таким образом и личность человека зависит от нервной системы, а так как нервная система подвергается всякого рода воздействиям со стороны внешних факторов или со стороны той среды в которой живет человек, то личность его зависит от той окружающей обстановки, в которой он формируется и развивается.

Правда, личность человека зависит еще и от наследственности, ибо, напр., больная нервная система родителей, может отразиться и на строении нервной системы детей. Но все же окружающая среда будет иметь большее значение, чем наследственность, ибо нервы можно и вылечить, если они по наследству больные, в то же время нервы по наследству здоровые можно совершенно „растрепать“. Наследственность создает предрасположение к тому или иному развитию, которая развивается в определенной общественной обстановке.

Вот почему никак нельзя изучать личность человека вне общественной среды.

Теперь посмотрим в чем же проявляется личность человека? Конечно, прежде всего в действиях. И такое проявление личности человека в действиях называется характером.

Следовательно, стоит только изучить характер человека, и мы сможем понять и личность его, а значит найдем объяснение поступкам и действиям этого человека.

Какие же бывают характеры у людей. В данное время характер человека определяется по той физиологической основе, какую он имеет в себе и которая зависит от организма человека и окружающей его среды.

Эта физиологическая основа характера называется темпераментом. Известный ученый психолог Вунд различает такие 4 вида темпераментов в зависимости от возбудимости нервной системы: это сангвинический (когда нервная система возбуждается быстро и поверхностно), холерический (нервная система возбуждается быстро и глубоко), флегматический (н. с., возб. медленно и поверхностно), и меланхолический (н. с. возб. медленно и глубоко).

Но следует указать, что очень редко мы встречаем „чистые“ темпераменты; в большинстве случаев мы сталкиваемся с людьми, у которых имеются налицо смешанные темпераменты.

Теперь посмотрим, что из себя представляют люди, имеющие тот или иной темперамент? Так, сангвиники очень подвижны, от их взора, ничто не ускользнет, они быстро увлекаются самыми разнообразными вещами, но не надолго; они берутся за всякое дело, но редко его кончают; у них происходит весьма быстрая смена настроений. какое-либо горе сразу же подвергает сангвиника в тяжелое состояние, но это горе скоро забывается. Совершенно не приходится удивляться, если сангвиник совершает тот или иной поступок, в котором он

сам же и раскаивается на другой день, ибо он не продумывает серьезно своих действий. Холерик точно также весьма быстро реагирует на все, что видит и слышит, он весьма быстро увлекается, быстро принимается за работу, но все, что он делает, то делает до конца; ничего мимолетного у него нет; серьезность и продуманность его отличительны качества.

Флегматик малоподвижен, его ничто не трогает, и очень малое интересует; но и все то, что в конце концов увлечет флегматика, весьма быстро им забывается и работа флегматика, это работа человека, которого нужно тянуть за уши.

Наконец, меланхолик — это тоже темперамент медлительный и вялый, но отличающийся тем, что если, что уже в конце концов и увлечет его, то над этим он и будет думать весьма долгое время, совершенно не реагируя на все остальное. Какая либо мысль, следовательно, запавшая в меланхолика будет так мучить его, что даже сможет привести его к самоубийству.

Но мы уже сказали, что в жизни по преимуществу попадают смешанные темпераменты; так, например бывает, что человек, который очень многим увлекается и это многое скоро позабывает, в то же время имеет глубокий интерес к какому либо одному жизненному явлению; и на первый взгляд „пустой человек“, оказывается в известной области весьма глубоким и серьезным. Точно так же бывает, что человек, которого ничто не трогает, на горе, ни радость, ни какие либо общественные явления, глубоко и быстро реагирует и имеет самое продуманное отношение к тому или иному вопросу очень узкому и специальному.

Теперь, когда мы знаем, какие бывают темпераменты а, следовательно, и что из себя представляет характер человека, нам будет легко разбираться и в поступках людей, а порою и предотвращать эти поступки. Так, если человек систематически не

выполняет до конца данной ему важной работы при наличии всех внешних благоприятных условий, то значит он просто по своему темпераменту таков и нужно подумать стоит ли тратить напрасно время, чтобы еще давать ему серьезную работу. И, если мы будем знать, что данное лицо по своему темпераменту сангвиник, то вряд ли мы поручим такому лицу длительную, кропотливую работу или пошлем такого человека решать сложнейшие задачи. Точно также вряд ли мы снарядим в экскурсию флегматика, что бы он написал какой-нибудь очерк о своих впечатлениях, т. к. этих впечатлений, у него может и не случиться. Наконец, вряд ли мы заходим усугублять мрачное настроение меланхолика каким либо тяжелым поручением, коль скоро мы знаем, что усиленный рост тяжелых дум меланхолика может повести его к самоубийству и т. д.

Но необходимо сказать, что как раз внешняя среда и может изменить характер человека, коль скоро она может различно действовать на его нервную систему. Так, например, если меланхолика поместить в обстановку, где яркость, сила и многообразие впечатлений бьют в глаза, где следовательно, разнообразие впечатлений будет достаточно велико, то он волей не волей будет принужден отказаться от своих навязчивых дум, а флегматик в такой обстановке волей не волей расшевелится. Или, например, если сангвиника поместить в

деловую атмосферу, где с него будут спрашивать и дисциплинировать его, то он волей неволей будет более глубоко продумывать то, что делает.

И наша великая революция, например, произвела огромную смену характеров и темпераментов. Так вечно праздный, и ничего неделающий сытый буржуа принужден был заняться трудом, коль скоро его за безделье никто не стал кормить, а какой-нибудь крестьянин из глухой деревни, который получил возможность многое узнать, подвергнуться многим впечатлениям естественно сделался хелериком из флегматика и т. д.

Таким образом, мы все же можем распознавать людей и хоть до некоторой степени рассеивать — „туманности“, которые у нас возникают. Но мы никогда не должны забывать, что личность отдельного человека, взятая вне зависимости от окружающей ее среды, иначе говоря от общества, не имеет никакой ценности и значения, ибо эта изолированная личность будет нам казаться совершенно пустой и не нужной, коль скоро она не сможет приносить никакой пользы обществу.

А изучив личность, познав ее наследственные качества и влияние окружающей среды, иначе определив ее темперамент, мы можем смело сказать что эта личность представляет из себя и как она может быть полезна обществу, а следовательно, и самой себе.

В. Карпов.

НОВЕЙШИЕ ТЕЧЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ НАУК.

I. Электроны и строение атома.

Вопрос о строении атома стал очевидным с конца минувшего столетия после открытия катодных лучей и радиоактивных веществ. Более ста лет со времени Дальтона, прочно держалось представление об атоме, как о неделимой частичке материи, имеющей вид и характер упругого шарика. Изучение прохождения электричества через газы при высокой степени разрежения и радиоактивных излучений обнаружило с полной несомненностью существование частиц, заряженных отрицательным электричеством, и по своей массе приблизительно в 1700 раз меньших атома водорода. Оказалось, что А — катодные лучи и В — лучи радиоактивных элементов образуются тучами таких частиц, которые с силой выбрасываются из тел и мчатся с колоссальными скоростями, близкими к скорости света.

Эти частицы, названные электронами, имеют две особенности — во-первых, они входят в состав всех известных нам химических элементов и при известных условиях из них выделяются, и во-вторых, они тождественны для всех элементов, имея одну и ту же массу и один и тот же минимальный электрический заряд. Одни и те же электроны входят в состав и водорода, и железа, и золота, и кислорода.

Нет ничего удивительного, что под впечатлением таких открытий вновь оживает старый вопрос о единстве строения материи и является желание проникнуть в архитектуру атомов.

Можно считать за несомненно установленный факт, что в состав каждого

атома входит массивное, положительно заряженное ядро, своеобразное для каждого атома и электрона.

Сколько же этих электронов в атоме железа, меди, азота и т. д., как они там распределены и какова их роль в физико-химических процессах?

Открытие самых последних лет дают возможность с некоторой вероятностью ответить на поставленные вопросы, хотя на пути к их разрешению и стоят невероятные трудности. Изучая атом: мы вступаем в мир совершенно своеобразный, мир ничтожно малых величин и громадных чисел. Миллиметр для этого мира равносителен миллионам километров для нас, и поэтому для удобства пришлось выбрать новую единицу длины в 10000000 раз меньше миллиметра и названную ангстрёмом. Этой единицей измеряют атомные расстояния. Поперечник электрона принимается равным приблизительно 0,00004 А.

В 1913 году молодой голландский физик Бэр высказал следующую гипотезу о строении простейшего атома водорода. Около центрального ядра, в котором сосредоточена вся масса атома, по круговым или эллиптическим орбитам, движется единственный электрон. Поперечник орбиты — наиболее устойчивый ровен приблизительно 1 А. Молекула ж водорода, согласно изысканиям другого физика Дебая, можно представить себе так: она состоит из двух положительных ядер, расстояние между которыми ровно 0,5 А: вокруг прямой соединяющей эти ядра, как вокруг оси, вращаются по кругу два электрона, постоянно оставаясь на концах одного и

того же диаметра; плоскость круга перпендикулярна к оси. Скорость движения электрона невероятно велика: в одну секунду он делает $7 \cdot 10^{15}$ оборотов и прибегает расстояние 220.000 км. расстояний от ядер. Диаметр орбиты равен 1 А:

Приложение к атомной системе законов и формул небесной (!) механики позволило получить теоретическим путем ряд следствий, блестяще оправдавшихся на опыте. Это говорит в пользу гипотезы, и она принята, как весьма вероятная модель атома.

Естественно допустить, что строение атомов иных элементов аналогично строению водородного атома. В каждом имеется массивное центральное ядро, около которого по более или менее сложным орбитам движутся электроны. Число их для каждого атома точно известно. Если мы возьмем таблицу периодической системы химических элементов Менделеева, и перенумеруем все элементы, то номер элемента укажет и число электронов. Таким образом, в свете электронной теории таблица Менделеева приобретает новый смысл. Литий — третий элемент имеет три электрона: натрий — одиннад-

цатый номер — имеет столько же электронов, которые расположены по трем кольцам, на внутреннем кольце 3 электрона, на среднем 7 п на наружном 1; цезий 55-й номер, имеет электроны, а распределенные следующим образом: на 8-ми кольцах начиная от внутреннего и кончая внешним:

$$3 + 7 + 8 + 10 + 8 + 10 + 8 + 1 = 55.$$

Итак, атом это своеобразная солнечная система в миниатюре, в высшей степени сложная и запутанная, ибо наиболее тяжелый атом — уран — имеет 96 спутников — электронов. Вероятно, не скоро разгадаем мы в деталях загадку движения электронов в атоме, но уже сейчас ясно, что эта загадка связана с пониманием основных свойств материи. Ибо уже сейчас очевидно, что химические свойства элементов всецело определяются расположением электронов, что происхождение световых, электромагнитных и рентгеновых лучей связано с движением электронов по орбитам, что катодные и В-лучи родноактивных веществ это электроны, сорвавшиеся со своих орбит. Но об этом до следующего очерка.

Н. Шалауров.

Размышления на день „св. Пасхи“.

Пасха. Тысячи черносотенных попов всех чинов „священной иерархии“ в раззолоченных одеждах будут держать под своим гипнозом миллионы трудящихся. Религиозным дурманом отравлены эти миллионы. Они будут петь о воскресшем боге, будут давать обет всепрощенья и любви, братские целованья.. братство с пришедшими в свои раззолоченные капища из роскошных покоев, богатых магазинов, винных лавок, ресторанов, кафэ-шантанов, публичных домов Все они—„братья“, они готовы завтра же спокойно надувать „ближнего“, подставлять ножку друг другу, продавать и покупать женское тело, опиваться и об'едаться „аки свиньи“, спокойно проходить мимо мерзнувших на улицах городов детей, еле смеющихся робко повторять „подайте на хлебушко“. И ведь знает, хорошо знает все это раззолоченный жрец, ведь знает он свою „братию возлюбленную“, знает из каких уст несутся ответные слова „воистину воскрес“. Знает, но лицемерно внушает себе и им, что это не так. И миллионы трудящихся рабски склоняются перед союзом развратной буржуазии с „великой блудницей“ церковью, и они не видят, что умер здесь Христос, что здесь только „мертвые хоронят своих мертвецов“.

И наша Вологда в эту ночь при иллюминациях и переливах колокольного перевозна отдает свою дань прошлому и здесь „медь звенящая“ и „гробы раскрашенные“ захватят тысячи трудящихся. Так

пусть же в часы великого лицемерия, торжества невежества и рабства — как наш достойный ответ, как боевой клич новой жизни,—пронесется по необ'ятной Сов. России горячее слово революционной молодежи. Рвать завесу густого тумана, очищать головы от остатков поповщины и чертовщины, мечом науки ударить по невежеству, мистики — вот наша прямая задача на эти дни.

Происхождение пасхальных мистерий.

Христианская пасха является переделкой подобного же праздника древних. Греческий поэт Лукриан рассказывает: „Дионис умер за людей. и в память этого“, раз в год вся страна облачается в траур. Совершают мистерии и с плачем бьют себя в грудь. Когда уже достаточно погоревали, приносят умершему Дионису жертвы. на следующий день об'являют, что он жив и вынимают его“ (деревянную, статую. зарытую 3 дня тому назад) („Календарь коммун“ ст. 124).

Идея страдающего за людей бога есть и в легенде о Прометее, терзаемом коршуном за похищение огня для людей.

„Распятие“ Озириса и его „воскресение“ совершилось еще за 1166 лет до Р. Х. Индусский бог Кришна также воскресает.

Основной символ христианства, происходящий якобы от крестной смерти Иисуса — крест — вовсе не является нововведением христиан. Пер-

вобытний человек добывал огонь быстрым вращением палки, упирающейся в центр крестообразно сколоченных палок. Крест стал поэтому символом могучей силы огня. Крестообразные линии встречаются уже на могилах каменного века.

В свайных постройках бронзового века находили изображение креста на глиняных черепках. У браминов и буддистов Китая так же употребляется крест. В христианство крест проник не сразу. Уже в IV веке епископ Иоанн Богослов борется против креста, называя его знаком „зверя“, римского правительства.

Интересно приводимое Немоевским в своей книге „Бог Иисус“ объяснение пасхальных мистерий, как переделку астрологических познаний о небесных светилах. Сущность в том, что солнце, вступая в созвездие тельца топило это созвездие в своих лучах, убивало бога (тельца). Это было в момент весеннего равноденствия т. е. перед весенним оживанием природы. Для воскресения природы и развития жизни необходимо было умереть богу. Отсюда „смертию смерть поправ“. Телец был священным животным древности.

Но за полторы тысячи лет до Р. Х. точка весеннего равноденствия переходит в созвездие Овна. Теперь уже оно должно исчезнуть в лучах солнца, что-бы природа стала оживать. И священным животным, символом бога, умирающего за людей становится Овен—ягненок. Таков и христианский Агнец—Иисус и еврейский непорочный жертвенный Агнец. Бог отец (солнце) убивает бога сына (Овна). На третий день созвездие Овна снова появляется; на третий день воскресает и Иисус. Все главные действующие лица пасхи находят свой источник в окружающих Овна созвездиях. Обращает на себя внимание, что христианская пасха приурочивается к определенному положению небесных светил. Она бывает в первое воскресенье после первого полнолуния за весенним равноденствием. Отсюда п а с х а л ь н а я таблица.

Что касается исторических сведений о казни Иисуса и о нем самом, то здесь нет определенных данных. Существует целый ряд предположений. Одни из них рассматривают личность Иисуса, как чисто легендарного еврейского героя, а затем римского люмпен пролетариата и рабов (в роде древне-русского Ильи Муромца). Другие видят в нем одного из многочисленных еврейских проповедников того времени, призывавшего к восстанию и казненного римскими властями. Легенда о воскресении объясняется легко. Вера в возможность воскресения тогда была широко распространенной. Каутский в книге „Происхождение христианства“ приводит выдержку из евангелия Матфея (гл. 28—ст. 11-15). Когда Иисус воскрес, воины, охранявшие его, устрешенные землетрясением и грозой, идут к священникам—и тогда некоторые из стражи, вошедшие в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И они, собравшись с старейшинами, и сделав совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики его, пришедши ночью, украли его, когда мы спали“... „Они взяв деньги, поступили, как научены были“.

„Следовательно,—продолжает Каутский, эти христиане думали, что воскресение мертвого, лежащего уже три дня в могиле, произведет на очевидцев такое слабое впечатление, что довольно хорошей взятки, чтобы не только наложить на их уста печать молчания, но и заставить их рассказывать прямо противоположное“ Понятно, что в такой среде легко могла создаться легенда о воскресении. Не исключена возможность и того, что последователи могли действительно украсть тело Иисуса, объявив его воскресшим. Вполне возможно, что те или иные из учеников имели видение распятого (галлюцинация). Евангельские описания именно придают характер и явлению и послевокресному общению Иисуса с учениками. Но, конечно, та или иная историческая личность, опоэтизированная в лице Христа, не играла существенной роли, в развитии христианской

секты. Наоборот евангельский Христос—целиком продукт условий, в которых шло развитие общества христиан. Отсюда и та масса противоречий, которая имеется в евангелиях. Основным можно считать то, что с одной стороны Иисус выступает как бунтовщик, вождь восставших. „Не мир принес я миру, но меч“. „Кто хочет быть большим, пусть будет всем слугой“. Выгоняет бичем торговцев из храма (повидимому, переделанное описание одной из революционных стычек с тогдашней буржуазией). Когда войны приходят арестовывать Иисуса—апостолы пытаются обнажить мечи. С другой стороны „ударившему в правую щеку, поставляй и левую“. Вставки этого второго типа являются, поправками того периода в истории христианства когда оно все больше становилось религией смирения, религией рабов, потерявших надежду на победу, религией, освещающей господство римско-византийской аристократии.

Заключение.

Продукт исторического развития общества—христианство изживает само себя. Оно, как и все религии, идет

к умиранию. Вместе с ним отойдет в историю и пышная пасха. Сначала отражение человеческой беспомощности перед природой, а затем отражение господства над людьми общественных отношений—религия теряет свою основу в социалистическом обществе. Гигантское развитие техники и, стало быть, рост производительных сил все больше освобождает людей от подчиненности природе. Человек все больше становится победителем ее. Свержение капитала уничтожает и господство общественных отношений над людьми. Нет больше фетишей, нет места и для всякой чертовщины, рассеиваются остатки мистики и религиозного дурмана.

И чем дальше разворачивается наша революционная борьба—тем больше блекнет старая вера. Уже и теперь распевается нашей крестьянской молодежью:

„И царя у нас не стало
Бога в каторгу сошлем“ ...

И как бы ни пели в христианских капищах 8 апреля „Христос воскрес“, как бы вызывающе ни заливался колокольный перезвон—жизнь отвечает „Воистинну умирает христос, воистинну умирает всякая чертовщина!“.

Н. Юдин.

Картина звездного неба.

Вслед за сумерками на небе загораются звезды. Сначала звезды самые яркие — „первой величины“. Их немного на нашем небе — не более 5—10. Далее, по яркости идут звезды „второй величины“, насчитываемые десятками. В темноте ночи видны простым глазом звезды „третьей величины“, их — сотни и т. д., до пятой величины. Дальше, для чего нужен телескоп, открываются сотни тысяч и миллионы звезд шестой, девятой, десятой величины и более.

Звезды — огненные раскаленные солнца, отстоящие от нас на бесконечно-далекие расстояния. Последние меряются „световым годом“ или годом светопрохождения от звезд до земли (скорость света в секунду — 280.000 верст). Звезды первой величины отстоят в среднем на 55 лет, но есть звезды, отстоящие на 4 года светопрохождения (самые близкие). Звезды десятой величины отстоят на тысячу лет светопрохождения. По цвету звезды бывают: белые (тип Сириуса, Веги). Они наиболее раскалены, с температурой выше 10.000°. Их больше половины. Желтые (тип Солнца, Арктура, Канеллы) — менее раскаленные с температурой от 10.000 до 4.000°, их третья часть, наконец, красные, близкие к потуханию, с температурой ниже 4000° — их очень немного. Звезды обычно мерцают, особенно те, которые ближе к горизонту. Они являются центрами особых миров на подобие нашего солнца с Землей и планетами.

Взаимное расположение звезд не меняется на фоне неба, за что они и названы *неподвижными*. Группы

звезд, выделенные еще древними народами задолго до Р. Хр., названы *созвездиями*, и фантазия древнего человека (грека) в контурах созвездий находило изображения животных, богов, предметов обихода и т. п. Отсюда названия: Большая Медведица, Орион, Малый и Большой Пёс (Сириус), Лев, Сев. Корона. Рыбы, Весы, Рак, Возничий, Чаша, Треугольник и т. д.

Все звезды в течение ночи заметно передвигаются по дугам от востока к западу, как бы кружась около наклонной *оси мира*, проходящей через Полярную звезду нашего северного неба. Созвездия, расположенные по широкому поясу южной половины неба, где совершают свой видимый путь солнце, луна, планеты называются *Зодиакальным поясом* или *Звериным кругом*, их насчитывается 12, по числу месяцев в году. Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак.

Звезды еще бывают *двойные*, т. е. пара звезд вращается около одного центра, а также *переменные* — с темным спутником, который временами закрывает звезду, уменьшая ее блеск различают еще *новые*, вновь возникающие звезды (вспышка — мировая катастрофа при встрече светил). Кроме того встречаются скопления звезд, — звездные кучи: таковы *Пляды*, Млечный путь и, наконец, *туманности*, светящиеся дымки со спиральной или кольцевой структурой, среди которых обычно видны сгустки светящегося вещества или отдельные звезды. В виду колос-

сальной отдаленности от нас звезд картина звездного неба соответствует давно прошедшим временам т.-к. свет доходит от них, как видели, десятки, сотни и тысячи лет.

Картина ночного неба.

Кроме звезд на ночном небе есть еще блуждающие светила, горящие ровным светом (немерцающие) соответствующие звездам II и I величины. Это „планеты“, те блуждающие светила, небесные бродяги. Они движутся по созвездиям Зодиака, где совершают свой путь ежедневно солнце и луна. Они то непрерывно передвигаются месяцами из созвездия в созвездие (с запада на восток так называемое *прямое* движение), то останавливаются и даже движутся „обратно“, делая петли, зигзаги на своем пути. В бинокль и телескоп планеты, в отличие от светящихся точек звезд, имеют форму светлого кружочка. Они не мерцают, не излучают собственного света, а светят отраженным светом солнца.

Планет, еще древним грекам, известно было пять: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, а теперь их знают гораздо больше, о чем речь будет впереди. Они тоже имеют оттенки цветов: Марс — медно-красный, Юпитер и Сатурн — золотисто-желтый, Венера — серебристо-белый. Планеты, понятно, видны не все одновременно, а смотря по тем созвездиям Зодиака, где находятся. Поэтому, одни из них бывают видны ночью в течение нескольких месяцев, то их нет, а через несколько месяцев становятся видны вновь и с ними появляются новые планеты. Еще отметим на небе *косматые звезды* — „кометы“, редко залетающие в наш мир, но закономерно движущиеся около солнца. Они имеют яркую голову и мутно-белый хвост, чаще всего в виде рога. Кометы приводили в свое время панический ужас на людей, но теперь известно, что они — тоже небесные тела, того же вещества, как и прочие светила неба. Голова более плот-

ная, а хвост разреженная, светящаяся материя. „Метеоры“ или *небесные камни* в виде падающих звезд, появляющиеся на нашем небе особенно, осенью, тоже близки к кометам и, вероятно, представляют осколки последних. Они бывают по составу землистые и металлические от величины пыли (пепла) до нескольких пудов. При полете на землю в воздушной оболочке со скоростью десятков верст в секунду, они раскаляются и светятся на подобие звезд. Метеоры далеко не всегда могут долетать до земной поверхности, (когда их собирают для музеев), а чаще распыляются, растрескиваются еще в воздухе и оседают тогда в виде пепла, золы.

Форма и величина земли.

Еще в древности люди знали, что земля выпуклая и представляли ее сначала в виде чаши, лежащей на четырех слонах, а последние, по мнению индусов, стояли на черепахе. Черепаха же на чем стояла — не могли, конечно, сказать или просто запрещено было об этом и спрашивать. Древние мудрецы Греции (IV век до Р. X. Гиппарх, Птоломей,) уже объясняли солнечные и лунные затмения круглой тенью земли, находящей на светлый диск солнца или луны. Им же было известно постепенное выходение из-за горизонта частей приближающегося корабля, начиная с верхушек мачт. Расширение горизонта по мере поднятия, как третье соображение в пользу шарообразности земли — стало известно позже. Наконец, кругосветные путешествия, начиная с Магеллана (1521 г.) и теперь ставшие обычными, дают возможность воочию убедиться в истинной форме земли.

Для нас важнее отметить различное положение над горизонтом Полярной Звезды, которая за выпуклостью земли при передвижении горизонта (с наблюдателем) от северного полюса до экватора будет все более и более заходить. В г. Вологде

угол ее стояния будет 60° , в г. Москве 53° , г. Харькове 56° , в Кзыму 45° и т. д. Аналогия с другими небесными светилами (солнце, луна, планеты) окончательно убеждает нас в шарообразности земли.

Греческий мудрец Эратосфен еще за 2 столетия до Р. X.—начало нашего летосчисления — определил обхват земного шара, его окружность при помощи тени от шеста. У него была сделана чаша с делением на градусы и с вертикальным столбиком в середине, так называемая скафа, от которого 9 июня в городе Александрии (Египет) он получил в 12 часов дня тень на $7\frac{1}{2}^\circ$, а в то же время в городе Сиене, лежащем к югу на 780 верст тени ни в колодцах, ни от шеста не было—солнце стояло в зените. Отсюда — $1^\circ = 104$ вер.; а $360^\circ = 37.000$ верст.

Таков вовсе немудреный расчет Эратосфена.

Р. S. В наше время при 100 верстной скорости курьерского поезда кругом земли можно бы объехать в 2 недели, а на аэроплане можно облететь (300 верст в час) в пять дней.

Вращение земли вокруг оси.

Из курса географии известно, что смена дня и ночи есть следствие вращения земли вокруг ее оси. Что подтверждает это?

1) Кажущееся вращение небосвода с востока на запад. Такой же зрительный обман, как и при езде на пароходе, в вагоне — когда берега, лес идут навстречу — имеет место и тут. Вращение неба, о котором говорили в первой лекции, есть следствие обратного вращения земного шара. Полярная звезда — полюс мира — лежит, как раз на продолжении „земной оси“ и потому кажется неподвижной относительно прочих вращающихся звезд около ее в течении 24 часов. Угол вращения небосвода за час = 15° .

2) Отклонение падающих тел к востоку. Объясняется опять тем, что

на вершине колокольни тело получает большой толчек к востоку, чем если бы оно лежало на земле, у основания башни. Ясно, что оно упадет несколько восточнее основания колокольни.

3) В 1851 г. французский физик — Фуко в большом здании Пантеона (в Париже) сделал свой знаменитый опыт с качанием маятника, при чем плоскость качания его отклонялась в течение часа:—

в Париже	на 11,93	к западу
в Женеве	10,918	„
в Риме	9,990	„
на остр. Цейлоне	1,981	„
в Рио-Дежанейро (юж.-Америка)	5,017	„

На центробежной машине доказывалось сохранение плоскости качания маятника, несмотря на вращение точки привеса.

4) Переходя от полюсов к экватору с чувствительными пружинными весами замечали потерю веса тел на $\frac{1}{200}$ первоначального. Эта потеря объясняется центробежной силой на экваторе большей, чем в средних широтах. Эта сила уменьшает силу притяжения земли (вес).

5) Существование центробежной силы от вращения земли привело в прошлом к тому еще, что огненно-жидкая масса земли сплюснулась, растянулась у экватора (разница экваториального диаметра с полюсным 44 вер.).

6) Пассажи (Сев.-Восточные и Юго-Восточные ветры), и 7) Подмывание правого берега сев. рек — явления чисто географические, так же следствие вращения земли вокруг оси с Запада на Восток.

Скорость вращения точки на экваторе = 26 верст в минуту.

Ось земли не стоит вертикально к орбите, а наклонена на $66\frac{1}{2}^\circ$ и остается под таким уклоном все время в течении года, т. е. полного оборота вокруг солнца. Отсюда день и ночь по 12 часов — бывают лишь весной (18 марта) и осенью (25 сентября) летом день длиннее ночи, а зимой наоборот.

КАРТИНА ЗВЕЗДНОГО НЕБА.

Если-бы ось была вертикальна к орбите земли, то было-бы тогда вечное „равноденствие“, т. е. день — ночи, что мы и увидим у одной из планет нашего солнечного мира — Юпитера.

Вращение земли вокруг солнца.

Смена времен года, что известно вам из географии, есть следствие годового обращения земли вокруг солн-

ца (365 $\frac{1}{4}$ дней). Приведем некоторые наблюдения в пользу этого.

1) Было сказано в первой главе о поясе зодиака, как называется видимый путь солнца, луны и планет. Эти созвездия числом 12 — видны попеременно ночью в течении месяца одно за другим на южной половине неба (в середине месяца в полночь на меридиане), эти же созвездия закрываются солнцем в полдень того месяца, который наступает ровно через полгода.

Вот таблица для лучшего понимания этого явления.

Месяц года.		Солнце закрывает.	Ночью видно.
1. Январь . . .	зима.	Водолей ♒	Лев ♌
2. Февраль . . .	Весна.	Рыбы ♈	Дева ♍
3. Март . . .		Овен ♈	Весы ♎
4. Апрель . . .		Телец ♉	Скорпион ♏
5. Май . . .	Лето.	Близнецы ♊	Стрелец ♐
6) Июнь . . .		Рак ♋	Козерог ♑
7. Июль . . .		Лев ♌	Водолей ♒
8. Август . . .	Осень.	Дева ♍	Рыбы ♈
9. Сентябрь . . .		Весы ♎	Овен ♈
10. Октябрь . . .		Скорпион ♏	Телец ♉
11. Ноябрь . . .	Зима.	Стрелец ♐	Близнецы ♊
12. Декабрь . . .		Козерог ♑	Рак ♋

Такое закономерное перемещение по небосводу водиакальных созвездий, притом так, что ровно через 6 месяцев, когда земля будет по другую сторону от солнца, последнее закрывает наблюдавшееся ранее (6 месяцев тому назад) созвездие легко,

объясняется годовым вращением земли вокруг солнца.

2) Наблюдение в телескоп звезд, дает картину их смещения (кругового) в течение целого года (параллакс), что есть так-же ни что иное, как

проекция на небесной сфере нашего годового движения вокруг солнца.

Расстояние до солнца 140 м. верст. Такое расстояние между крайними положениями земли и сказывается при наблюдении за звездами (особенно теми, которые ближе к зениту).

Простая истина о вращении земли вокруг солнца была установлена в XVI стол. Коперником, — „Богу соперником“ (по выражению Ив. Посошкова—проповедника времени Петра В.). Он доказал математически это положение не только для земли, но и упомянутых выше планет. Раньше люди думали иначе и считали в центре мира не солнце, а землю. Эта не логичная мысль держалась со времени древности, (Птоломей II в. по Р. X.) все средние века и только поляк Коперник репился доказывать противное.

После него Кеплер (XVII в.) и Ньютон (XVIII в.) окончательно обосновали это учение с центром нашего мира — солнцем (гелио-центрическая система), что теперь признается всем образованным миром, как объективная истина, достигнутая разумом человека. Солнце—центр притяжения держит невидимыми цепями—кроме земли еще не мало планет и они все двигаются вокруг его с Запада на Восток (против часовой стрелки) с разной скоростью в зависимости от расстояния их от солнца. Путь их замкнутый, не точно круговой, а несколько растянутый. Законы Кеплера, Ньютона, о которых речь дальше, управляют этим движением. Они имеют приложение не только, как увидим, к земле, но и к остальным светилам небесным без исключения. Эти истины, о вращательном движении земли, луны, звезд, планет— есть основное положение небесной механики.

Солнце и его природа.

Властелин нашего планетного мира—солнце. Оно держит в своем лоне восемь вращающихся вокруг него крупных планет, среди которых и

наша земля. Расстояние до него от земли—140 миллионов верст, которые световой луч пробегает в $8\frac{1}{2}$ с. (со скоростью 300.000 килом.). Курьерский поезд дошел бы до солнца через 170 лет. Поперечник солнца в 110 раз больше земного, а плотность его менее в 4 раза, т. е. близка к плотности воды. Что солнце не твердо, а жидко или скорее киселеобразно—говорит его поясное вращение вокруг оси. При помощи пятен заметных на поверхности солнца можно судить о вращении его вокруг оси с Запада на Восток так, что зона экваториальная делает полный оборот в 23 дня, а приполюсные участки в 27-28 дней в среднем. Значит в среднем скорость вращения солнца вокруг собственной оси—25 дней.

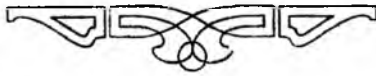
Температура солнца (поверхности) оценивается теперь в 7000°C . Блестящая его поверхность *фотосфера*—зерниста и неспокойна. Спектральный анализ открывает в ней жидкие и раскаленные до бела металлы: натрий, железо, кальций, магний, цинк, и т. д. Вокруг фотосферы, газообразная и парообразная оболочка—*хромосфера*, содержащая главным образом водород и пары кальция, —от нее зависит розоватый оттенок солнечного диска. В ней наблюдаются огненные выступы до 1000 верст высоты, — так называемые *факелы* а также огненные фонтаны в виде снопов или расходящихся облаков, поднимающихся еще выше—*протуберансы*. На поверхности солнца наблюдаются еще—воронкообразные провалы—пятна с относительно темной серединой, окруженной полутенью. Число пятен увеличивается через каждые 11 лет (в средних широтах). Третья оболочка солнца — *солнечная корона*, ясно выступающая в моменты полных солнечных затмений. Она жемчужно-белого цвета и расходится снопами очень далеко от солнца. Вероятно, состоит из космической пыли, мелких телец, заряженных электричеством, которые долетают и до земли. В годы максимума пятен солнечная корона сильно разрастается (в средних широтах) — и тогда, нужно

думать, устанавливается электрическая связь земной планеты с отцем ее солнцем, что сказывается на усилении магнитных бурь и вообще в изменении электрического поля земли. Солнце медленно сжимается под влиянием охлаждения, и сейчас находится в стадии *желтой звезды*. Но ранее, конечно, было раскалено более, как звезда *белая* (картина Сириуса, Веги). Энергия тепловая и световая обуславливает следующие важные явления в жизни нашей планеты: 1) движение воздуха и смену климатических поясов, 2) круговорот воды в природе, 3) усвоение зелеными частями растений углекислого газа из

воздуха (питание углеродом) и, наконец 4) образование древесной массы в настоящем и прошлом земли (каменный уголь — материализованный луч солнца). Неудивительно поэтому, что солнцу — виждителю нашему, источнику жизни, света и тепла, древние народы поклонялись, как богу (Даждь—Бог у славян). Солнце не стоит неподвижно в пространстве, а как показывают наблюдения за расхождением звезд, вместе со всей планетной системой быстро летит (со скоростью 22 вер. в сек.), по направлению к созвездию Лиры (зв. Вега).

(Продолжение следует).

Н. Ильинский.

НЕСКОЛЬКО ЦИФР.

(Окончание).

Как объяснить такую правильную закономерность появления цветов определенной окраски у наших гибридов? Вот, что говорит об этом Корренс*): При оплодотворении, дающем начало новым индивидуумам, соединяются, как известно, всегда две половых клетки: мужская и женская. В частности, при *самооплодотворении*, которое обеспечено у нашего гибрида тем, что на цветущие ветви надеваются мешки из газа, соединиться могут всякий раз только две половые клетки *одного и того же* индивидуума. Но его половые клетки, как мы только что видели, двоякого рода, и какими зачатками обладают соединяющиеся клетки—зависит всякий раз просто от случая. В каждом отдельном случае женская половая клетка имеет столько же шансов обладать зачатком для белого, как и для розового цвета; точно так же и оплодотворяющая мужская клетка.

Четыре случая или комбинации являются следовательно, равно возможными и будут поэтому встречаться одинаково часто: соединиться могут зачатки

- 1) женский белый с мужским белым;
- 2) женский белый с мужским темно-розовым;
- 3) женский темно-розовый с мужским белым;
- 4) женский темно-розовый с мужским зелено-розовым;

В тех случаях, когда соединятся белые мужские и женские зачатки (так же и темно-розовые мужские такими же женскими)—ясно, что ожидать можно—от белых родителей—белых детей, а от темно-розовых—темно-розовых. При соединении же белых с темно-розовыми или, наоборот, темно-розовых с белыми—получатся светло розовые потомки, независимо от того, какая—мужская или женская клетка—содержала в себе темно-розовый зачаток. Светло розовые растения будут содержать зачатки с двоякого рода признаками.

„При образовании половых клеток здесь опять должно будет происходить расщепление.

Здесь просто повторилось скрещивание, с тою лишь разницей, что теперь при *самооплодотворении*, оно произошло само собою, а не от руки экспериментатора, как то было при создании первого поколения гибридов, и еще с той, что теперь двоякого рода половые клетки были образованы не двумя индивидуумами, принадлежащими к разным сортам. *а одним и тем же*“.

Процентное отношение 25: 50: 25 получается потому, что гибрид образует половые клетки с двоякою рода зачатками (белыми и темно-розовыми) *в равном числе*. В этом только случае вероятность образования будет для всех четырех комбинаций одинакова. Первая комбинация дает потом-

*) Изложено по Корренсу, „Новые законы наследственности М. 1913.

ство белое, вторая и третья - розовое, четвертая темно-розовое.

Необходимо еще отметить, что *ясные* числовые отношения в 3 и 4 поколениях обнаруживаются при посевах большого числа семян, дающих большое число потомков:

Здесь, так сказать, явственно обнаруживается „закон достаточно большого числа“, статистический закон.

Теперь, если мы скрестим светло-розовые растения с чисто белыми или с темно-розовыми, то в потомстве получим половину белых или темно-розовых, — смотря что возьмем и половину светло-розовых. В данном случае „одна из трех групп потомков выпадает, а две других группы являются в новом числовом отношении (1:1) обусловленном увеличением доли потомков, представляющих собою возврат к чистой родительской форме, участвовавшей в скрещивании“.

Не всегда можно наблюдать такие ясные числовые отношения признаков у гибридов. Они, по некоторым причинам, часто затушевываются и, в таких случаях, мы видим совсем иную картину, понять которую бывает не всегда легко, и не всегда легко бывает обнаруживать наши „закономерности“:

В некоторых случаях гибриды не являются средними по признакам своим между родителями, а бывают похожи на одного которого *нибудь* из родителей. По их внешности бывает нельзя или почти *нельзя признать* в нем помесь или гибрида.

В таких случаях признаки одного из родителей бывают в потомках — скрытыми, а признаки второго выявляются в потомке все на лицо. В тех случаях, когда признаки родителя затушевывают признаки другого родителя, преобладают над ними, доминируют — такие признаки называют признаками — *доминирующими*, а признаки скрытые, затушеванные — *рецессивными*. Эти термины необходимо запомнить, чтобы в дальнейшем яснее усвоить причины получающихся числовых отношений в примере, который приведем ниже.

Необходимо еще несколько возвратиться назад, к первому нашему примеру с мирабилис, и сказать, что растения, происходящие от слияния *одинаковых* по признакам половых клеток, называют *гомозиготными*, а происходящие от слияния *неодинаковых* по признакам половых клеток — называют *гетерозиготными*. Эти термины необходимо так же запомнить, т. к. в дальнейшем для краткости придется пользоваться ими.

Перейдем теперь к случаю, когда полученные в первом примере числовые отношения не выявляются так отчетливо, когда признак одного из родителей бывает в потомках скрыт, или, как говорят, он бывает *рецессивным*. За примером обратимся вновь к Корренсу. Корренс приводит пример скрещивания двух рас одного вида, растущей в Южной Европе, крапивы. У одной из этих рас листья с сильными, длинными зубцами, у другой — края листьев почти совершенно цельнокрайние. В прочих признаках разницы между двумя этими расами крапивы нет.

Гибрид этих двух форм крапивы так похож на одного из родителей, на крапиву зубчатую, что совершенно *не отличим* от него. Мы опять имеем перед собою *пару признаков* (цельнокрайность и зубчатость листа), при чем присущий зубчатой крапиве признак — „крупно-пильчатый“ край листа... *доминирует* над признаком — „почти гладкий“ край листа, который не проявляется вовсе и по терминологии Менделя называется *рецессивным*; гибрид же обнаруживает только доминирующий признак.

В этом примере второе гибридное поколение крапива будет состоять не из трех родов растений, как было на примере с мирабилис, а всего из двух — зубчатых и цельнокрайних — и кроме того в массе и в среднем здесь будет приходиться на 1 растение с цельнокрайними листьями *три* растения с пильчатыми листьями. Получится, т. обр., отношение 1:3 или $25\% : 75\%$. Но мы знаем, что при образовании половых клеток и здесь все протекает точно таким же образом

как и в первом примере с мирабилис, так и вообще у растений; следовательно, в данном случае в числовом отношении 1:3 скрыто прежнее отношение 1:2:1. Дело в том, что во втором гибридном поколении крапив, мы не можем отличить половину „вновь возникших (50%) гибридов, гетерозигот, от 25% „вновь возникших чистых растений с зубчатыми листьями—гомозигот. точь в точь как если бы в случае с мирабилис нельзя было отличить растения со светло-розовыми цветами от растений с цветами темно-розовыми“. Схематично это выразится так:

ж. пол. кл. \times мужск. п. кл. = гибриды

- 1) цельнокрайний с цельнокр.=цельнокр.
- 2) „ с пильчат=пильчат.
- 3) пильчатый . . . с цельнокр.=пильчат.
- 4) „ с пильчат —пильчат.

Отношение получается благодаря рецессивности признака „цельнокрайность“—1:3.

В третьем поколении мы будем иметь то, что потомки, имеющие листья цельнокрайние, дадут только потомков с цельнокрайними листьями, т. к. родители будут с одинаковыми половыми зачатками—гетерозиготны, растения же с зубчатыми листьями

дадут частью потомство, имеющее отношение 1:3, частью потомство, состоящее только из растений с зубчатыми листьями, смотря по тому каковы были семена—от чистой ли расы, или от гибрида между этими расами.

Если скрестить гибриды с цельнокрайними листьями с чистым растением, имеющим цельнокрайние листья, то он дает 50% гомозиготных и 50% гетеризиготных растений (с зачатками пильчатых р.). Наоборот, если произвести скрещивание гибрида со скрытыми признаками цельнокрайности листьев с чистыми рас. имеющими зубчатость листьев, мы получим по внешнему виду все растения с зубчатыми листьями, но половина из них „будут растения гомозиготные и половина (50%) гетерозиготные; все это потому, что гибрид сам образует половые клетки в одной половине случаев с зачатком цельнокрайности листьев, в другой половине с зачатком зубчатости листьев.

„Обратное скрещивание гибрида зубчатолистного \times с цельнокрайнолистным—с чистой родительской формой цельнокрайнолистной представляет, говорит Корренс, особенный интерес:

Г и б р и д \times Чистое р. = Потомство.

Пильчат \times с цельнокр
имеет.

Цельнок. имеет.

$$\begin{array}{l} \text{Половые} \\ \text{клетки.} \end{array} \left\{ \begin{array}{l} 50\% \text{ зубч.} \\ 50\% \text{ цельн.} \end{array} \right\} \times \left\{ \begin{array}{l} 50\% \text{ цельн.} \\ 50\% \text{ цельн.} \end{array} \right\} = \left\{ \begin{array}{l} 50\% \text{ зубчат.} \\ 50\% \text{ цельн.} \end{array} \right\}$$

По этой схеме происходит наследование большинства аномалий и наследственных болезней из числа исследованных до сих пор у человека“.

У человека, конечно, ни каких опытов ставить не приходится. но опыты над животными дают результаты те же, что и опыты над растениями. У человека приходится обращаться к

изучению родословных его, притом лишь в тех случаях, когда перед нами будут родословные с каким нибудь ясновыраженным признаком и точно зарегистрированным в нескольких поколениях.

Такие родословные имеются и рассмотрение их дает ту же закономерность (числовую) как и в приведен-

ном выше примере с крапивами. Некоторые исследованные душевные болезни передаются по наследству таким же образом.

„Мы знаем пока только немного достоверного о приложении этих новых законов к человеку. Но и не будучи „пророком“, можно утверждать, что для всего большего числа наших свойств будет показано, каким образом они следуют этим законам. Уже теперь, если мы обладаем достаточными сведениями о предках, мы можем иногда в точности сказать, сколько шансов за то, что ребенок унаследует известную аномалию или болезнь. Со временем, когда мы будем так же хорошо осведомлены относительно всех тех свойств, которые делают человека бесполезным, обре-

нительным или вредным для его ближних или, наоборот, полезным,—явится естественное желание вывести следствия из этого знания и применить законы наследственности к ним самим. *Преднамеренное* комбинирование или накопление выгодных зачатков следует заранее признать невозможным, пока мы не пересоздали всей нашей культуры, (говорит Корренс). Остается только возможность воспрепятствовать появлению нежелательного“.

В условиях буржуазной культуры и буржуазного, классового общества сделать это невозможно, скажем мы. Лишь уничтожив классовое общество, мы скорей можем придти к желанным результатам.

Перфильев.

МЫСЛИ В СЛУХ.

(К вопросу о самообразовании).

Задача стоит перед нами вполне ясная: выработать свое мировоззрение, т. е. научиться понимать и объяснить все явления из жизни природы и общества. Для этого нужно, во первых знание основных фактов из прошлого и настоящего природы и общества; во вторых на основании этих фактических материалов сделать обобщающие выводы, т. е. построить свое мировоззрение: в третьих, с помощью своего мировоззрения научиться объяснить текущую жизнь и даже предсказывать ее дальнейшее развитие.

Знать все совершающееся кругом нас во всех областях общественной жизни и жизни природы, задача совершенно невыполнимая при всей ее заманчивости.

Но *покинуть* это многообразие и найти в нем единство жизненного процесса мы можем.

Школы прежнего типа нам этого единого взгляда на развитие общества и природы не дали. Создаваемые нами совпартишколы и рабфаки стремятся к этому, но во первых они не в состоянии впитать всех нуждающихся в образовании, во вторых с каждым днем совершаются изменения и новые явления, ставящие перед нами новые вопросы, которые мы должны объяснить. Остается путь самообразования, при чем для одних нужно начинать с азов, для других важно пополнить и расширить круг своих знаний и не отставать от жизни.

Самообразование проводится путем чтения книг, как в одиночку так и коллективно. Книг напечатано (и ежедневно пополняется) очень много и всех их за свою краткую земную жизнь нам, обычно

занятым определенной работой, не прочитать при всем желании. Поэтому необходимо экономить время, не разбрасываться по пустышкам (всякие „романы“ и т. п.) и ограничиться абсолютно необходимым.

Мы готовимся к сознательной, революционной деятельности в рядах коммунистической партии, поэтому и наши знания должны будут служить задачам настоящей и предстоящей борьбы. Скажут: какая „узость“! „Нельзя заставить сидеть на одном Марксе, заявил один полуграмотный (политически) товарищ, и „расширял“ Маркса изучением Макса Штирнера! Такая „широкая“ натура вряд-ли полезна для нас.

Программа нашего Союза очень популярно написана, но чтобы всерьез понять ее нужно многому научиться.

Тов. Ленин на 3-м Всер. съезде РКСМ сказал, что программа РКП это quint эссенция марксизма, марксизм это наивысшее обобщение всех наук. И в этом убедится каждый который возьмется за книгу в целях марксистского самообразования. Поэтому все лишнее, всякий балласт, из области т. н. „общих знаний“ должен быть нами отброшен.

Во вторых, критика антимарксистских теорий давно проделана осноположниками марксизма и нам, с нашей слабой подготовкой, здесь новых Америк не открывать-стать. Вопрос: нельзя ознакомиться с учениями наших противников (попов всякого рода, меньшевиков всех сортов) из вторых рук, для нас не имеет ровно никакого значения, ибо в коммунисты (а это очень много) изучивши основ научного коммунизма, было-бы глупо изучать его проти

Марксистское учение (диалектический материализм) не потому нами воспринято что мы слепо преклоняемся перед авторитетом его основателей и учеников (ученики то разные были!), а потому что выросши и развиваясь из самой науки, это учение блестяще подтверждается самой жизнью.

Диалектический материализм как мировоззрение покоится на прочном фундаменте естественных и общественных наук. С чего же начинать? снизу, с фундамента, и от частного переходить к общему, или сверху, от общего переходя к объяснению частного. Здесь мы встретимся с печальным фактом, что марксистский метод плодотворно примененный в области общественных наук, до сих пор не имеет своих предшественников в естественных и т. н. „чистых“ науках. Так что изучая те или другие отрасли знания по немарксистским источникам, необходимо будет чрезвычайно осторожно относиться к выводам авторов прочитываемых книг. Правда, мы имеем целый ряд книг, главным образом новых изданий, например К. Тимирязева, популярные статьи которого в сборнике „Насущ. задачи естествознания“ и др., как и сборник статей по физике „Философия науки“ под редакцией А. К. Тимирязева, в которых блестяще подтверждается исследованиями известных ученых, отнюдь не марксистов, положения диалектического материализма. Но такие статьи разбросаны и не обобщены, а потому часто и недоступны рядовому читателю. В основном же мы встречаемся с книгами следующих типов. Одни занимаются простым описанием фактов, в лучшем случае излагая их в порядке их накопления, но совершенно не обобщая сообщаемых фактов.

Таковы большинство старых учебников по всем предметам.

Другие рассматривают те же факты под определенным углом, с материалистической или идеалистической точки зрения, и на основании фактов эти обобщения делают.

Такого типа книги, марксистских авторов, наиболее пригодны были бы для нас, но за исключением русской исто-

рии в работах Покровского, Рожкова и т. д., полит. экономия и еще некоторых областей знания, этих книг нет.

Третьи излагают общее мировоззрение автора и только иллюстрируемого фактами, т. е. от общего находят объяснение частному. Перед нами встает вопрос о том какие книги полезнее в наших целях. Это зависит от подготовки каждого, от его склонностей и способностей.

Общие рассуждения доступны только более подготовленным, уже имеющим известный запас знаний. Изложение конкретного материала доступнее для менее подготовленного человека, весь строй мысли которого вертится вокруг ограниченных конкретных вопросов.

Обычно бывает что сам книжек по их заглавию, не разберешь, здесь и приходят на помощь рекомендательные списки и библиографические издания, помощь компетентного товарища, и очень важную роль играет библиотекарь на подбор и подготовку которых должно быть обращено сугубое внимание.

Часто мы встречаемся с книгами, авторы которых бесспорно стоят на материалистической точке зрения в своих исследованиях, но выводы насквозь идеалистические, примерно, с изумлением останавливаются перед непостижимостью творца, путей providения и т. п. Здесь читателю приходится самому до мыслить. В таких случаях особенно важно наличие общего мировоззрения, которое дает нам верное направление мысли и использует новые факты для своего дальнейшего развития.

Отрасли знания, в настоящее время, чрезвычайно раздроблены, дифференцированы.

С чего же начать? Самое лучшее, по моему, это начинать с наиболее интересующего.

Один мой приятель (рабочий), которого я часто упрекал в лодырничестве и нежелании учиться, показал мне как-то свои чертежи из области механики которыми он с удовольствием занимается. А заставь-ка его подзаяться изучением небесной механики! Стало быть начинать нужно с интересующего, но, и в этом главное, не ограничиваться элементарными понятиями и поверхностным

изучением, а идти дальше, глубже и в конечном счете, с любого конца начиная, каждый придет к единству всех наук. Кроме того часто приходится сталкиваться с разногласиями по разным вопросам между разными исследователями. Напр. последняя книжка т. Бухарина „Исторический материализм“, с которой большинство начинает изучать марксизм, встретила очень живую критику из марксистских же рядов. То же и с книжкой т. Стучки „Революционная роль права и государства“. Poleмика очень интересна, особенно если она избивает разными „полемическими островами“, но на нашего брата производит упылое впечатление. Если старшие еще не разобрались в основных вопросах, то что же нам остается делать. Здесь то и важно изучение каждого вопроса возможно глубже и подходить к первоисточникам. Что касается естественных наук, где решающую роль играет правильно поставленный опыт, то по мере совершенствования инструментов и методов экспериментирования (чему способствует развитие техники) всякие противоречия и разногласия исчезают, уступая место точному знанию. Вот почему очень важно следить за современной наукой и ее новыми достижениями вносящими большую ясность в наше общее миропонимание.

Т. Бухарин, особенно указывает на необходимость технического, прикладного, уклона во всей нашей образовательной работе. И это совершенно правильно, если отдавать себе ясный отчет в состоянии нашего хозяйства и путях к его поднятию.

Но кроме этого „производственного“ характера наших знаний, нужно не забывать что коммунистической партии еще долго придется стоять во главе рабочего государства и руководить им. В условиях НЭП, когда нужно подчинить интересам рабочего государства частную инициативу через капиталистический рынок, от нас требуется еще и умение руководить общественной жизнью и знанием законов товарного обращения.

Что бы заниматься всерьез нужно желание и терпение, два качества которых нам часто недостает. Желания у каж-

дого, из нас искренне и честно стремящихся отдать всего себя на дело рабочего класса, желание преодолеть всякие преграды на пути — есть.

Но полагаться на добрую волю нельзя. Руководящие органы наши должны эту волю, это желание организовать. Изучить интересы каждого товарища и указать ему путь по которому он должен идти. Поощрять. Тот не комсомолец кто за 2 - 3 года пребывания в союзе только протрещался и ничему не научился, и не взялся за дело до сих пор.

Но если желание загорелось, то запастись терпением еще важнее.

Вспомните наших моряков, которые запастись большим терпением на долгие годы отдавшись своему делу. И нам нужна самодисциплина и терпение в достижении малых, сначала, успехов в своей самообразовательной работе. Тот кто в теперешней обстановке не занимается над самим собой вряд ли полезен будет коммунистической партии и рабочему классу.

Как усвоить прочитанное? На свою память полагаться не следует. Нужно конспектировать книжку, делать выписки, остановиться и выяснить каждое непонятное слово. Слишком медленно покажется, но сразу не завоевать, знаний, а надо их брать с бою.

Верхоглядство и книгозлотаие к добру не приведет. Еще прочнее усвоится прочитанное когда своими словами поделишься новыми знаниями с товарищам: на кружке или в простой беседе. Здесь сразу увидишь насколько все это усвоено. Кроме того, проверять знания на самой жизни. Приложить знания для объяснения жизненных явлений, сравнить книжку и жизнь, сходить познакомиться с работой той или иной машины, или целого производства, несомненно углубит наше понимание.

Чтобы приучиться к терпеливой работе необходимо ее систематизировать. Намечать ряд книг подлежащих прочтению, установить регулярное время для занятий, не отвлекаться в сторону и т. д.

Следует ли убивать время на чтение художественных произведений? Художественные произведения обогащают нас

новым и чувствами, новым мыслями, а оставляют нас по новому взглянуть на жизнь и общественные отношения.

Чувство надо организовать. Мало знать прошлое, надо его ненавидеть для того чтобы стремиться к будущему. Но и в этом прошлом мы имеем созвучные своим стремлениям мысли и настроения. Но они редко встречаются в произведениях т. н. классиков литературы.

Что говорит нам, теперешней молодежи, описание дворянской жизни и дворянских забот в романах Тургенева, Гончарова, Толстого и т. д. А. Платон Каратаев, этот излюбленный тип „терпеливого“ и смиренного вегетарианца в которого Толстой превратил русского мужика, внушает нам очень и очень скверные чувства. А сколько разной макулатуры, рухляди от которой дышет мертвечиной, преподносится нам под названием художественной литературы: копанье в душах, угадывание мыслей, богоискательство и порнография. смердяковщина и мерзляковщина, вот те мотивы которыми полным полно эта литература, не говоря уже о „великосветской“ и сыщицкой литературе.

Чувство нужно организовать. Прочтите воспоминания старого революционера—подпольщика, возьмите историю рабочего движения в воспоминаниях ее участников, возьмите такие произведения как „в Огне“—Барбюса, „Джунгли“, 100%, „Джими Хиггинс“ Синклера. „Неделя“ Лебединского, „Бронепоезд“ Ива-

нова и отбросьте прочь всех „лишних людей“ и повествующих о них лишних писателей. Тысячу раз прав был т. Соменовский в своем „слове к порядку“ в котором он выступил против „официальных“ литературных критиков и в защиту пролетарского поэта Демьяна Бедного. Такой подход должен быть и у каждого из нас. Довольно преклоняться перед красотой „вообще“, чистым искусством и тому подобными штуками. Читать только то, что воспитывает нас в духе классовой пролетарской борьбы, что будит в нас ненависть к наслаждавшимся „художествами“ барам мрачного прошлого, поставить на педестал тех писателей, которые близки нам по духу и по чувствам (пусть они и не оттачивают своего стиля на бессмыслицах греческой, египетской мифологии и т. п. тарабарщинах где к каждому слову нужно знание легенд и мифов). Новый читатель требует своей литературы.

Правда, скажут: помилуйте, ведь тысячелетняя культура, вечные ценности и т. д. Чтож. как иллюстрация к истории культуры мы по несколько отрывков и прочитаем, но для организации своих чувств будем брать близкие нам и нашей борьбе произведения. Пусть „вечные“ красоты сияют в вечности и ослепляют балдеющих перед вечностью мечтателей и идиотов, а мы, люди простые, из настоящего будем создавать вечное.

Комсомолец.

ЖИЗНЬ И РАБОТА

МОЛОДЕЖИ.

ВОПРОСЫ СОЮЗНОЙ РАБОТЫ.

Приближается лето. Вместе с ним перед Союзом встает задача строго и точно учесть достижения и ошибки шестимесячной зимней работы, как говорят, „оглянуться назад“, а затем попытаться наметить главные моменты нашей летней работы. Мы здесь не будем останавливаться детально и на всех многочисленных вопросах, которые должны будут занимать внимание организации в наступающий летний период. Конкретно и всесторонне займется этим вопросом губернская конференция секретарей (приурочивается к губпартконференции), и кроме того эти вопросы будут служить предметом широкого обсуждения на VII Губс'езде РКСМ, сорываемом в первых числах мая. Попытаться же нарисовать линию, направление, и, в основном, содержание некоторых отраслей работы — можно и необходимо уже сейчас.

Наши достижения за зиму.

Какие достижения мы имеем в результате зимней работы, ее дефекты и каково, следовательно, состояние нашей организации в настоящее время? В № 1 (3) „Кр. Вех.“ мы уже указывали, имея цифровые данные, на рост Союза и на влияние его на состав организаций. Там же мы намечали ряд мероприя-

тий, с помощью которых возможно придать устойчивость нашей организации, улучшить ее качественный состав. И несмотря на то, что прошло два месяца с того момента— мы уже имеем кое какие результаты. Замечается сильный приток рабочей (в Вологде, Сухоне, Няндоме), и бедняцкой (в остальных уездах, гл. обр. Каргополь) молодежи. В то время как к 1 января рабочих по губернии было 214 чел. или 14¹/₂%, в настоящее время 283 ч. или 19%.

Вот цифры, рисующие социальный состав Вологодской Губернской организации к 15 марта.

1. Рабочих . . .	283 ч.	— 19%
2. Крестьян . . .	845 „	— 56%
3. Служащих . . .	186 „	— 11%
4. Учащихся . . .	216 „	— 14%

Приведенные цифры могут принести успокоение и тем товарищам, которые, протестуя против наших предложений об урегулировании роста Союза, считали, что наши „драконовские меры“ приведут лишь к изоляции Союза от всей молодежи. Как видите, темп роста не уменьшился: и разница, „маленькая разница“ заключается в том, что этот рост не ведет уже организацию к разбуханию, а, наоборот, к увеличению пролетарских элементов.

Особенно ярко и не подлежит никакому сомнению улучшение состава

организации в смысле увеличения количества юношества.

	К 1 ян. 23 г.	К 1 мар. 23 г.
До 17 л. (вкл.)	356 — 520%	446 — 290%
Свыше 17 л.	328 — 480%	1084 — 710%

Совершенно естественно, что это улучшение самой организации отразилось на ее политической активности и стало быть, на влиянии на рабоче-крестьянскую молодежь. Характерный факт, между прочим. Обычно, когда речь заходила о вовлечении рабочей молодежи в союзную работу, мы обращались к нашему излюбленному средству: организации периодических, эпизодических, широких и т. п. конференций беспартийной молодежи. И на поверку, в большинстве случаев, выходило, что если мы и пожинали какие-нибудь „плоды“ то плоды эти оказывались очень незначительными. (Довольно вспомнить хотя бы последнюю конференцию рабочей молодежи г. Вологды, осенью прошлого года). В течение же зимы не было ни одной конференции. И все же авторитет и влияние РКСМ на рабочую молодежь несомненно повысились. Приведу пример. Сухонский район за ноябрь—декабрь 22 г. представлял „остатки“ от „роскоши“ 18—19 гг. в виде группыки в 15—20 чел. не пользующихся ни каким авторитетом в глазах масс рабочей молодежи. Теперь Сухонские ячейки—краса и гордость организации, и одна из них, Свердловская, получившая первую премию губернского конкурса, готовится принять участие во всероссийском конкурсе на лучшую рабочую ячейку.

Вот этим и объясняется рост популярности нашей организации у рабочей молодежи. Именно тем, что организация успела за шесть месяцев провести работу в области охраны труда, создания школ фабрично-заводского ученичества, проведения брони и тарифа. Этот способ, когда мы показывали рабочей молодежи нашу работу, имеет все преимущества перед самой лучшей, самой широкой конференцией рабочей молодежи. Нако-

пец, относительно политической активности Вологодской организации. И улучшение состава и в связи с этим, проделанная работа, безусловно поставили на свое место в общественно-политической жизни губернии.

Кроме того, нельзя не отметить большого значения в этом смысле, компаний чисто-союзного и общественно-политического характера, которые обратили серьезное внимание на союз и партии и друг, общественных и государственных организаций. Активное участие все организации приняли в прошлогодней кампании по переизбранию сельсоветов и волысполкомов и недавно прошедших широких крестьянских конференциях. Наконец, „неделя помощи Красному Флоту“ растянувшаяся у нас на три недели, показала, что комсомол может справиться с широкими задачами государственного значения. В общем и целом, общественное внимание, путем долгой и упорной борьбы, завоевано. Конечно, все эти выводы нуждаются в подкреплении фактами и цифрами, которые, я надеюсь, в свое время будут достоянием широкого обсуждения и здесь приводить их нет ни малейшей возможности. Но выводы все же можно сделать: 1) Вологодская организация РКСМ приобретает устойчивую базу, путем увеличения рабочего и бедняцкого юношества в своем составе. Она сумела использовать рост в своих интересах. 2) Значительно усилилось влияние на рабочую молодежь, что явилось следствием поднятия работоспособности рабочих районов и всей организации в области экономической деятельности. 3) Безусловно возросла политическая активность союза, принимавшего живейшее участие не только в компаниях, но и в повседневной партийной работе и многих отраслях государственного строительства (народное образование, всеобщее, охрана труда подростков и т. д.).

Конечно, мы не из породы самообольщавшихся, которые видят глубокое удовольствие и „смысл“ смотреть на вещи сквозь розовые очки.

Конечно, мы знаем и видим, что на ряду с большими достижениями имеются и большие упущения, недочеты. Конечно, наша организация еще недалеко от названия нормально работающей. В числе многих недочетов, главное из них — это отсутствие надлежащей глубокой, широко поставленной, политико-воспитательной работы.

А отсюда целый ряд недостатков, которые мы ощущаем ежедневно в нашей практике: неудовлетворенность лучшей части организации, не получающей того, что она требует, т. е. работы, знаний, слабая, едва заметная деятельность политико-воспитательного аппарата: политкружки, пропколлективы и т. д. и т. п. Но уже одно то, что в организации на лицо сознание этих недостатков и необходимость их ликвидации — одно это является большой поручкой тому, что организация сумеет и наступающей летний период использовать в целях оживления воспитательной работы, с таким же успехом, с каким она использовала зиму для улучшения своего состава и усиления организационной работы.

Некоторые моменты летней работы.

В первой статье, посвященной року союза, мы указывали, что при условии создания надежной устойчивой базы — организация „будет с уверенностью и без боязни за развал работы смотреть на приближающийся летний период“. Это положение, мне думается, должно служить исходным пунктом и при определении линии и направлении союзной работы и в летний период. Если даже мы сумеем к началу лета осуществить лозунг, выброшенный Губкомом, о доведении количества в трех наших промышленных организациях до 75% — то и тогда, мы не имели бы никакого права менять этот курс. Ставка на рабочего, а в деревне на бедняка-крестьянина — это постоянная и не подлежащая никакому сомнению в правильности, линия нашей

организации. Кроме того, в силу объективных обстоятельств, нам ни в коем случае не придется менять эту линию летом. С началом сельскохозяйственных (полевых) работ, размер союзной работы в деревенских ячейках, очевидно, сузится. Нам нужно предотвратить обычный в жизни Вологодской организации, развал союзной работы летом в деревне, но было бы иллюзией, самообманом, мечтать о расширении нашей работы. Поэтому придется наметить ряд наиболее важных организаций, на которых должно будет сконцентрировано внимание союзных руководящих органов. Такими организациями, должны быть в первую очередь, рабочие районы, (Вологда, Няндомы, Сухона, Харовского и Устьянская) уездные города и несколько сильных волостных ячеек в каждом уезде. Эти организации должны будут представлять остов, скелет союза, который нужно сохранить, и в них развивать и углублять союзную работу. При условии проведения этих организационных мероприятий возможно будет приступить к углубленной воспитательной работе.

Здесь следует остановиться на одном существенном моменте, который должен, в конечном счете, определять и характер, и содержание, и главным образом формы воспитательной работы. Сейчас во всероссийском масштабе, выплывает вопрос об „сработке нового комсомольца“. „Новый Комсомолец“ — это та масса членов и кандидатов РКСМ, которые вступили в наши ряды осенью прошлого, и весной текущего года, т. е. в период роста сока. Эта масса, (а она очень велика) и по развитию и по образу мыслей, и по всему своему складу — глубоко отличается от союзников, имеющих стаж, прошедших „огни и воды“, получивших определенную комсомольскую закалку и усвоивших ее и диологию. Такое положение было и раньше, в организации всегда были с одной стороны „старички“, „стажисты“, с другой — молодяк. Но никогда, эта диффе-

рециация не была так ярка и ясна как теперь. И поэтому, мне кажется, вся система нашей политико-воспитательной работы, в том виде, как она есть сейчас, совершенно не приспособлена к такой „обстановке“. В ней совершенно не предусмотрены различные категории членов союза, требующие, в различных формах, и содержания, и подходов в воспитательной работе. По крайней мере, в практике приходится наблюдать этот недостаток. И если ранее мы не придавали этому вопросу особенно серьезного значения, то теперь положение обязывает приступить к такой системе, которая отвечала бы запросам союзного текущего момента. Мы не имеем еще достаточно опыта в этом вопросе, чтобы *сейчас* конкретно намечать формы воспитательной работы в условиях наличия массы совершенно необработанных членов РКСМ, но мы имеем все же кое-какие попытки непосредственно самими низовыми организациями приступить к „нововведениям“ в работу. *) Необходимо лишь собрать, суммировать этот опыт имеющийся в разбросанном виде, и придать ему характер системы. Первая задача т. е. учет этого опыта должна быть возложена на наши ячейки и укомы. А извлечь из него все ценное и придать этому ценному методический вид—должны, конечно органы, ведущие методический характер всей воспитательной работы и в первую очередь наш т. н. институт коммунистического воспитания молодежи, филиальное губернское отделение которого у нас в Вологде вполне справедливо за бездеятель-

ность названную „институтом приятных воспоминаний“. От него мы должны потребовать методических указаний во что-бы то ни стало. В противном случае, яркий период мы не сумеем использовать для разрешения этой колоссальной по значению и по трудности задачи. -- „обработки нового комсомольца“ и вся наша политико-воспитательная работа, даже при максимальной затрате энергии со стороны всей организации — желательных результатов не даст.

Вторым вопросом, не менее существенным, является вопрос об удвоении т. н. нового курса. Я предвижу сейчас недоумения и как? это после целого года работы, после об'явления этого „нового курса“ работы майской конференцией опять поднимать вопрос о груде исписанной бумаги -- тезисов, планов и т. д.? Да именно так. Так потому, что все же наша Вологодская организация не усвоила вполне этого курса. Именно потому, что мы не сумели (или не успели?) за целый год ввести во всю нашу работу элемента заинтересованности. Мне скажут: „а комсомольское Рождество, прошедшее у нас, можно сказать, блестяще? А конкурс?“ Но все дело в том, что это компании. А в повседневной работе есть у нас эта привлекательная черта? Нет, безусловно. Стоит только восстановить в памяти прошлое (22 г.) лето, чтобы убедиться в этом, поэтому мы и поднимаем этот вопрос опять теперь, чтобы не пропустить и наступающее лето для внесения „живого духа“ в союзную работу“. Здесь нашей организации

Примечание.

*) Так, например, в некоторых ячейках Волог. организации, и Калнин. уезда, при создании политшкол или политкружков все члены разбиваются на „старых“, уже проходивших занятия, и „новых“. Куда относятся все кандидаты и члены с небольшим стажем. При чем вырабатываются особые для каждой категории программы и методы преподавания. В некоторых организациях практикуется способ „обработки“ только кандидатов, которые знакомятся с комсомольскими историей, традицией, этикой, и основными отраслями союзной работы, находясь в качестве практикантов при руководящих органах союза и наиболее старых его работниках. Затем на собраниях ячейки, они знакомят ее с успехами в области ознакомления союзной жизни и основами политграмоты и после заключения их „воспитателя“ или поручается та или иная союзная работа.

Б. П.

придется начать с „азов“. Экскурсии за город, организация клубов садов, спортивные состязания, и целый ряд других моментов. Наша организация еще не искушена в такой работе и поэтому „сдавать в архив“, отмахиваться и считать все это „избитыми истинами“ — рано, да и бесполезно. Ряд конкурсов на ячейку, лучше всего поставившую летнюю работу, на лучший союзный огород, клуб-сад, наконец, состязания спорткружков—все это безусловно волеет живую струю в работу и послужит серьезной гарантией, от обычного, в вологодских условиях, летнего замиранья. (К слову сказать, политпросветом Губкома РКСМ выработаны планы летней работы по всей губернии и примерные планы, применительно к условиям каждой уездной или районной организации. Этот план будет обсужден совещанием секретарей и разослан на места).

Теперь о спорте. Не буду распространяться насчет значения, важности, смысла, и т. п. приведу только два примера. Во многих организациях России спорту же считается основной отраслью союзной работы и ставится наравне, скажем, с политпросвет или эконом-работой. У нас этого еще нет. Но у нас наблюдается небывалая тяга к спорту. Одно уж то, что т. н. С. К. О. Ф. К. (союзные красные организации физкультуры) объединяют по губернии свыше 800 чел., преимущественно молодежи. свидетельствует о ее запросах. И Комсомольские организации несмотря на отсутствие сил, средств, необходимых спорт-принадлежностей — буквально рвутся к спорту. За последние два м-ца создалось такое положение, что если бы не найти выхода из создавшейся путаницы в вопросе о спорте и о взаимоотношениях с С. К. О. Ф. К.—можно будет ожидать, что члены ударятся в кустарщину, в лучшем случае, а в худшем — отдельные члены будут так или иначе стремиться в ту или иную спорт-организацию. Губкомом было принято решение, которое направлено главным образом, к тому, чтобы

найти правильные формы взаимоотношений о спорт-организациями. С этой целью уже дана директива на места о вхождении всех членов РКСМ в КОФК. Таким путем можно рассчитывать на постепенное завоевание руководящих органов этого союза; вплоть до Губ. комитета. Таким образом, облегчается задача постепенного завоевания коммунистического влияния и борьба с наиболее реакционными частями КОФК (напр. „Сокол“). Следует помнить, что этот шаг заставляет организацию и отдельных ее членов быть как-никогда осторожными и сплоченными, ибо им придется работать в одной организации с молодежью до костей зараженной обывательщиной, мещанством. Это мероприятие не случайно приурочено нами к весне. Весной и летом представится широкая возможность развернуть спорт-работу и вовлечь в нее всех членов организации. И эта работа должна также сыграть несомненно крупную роль не только в прямом смысле физического развития, но как часть широкой полигико-культурно-воспитательной работы.

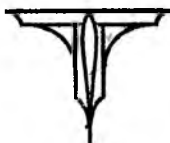
З а к л ю ч е н и е .

Таким образом, суммируя все изложенное выше, можно констатировать: 1) за зиму достигнуты успехи в области организационного оформления, в связи со стихийным ростом организации и улучшении состава ее, 2) Политическая активность—усилилась; 3) На лицо повышение интереса со стороны рабочей молодежи к союзу, что является продуктом нашей эконом-работы; 4) Летний период ни в коем случае не должен служить мотивом изменения общей организационной линии. Ставка на создание и улучшение устойчивой пролетарской базы—должна служить демонстрирующим лозунгом; 5) В целях предотвращения стихийного развала работы в уездах с началом

летних работ—необходимо наметить ряд основных ударных пунктов—рабочих районов и части волячек; 6) Очередная задача—„обработка нового комсомольца“. Политико-воспитательная работа должна быть построена на учете различных категорий членов РКСМ по развитию и по подготовке; 7) Лето должно быть использовано для оживления работы, путем придания ей заинтересованности и „комсомольского веселья“; 8) Особенное внимание следует развивающемуся в Вологодской организацией спорту. Все это не ново, во всем этом ничего нет по-

хожего на какую то силадию. Но все это для Вологодской организации—неизвестные пути. Поэтому мы и считаем нужным останавливаться на всех этих вопросах. Такова линия и направление в основных моментах летней работы в Вологодской организации. Мы полагаем, что и мы достигнем еще больших результатов, чем в зимний период. Тогда можно будет считать организацию нормально-работающей и расширять среду нашего влияния, захватывая все большие и большие массы рабоче-крестьянской молодежи.

Борис Шегула.

ПО ЗАВОДАМ, ГОРОДАМ И СЕЛАМ.

ДНИ И НЕДЕЛИ.

Первый поход на помощь Краснофлотцам.

Компанейская горячка.

Телеграммами, отношениями, планами, циркулярами, заседаниями заполошилось по всей губернской комсомолки, Красному флоту на помощь! Выполним цели ком-разверстку!, разносилось на разные лады, тыкало на страницах „Строителя“ „Сажённый Краснофлотец“, летел во все Укомы Райкомы, ячейки, совался на партийных собраниях, в театрах призывая о помощи. Кампанейская горячка началась.

Ночи и посторонняя помощь.

Шевкомы, планы строчили, ночи звездные в заседаниях проглатывали, на утро в комитетских коридорах секретари члены взад и вперед, шмыг, шмыг, по Парткамам, Хозорганам. только столбы телеграфные, да лавки мелькают.

— Ну, ну! товарищ Недотрогин, чего вам стоит отпустить тысячку другую... — Укрепление флота дело всей республики под конец выйдет вспотевший комитетчик.

Агитационная жара.

Клуб полон, театр трещит, комнаты ячеек ни как не могут освободиться от своих ирищельцев, школьные залы кипят молодежником. И там где молот бубнит по наковальне, где проворно бегает колесо — всюду, грянули наши призывы о помощи флоту.

— История флота не кем не должна быть забыта...

— Враг не дремлет, точит на нас зубы...

— Флот нам нужен, подавай гони помощь...

И шумят они в вечерние сумерки неся неумолчный призыв о помощи морякам.

Деньгами вещами и всем прочим.

Шаркают бумажники выпуская лимоны, хлопают двери лавок, накладывая шевским ребятам махорку, щетку, порошок, иголку и всякую такую штуку.

Кассир на ксяторке щетами — цок-док — миллиард — отчисление, плюнув на палец в сторонку отложил.

Мужик в ларе порылся, совок муки в подставленный мешок засыпает — растет мешок, все полней, да полней, что буржуй брюхатый.

Подмостки, сценок, сцен, театров и всего на них похожего, завывогаривали драмами, комедиями, концертами, декламацией, гармония, танцы, романсы, все в ход пошло, флотский кошелек туже набивая.

Первый удар по шефской линии.

Сегодня, Пломторг, завтра Госторг, потом Пепо, затем Епо еще Коммуноотдел и много еще важных дел. Секретарь насупившись собирал кавну флотскую. — Эта принесла — эта не принесла, развеальная с бумажкой в ячейку ушла? Обязательно завтра

надо покончить а то совсем замедлились.

Кисеты, билеты, бумага, спички, табак, все это за-так. Папиросы мыло, зубной порошок, комсомолец для Красного флота сберег.

Стук у дверей, санми уездных секретарей, сотни, десятки, прочее всего больше тысячи.

Совсем запарившийся секретарь в 12 нсчи кончил подсчет, дело идет, вместо четырех тысяч, двадцать две с лишним, знаками настоящего года.

Цекамолу срочно.

Получайте наши сборы, пусть знают Красные военморы, что не забудем их и вперед, комсомолец уж если взялся, значит не проведет.

Митя Красный.

ОТЗВУКИ НА ПРАЗДНИК.

Вечерний привет.

Конец великого исторического дня 5-й годовщины Красной армии. В комсомольском помещении наблюдается предпраздничный подъем. Разговоры—струйками весенними толкуются о празднике, воспоминаниями героических дней огненной борьбы.

— Пиши товарищ лозунги! Ну-ко подумай, что писать? Пиши!—Звучит неумолчно бойкий голосок секретаря. Мысли пробуждаются. Перо пишет лозунги. Строчит управдел извещения в школы о том, что сегодня торжественное собрание в театре.— Просим пожаловать.— Комсомольцы из школ не много спустя, как по тревоге собрались Теснятся около стола.—Пожалуйте билеты.—Дожидаются, осведомляются о том, о сем. А секретарь—сердце комсомольской жизни надарить не забывает всех своими ободряющими советами, расспрашивает о делах. Надо готовиться к приветствию на собрание, да еще не то, только успевай делать.

Билетами оделили, приготовили лозунги. Подвернется свободная минут-

ка, секретарь газеты в ум ложит, это ведь надо. А потом собравшими приветствие пишет—сказать так что бы помнили все, все. Не подкачать. Думы—мысли жарятся.

Театр полон. Комсомольцев много. Призидиум выражает торжественный вид. Лозунги горят электричеством. Речи зажигают. Внимание!

Вот он комсомольский трибун.

Волнуется, с сильным чувством говорит... Молодое лицо окрашено праздничной краской, сверкают как огни глаза. Комсомольцы довольны и рады выступлению,—не обошлось и без нашего участия.

Праздник плакатами ярко-манящими, песней звонкой жгучей революционной, движением шумны, порывом обцим славу и привет несет. Красной армии ур-ра! ее героям честь и слава! Площадь—весь маленький городок. Все тут. Лица праздник встречают. Толпа комсомолят под флагом,—Р.К.С.М.—Кузнец коммунизма. Партийцы рядом... Солдаты революции выстроились строем.

— Смотрите комсомольцы, как стоят партийцы, смело и стойко, сколько мужества в одном взгляде.—Восторгается комсомолец. Обмениваются впечатлениями. Парад начался. А речи с трибуны, живым языком передают старые товарищи,—выступающие с интересом характеризуют свои переживания, успехи.

На второй день праздника своюзники вечер воспоминаний устроили. Решали все узнать, ознакомиться с борьбой и работой участников гражданской войны. Надо знать уроки—Красной артии.

Собираются медленно. А назначенный час зовет начинать вечер.—Ожидаем, подойдут еще.—Идут!

Картинки из фронтовой и тыловой жизни Красной армии. Впечатление сильное остается у всех тех, кто понял и осознал все пережитое и перенесенное товарищами старшими по борьбе. Будет долго памятен этот вечер.

Грязовчанин.

ДЕНЬ КРАСНОЙ АРМИИ.

(Вологда).

Смотр Молодой Гвардии

Рядом с безмолвными колокольнями монастыря—красное полотнище трепещет в воздухе. Сегодня Чонская квартира полным полно.—Дашь винтовки!—Куда ты молокососина, свалишься с ней то, выпроваживая маленьких железнодорожничков рывает какой то краснок.

Ряды, ряды сомкнутый строй, — на право нестроевые, „комсомольский Женотдел“ и прочие. Аукается команда, закачались штыки, музыка жарит во всю, только ноги в такт,—чвак, чвак, по мерзлой земле — выговаривают.

Вот и плац.—Снегу бедному тошно видно, раскидался во все стороны, сократился под тысячами трамбующих ног.

Трибуна кидает в парад призывные слова — „интернационал“ — немолочно звенит.

По аршүү... свистки, Чон двигается, — ура и марш переливается над запруженным плацом.

На квартирах снова, а комсомольцев две роты ни как не выдержали свою—Дуню по Чонским катакомбам грянули.

— Эй, ей, Дуня, Дуня я — летит из низу вверх.

Юбилейный вечер.

Пардом постоянный вместитель наших торжественных, полон...

Доклады проносят перед нами месяцы, годы горящей гражданской войны, молодые участники ее, выкладывают свои приключения.

„Красный Генерал“ на сцене взглянул, коротко на живо, буря аплодисментов...

В корридорах толкаются вываливаясь на улицу комсомольцы, в ночной покров — неся свою могучую „Молодую Гвардию“ и расходясь по домам до следующей сродки.

Участник.

В ПОИСКАХ ЛУЧШИХ.

(Вологодская губерния).

Будь, что будет.

Да, между прочим сейчас в Комсомольской жизни намечается сдвиг к соревнованию.

— Не попытается ли нам, это на счет того этого. Конкурс бы на лучшую ячейку об'явить?

— Конечно, конкурс вещь хорошая да выйдет ли что, публика то наша сам знаешь.

Нечего, нечего, а вот что, я сейчас в „Строителе“ начну трубить—письмецо составлю по уколам, по ячейкам — думаю что сварганим, так решили на Губкомольском Бюро мечта о конкурсе

Это бы нам.

Бедный „Строитель“ надорвался крича о конкурсе, а все таки выкричал, кое кто зашевелился.

На собрании пункты каждый разбирает в головах скоблят,—что выполнено, что не выполнено,—насчет печати того, пожалуй тяжеловато.

— Ну да будь что будет, а на конкурс выскочим. Выскочим, пиши, первый отчет завтра и поместим.

Э — и хорошо бы наряд это премию-то получить.

Чево там, получим, знай работай, о чем сомневаться.

Насчет конкурса сегодня ни чего нет?

О конкурсе говоришь?

Да!

Из уезда об одной ячейки прислали, да вот городских 4 отчета.

О! да вот и Сухонцы глядику, аршинный отчетище.

Ну и добро значить, завтра на Бюро обсудим, решим, а потом знамя в руки, на собрание да и крикнем.—Беремь премию!

Фу, и упарился же я с этим конкурсом, а всетаки уезды чорт возьми, дурака проваляли — ведь не от одного...

Опять торжественное.

— Ежели лучшей ячейки знамя будут вручать, значит и мы, хоть редко бываем на собраниях, а сегодня сходим — среди неисправных из уст в уста передавалось.

Для того, чтобы знать лучших мы конкурсы объявили — долго пришлось нам с ним повозиться, да все таки кончили. Сегодня мы лучших, нашли, это Свердловцы и Рабфаковцы, остальным надо по ним равняться — перекачивать докладчик Губкома.

НА СМЕНУ СТАРИКАМ.

(Вологда).

Сколько бы это.

— И тебе говорю, что 50 человек в партию, да еще с гаком сумеем передать.

— Ну, а я тебе говорю, что много. Ну и чорт с вами, давайте передадим сколько можем — сейчас я тогда значит отношеюде по Укомам шаркну.

Ну, ну валий, а я уж Горсекретариат подтяну... Трещало в Бюро.

Сказано сделано.

— Какой сегодня доклад — от на собрания?

— Берите это знамя, да усиливайте еще больше работу.

— Рабфаковцы не посрамят себя поддержимся Секретарь, ячейки в ответ сказал.

Браво рабфику бис, бис!

— Чего бис, не правильно знамя вручено, нам бы надо, кто то стула хватил.

Ну, и поперхнулся бурей аплодисментов, кинул в ряды и замоли.

Губернский конкурс двигаем, на всероссийский коли захочем, так и там можно дела поделать.

Вологодский Комсомолец.

М... м... Ну значит о 25 летии РКП а потом, а потом -- да! Комсомольцев в партию принимать будут.

— Ну значит остаться надо...

— Прямо таки раздавили, не возможно, полным полна коробочка, что ни на есть плюнуть некуда, во наперло народу — первое такое собрание.

— Слово Секретарю Губкома о передаче.

Голосит Секретарь и под конец — двадцать пять человек молодежнику в ваппи ряды.

Это наше первое дружное собрание, о смее, время придет, еще в еще отдадим.

Партией

В КУЗНИЦАХ ЗНАНИЯ.

ГОТОВЯТСЯ НОВЫЕ БОРЦЫ.

Так можно сказать познакомившись с Вологодскими совпартишколами I и II ступени, особенно присмотревшись к комсомольцам.

Здесь можно встретить лучших комсомольцев: бывших членов укомов, инструкторов, организаторов ячеек, состоящих теперь в партии (до 15 человек). Ячейка насчитывает 101 ч.

Усердно работают ребята и, не смотря на короткий срок занятий, скорый их характер, благодаря напряжению, общественные науки прорабатываются и усваиваются более инстинктом комсомольцев удовлетворительно и даже хорошо.

(„Легковесный“ элемент был быстро выветрен подчас из школы и из организации).

Так-как на каждую лекцию дается вдвое больше кружковых занятий,

то для комсомольцев полная инициатива говорить, участвовать в прениях развивать ораторское искусство.

Прежние методика учителя заменяются методиками ученика

В каждый день 8 часов официальных занятий, а вечером собрания, репетиции постановок, дискуссии.

Самодеятельность развивается в кружках сверхпрограммных. Организованы кр-ки.

Исторический, углубляющий познания в истории России и Запада, в историческом материализме. Им демонстрировался суд над народниками, проводились дискуссии о роли крестьянства в революции, о роли личности в истории и т. д.

Литературный, разбирающий русскую литературу. Им устраивалась дискуссия о Толстом, вечер Пушкина, доклады о литературе конца XIX и начала XX века. Им выпускается, печатаемый на машинке в нескольких экземплярах журнал „Совпартишколец“ художественно-пропагандистский с целью устройства пропагандистских экскурсий в деревню.

Драматический, занятый постановками пьес, концертами декламации.

Намечено и регулярно проводится празднование 20 важнейших событий постановкой спектаклей, докладов. Ни один праздничный вечер не пропадает. Комсомольцы же почти везде участвуют. По самоуправлению везде на выборных постах стоят в большинстве комсомольцы.

Своя особенная работа заключается:

В постановке на еженедельных собраниях вне программных вопросов по истомолу, о КИМ'е, по текущему моменту о происхождении религии, о Красной армии. Недавно был продемонстрирован суд над деворганизатором и пьяницей.

В живейшем проведении компаний насколько позволяет школьная работа. В помощь флоту дали около 500 рублей.

Неуехавшие на каникулы участвовали в комсомольском рождестве. Недавно провели компанию проверки знаний устава и программы.

В издании стенной газеты „Новая школа“, вышло 4 номера размерами в 10 печатных (на машинке) столбцов. Делается краткий обзор событий общесоюзного, общегосударственного и даже общемирового масштаба. Освещается жизнь школы.

В общем деловой дух. Время не пропадает. Дело кипит. Можно с уверенностью сказать: Готовятся новые борцы на смену уставшему поколению.

А. Валягин.

МЕЩАНСКАЯ СТЕНКА ПРОБИТА.

Ячейка РКСМ при Институте Народного Образования организована осенью 1922 года по инициативе старых студентов комсомольцев, которых к моменту организации в Вуз'е было 3 человека.

Необходимость организации самостоятельно была вызвана: проведением коммунистической работы среди студентов, а так-же большое количество крестьянской и отчасти рабочей молодежи, объединимой данным ВУЗ'ом.

Ячейка РКСМ здесь, была новинкой для большинства студенчества, из которых пролетарская часть постепенно начала поступать в комсомол, а остальные жили не дружелюбно, с надеждой, что нечего хорошего сделано не будет.

Но что же мы видим по прошествии известного времени? Часть комсомольцев вошла в студенческий комитет, принимает активное участие в работе отдельных курсов, напр. большинство старостага, комсомольцы и остальные участвуют активно в проведении всех студенч. компаний и жизни института. Не так давно организованная ячейка развертывает работу, организуется читальня, журнал и пр. потолковать по интересующему вопросу. Ячейкой выпускаются газеты „Красный Север“, „Правда“, журнал „Красные Восток“, всегда имеется „Молодая Гвардия“ и пр. Еженедельно происходят собрания ячейки, на которых заслуши-

наются доклады: текущий момент, проходится курс политграмоты, история юношеского движения. На одном из собраний ячейки вынесено постановление, что каждый комсомолец в течении двух месяцев должен сдать зачеты по политической грамоте и конституции Р.С.Ф.С.Р., что уже многие члены выполнили. Неделя помощи флоту проведена великолепно; собрано изрядное количество вещей, денег.

Вот что мы поделяваем, пробывая все больше мещанскую рутину.

П. Ю.

РАБФАКОВСКИЙ ДЕНЬ.

(г. Вологда).

Светает. 8 часов утра. Рабфаковские общезития оживают. После стойчивого бужения дежурного, поднимаются, продирая глаза, от сладкого сна рабфаковцы.

Завтрак — кипяток да хлеб, иногда для разнообразия „хлеб, да кипяток“. Смотришь уже 9 часов.

Звонок на урок.

С „общими тетрадами“ под мышкой тащатся все и с частных квартир

и из общежитий в аудитории, студенты.

Вперли глаза в преподавателя с полуразинутым ртом ловят каждое слово его молодые умы.

Так каждодневно проходят занятия почти до 3 часов дня.

Там обеды, чай из „кипятку“ и пр., не успеешь оглянуться — смотришь уж пора идти или на „марш“, или на какойнибудь кружок, или на собрание.

Рабфаковцу приходится быть аккуратным, иметь точное расписание, чтобы употребить каждую минуту для учебной и общественной работы.

Итак изо дня в день кипит, хлопочет жизнь студента.

Разнообразие содержания после учебной работы делает студента не односторонним — общественным человеком.

После с'езда рабфаков. новых вопросов в жизни студента и изменения некоторых условий в самой работе, можно надеяться, что работа и жизнь студенчества будет еще лучше и интереснее.

В следующий раз постараемся познакомить с тем, что нами сделано и что предполагается в дальнейшем.

Хм.

У РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ.

(Сухонский район).

Свердловцы дерзают.

Настроение свердловских комсомольцев с получением премии в конкурсе, сразу прыгнуло на большую высоту. Участие во всероссийском конкурсе и доклад о работе на Губс'езде, возбуждая их энергию, толкает на дальнейшее усиление работы.

Первый шаг.

Свердловская ячейка, организовала комсомольскую ячейку в Архангельской волости.

Надеемся на практике осуществить идею о шефстве фабричных ячеек над деревенскими.

Подготавливаемся к лету.

Сухонская организация принимает предупредительные меры против ослабления организации, в связи с наступлением летнего сезона. Организованы кружки: драматические и спортивные, которые уже теперь ведут удовлетворительную практическую работу. В кружки вливаются широкие массы рабочей молодежи.

Эти два вида работы, наиболее близкие к характеру летней обстановки, помогут не только уберечь организацию от ослабления, но еще более усилить ее.

Малютинская ячейка.

Молодая ячейка, живет и ведет по ее возрасту удовлетворительную работу. Изучают вопросы общественной науки, ставят спектакли, литвечера. Занимаются спортом, ведут кое-какую клубную работу. Работа тормовится почти общей безработицей (завод стоит). Секретарь ячейки — оплачивается из отчислений штатных комсомольских работников.

Перемена настроения.

Долго учащиеся школы II ст. чуждались комсомола. За последнее вре-

мя наблюдается перемена настроения. На Соколе из первых трех групп в комсомол вступило человек пятнадцать. Учащиеся 4 группы от поступления в организацию воздерживаются.

Будем надеяться, что эти первые пионеры — комсомольцы в школе II ступени будут предвестниками грядущего поднятия общественной цели школы.

В области эконо. работы.

Комсомол 30—марта при участии фабкомов сделал массовые обследования подростков по производством выяснения условия труда подростков, продолжительность брони и т. д. Встречающиеся ненормальности устраняются через профорганы.

Эл—н.

СРЕДИ ИСПРАВНЫХ КОМСОМОЛЬЦЕВ.

И кийгой и рубанком.

Волость Семенцевская в Грязовецком уезде известна и отличается многим: народ культурнее, стремится к просвещению, к образованию жизни.

Библиотека центральная при Исполкоме книгами полна и читателей порядочно, не одна сотенка в бытность свою была. Лохматые с бородами мужики с землей сдруженные от неоприходят, от полей и хат в храм науки.

А кто заведует библиотекой? Кто ею руководит? Кому как не Комсомольцу. Вершины знания деревни в их руках. Комсомольцы сами первые читатели. Ума набирают. Ладно!

Соседние деревни — беллицые домшники. А их жители ваятые умелые кустари. Делают бочки, кадки и т. д. Ах, изделия прочны! В прошлом году мастерские открылись. Комсомольцы тут как тут. Руки хотят работы. И давай, Да как еще! Комсомольцы на экзаменах стречек дру-

гим дали. Выдержали. Умеют делать. Шататься не дают себе, знают дело. А теперь новую затею задумали и в жизнь провели.—Нам-бы организовать столярную мастерскую, не худое дело.

— Инструментики достать, мастера подговорить, помещение достать, ну все прочее. — Толковали сговаривались. — Не мешает правда.—Постараемся, куда и куда сбегает, наладим. Начали хлопотать. Счастье улыбнулось мастер нашелся, согласился, под помещение удалось занять—избу одной старушки, инструментов достали. Радехоньки комсомольцы. Тенши! Стругай! Сколачивай, Бегай пила. Стучи молоток. Стружками рубанок осыпайся. Работа затреввоилась.

Культпросвет и райсовет — комсомол держит.

Сосед Культпросвет в прошлом году соперничая с комсомольцами шишки и гвоздики ставил, если слу-

чай подходящий подвернется. Комсомольцы к ним.— Дайте пожалуйста гриму, спектакль у нас. Помогите нам. У вас есть, уступите и костюмы-просят, не отступаются.

— Заняты костюмы, да и дать вам отчасти опасно, изорвете чего дорого. Не люблю такие словечки комсомольцам слушать.

Ребята спор готовы затянуть, так и здесь не уступают. Добились своего. А потом подумали, помыслили, к тому времени письмо из Укома пришло, о том какое отношение к культуре занять, стали верховодить в Культпросвете. Своего парня в Пранление пихнули. Без комсомола нет ни чего. Хозяева во всем стали комсомольцы. А Культпросветчики ярые-то зарывные на „любви“ повывкачались, одни хорошие ребята остались. Отчего не работать. С комсомольцами еще лучше. Чем дальше тем больше, что-бы не делалось, а все комсомольское. Спектакли теперича не в карман „актеров“ в помощь недели или компании, зарабатывали зимой и на керосин. Укомцы то нас утерли! Не посылали ребятам ничего, а вон посмотри до чего достукались.

Коль пришлют из городу газетки и што в этом роде, мужики сразу проведуют. Комсомольцев о декретах и властях спрашивают.

Клевали носом „Известия“. Заявление и письма покорнейше пиши, комсомолец. Сходка деревенская сходится. Мужики и бабы, чай тоже и ребятки сыплют.

Бегают, оповещают.— Слышь-ли в комсомоле сходка? Шори. Ждут тебя.— Идет. Словечко вставит, мужики рот развели.— Вот он, не то што мы.— Рассудит выяснит парень то, что мужикам загвоздка с киселем.— Ну коли так и быть тебе правителем Райсовета.— Ивана! Его, парень расторопный, знающий.— Кричат.— Иван! Кого-же. Алы што Микита смырляет по эфтим делам. Суды и пересуды не долги. Комсомол новое завоевал. Почтением мужиковским знать пользуется. Да отчего и не пользоваться?

Ваня ходит по деревням, постукивает палкой под окошком.— Эй што там залежался? Продналог вези!— Свезу, коли велишь. Кумоха, только дерет эти дни на пече.— Везешь? Записывай, сколько. Поддернет, ободрит, дальше зашагал...

Мужики навстречу катят, кланяются, словечками обмолвятся—спросят. Куда? Зачем? У нас повезли, доброго здоровья!

В К Л У Б Е

Клуб с трудом отвоевали. Учительницы ерепенились спервоначалу, в их помещении занимались. Митинги и прочее садили. Теперь постоянное и лучше, среда или вторник, заматает огонек, так все валом, — литературой ваялись.— Посмотрим, как жизнь-то нашу описывают.

Не врут-ли? Может не правду говорят сомневается один. Ему возражают, глазами устремились в книжку. Навостряли уши. Слушай! Евгений Чириков рассказывает ребятам, как крестьяне жгли имения помещицы,— занятно. Изучают вопрос. Критикуют. А вот на другом вечере читаем С. Семенова—известного народного писателя. „Почему Параша грамоте не выучилась“. Это еще увлекает. Недовольные протест, против правительства царя, гневно и смело кидают. — Они ведь, окаянные. Парашку грамоте не обучили.— Теперь не то. Учим мы наших Парашек в союзе.

Театром, да разными представлениями ребятунки интересуются, к их помощи драм кружок. Вот на днях в „Юном Коммунаре“ (это страничка Грязовецкая) пробивали за то что дрянные вещи ставят, путь давали, ближе к новому, к жизни.

Правильно! Довольно этих самых, любимых людишек побокого мещанского мира. Подороже надо. А в прочем бывали у комсомольцев и здоровые революционные вещи. Например: „Странник“ пьеса к 1-му мая. И еще другие, сейчас, верим, подкачают. Верней и крепче курс на новую работу.

Благое дело Исполком, за всю работу сделал, дал 25 пуд. хлеба комсомольцам.— Воспитывайтесь, учитесь ребята! — Закупите все что надо.

Исполкомед-глава Смирнов, молодой почтенный работник, постарался для них, партийцы первые помощники во всем.

Собрания оживлены. Спорят. Поближе друг с другом стоят. Выписывают, читают „Красные выходы“, суботничают в школе.

Дрова рубим, пилим, колем. Красным морякам деньги загнали. В двое больше дали. В срок! Раньше даже!

Живет с нами вместе с молодыми, старичек лет 50 добрый и такой умный. Сельское хозяйство ведет исправно, знает как его улучшить. Практик — сельский хозяин. Книжек полезных, разумных советов много есть. К кому руки приложить, как не к молодым. Знает старый молодеж лучше повмет и сделает все новое. И он то с ними новый улыбается. Приветлив. Вид ясный. Ведет вечером после трудов беседу. Фактами да практикой все подсказывает. Больно уж хорошо-отзываются. Этого старика все будут помнить.

А. Шинин.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ.

Среди распеваемых частушек в деревне можно услышать такие, в которых отражаются те или иные исторические события: война, революция и т. д. В частности, масса частушек посвящена Октябрьской революции. Прислушиваясь к современной частушке чувствуешь, расслоение деревенской массы на кулацкий элемент и бедноту. Кулачество в своих частушках громит Советскую власть, к „черту“ посылает советы, сыплет целый рой обвинений, нападок, а иногда даже просто злых насмешек на вождей рабочего класса Ленина и Троцкого. Деревенские кулаки покровительствуют дезертирству и вспоминают о „добром.. царском времени.

Сидит Ленин на березе,
Троцкий выше на сли.
Для чего же вы, товарищи,
Коммуну завели.

Мы советскую республику
Не ставем защищать,
Все советы, коммунистов
Будем к черту посылать.

При царе, при Николае,
В лакированных ходил,
А теперь хожу в опорках
Мне их Ленин подарил.

При царе, при Николашке,
Ели белые алашки,
А в теперешний совет
Аржаново хлеба нет.

Сидит Ленин на березе
Лапти новые плетет,
Всех обует и оденет —
На позицию пошлет.

Сидит Ленин на березе,
И глаза на искосок,
До того довоевали —
Негу соли на кусок.

Сидит Ленин на печи
В лапти обувается,
Все портянки изорвал — —
Сидит, да матюгается.

На Карпатских, на горах,
Ленин отелился
Меня звали на крестины
Я не посулился.

Сидит Ленин под березой
Ничего не говорит
С теленка шкуру сдирает
Голифе себе кроит.

Троцкий Ленину сказал
Пойдем, Ленин, на базар
Купим лошадь карюю
Накормим пролетарию.

Сидит Ленин на березе
Топорище делает,
А жена его Елена
За солдатом бегаёт.

Эх, братва гуляй
Все равно позиция
Во солдаты не пойдём
Пускай ведёт милиция.

Ленину веревка,
А Троцкому аркан
Вы гуляйте дезертиры
Ничего не будет вам.

На осине на вершине
Коммунист качается
Дезертиры богу молятся
Война кончается.

Советская власть
Заморила с голоду.
Я наелся колобу
И повесил голову.

Коммунисты обеднели.
По миру поехали.
За последней рукавицей
К мужику приехали.

Коммунисты очесались
Стали веников просить,
На крестьянина наложили
По двадцать пар носить.

Деревенская беднота горит желанием помочь Советской Республике и всегда готова встать на защиту ее. Она радуется, что сейчас нет буржуев и „записывается в коммунисты“.

Мы ребята, коммунисты,
Партия большевиков,
На позицию поедём
Перебьём меньшевиков.

Эх, бедный комитет.
Эх, бедный комитет,
Слава Богу комитет
И буржуев теперь нет.

Будет будет послужили
Николашке вшивому.
А теперь будем служить
Ленину плешивому.

Скоро ягоды поспею
Черная смородина,
Записался в коммунисты,
Досвидания родина.

В организацию РКП
Собиралися попы,
Они сидели спорили,
Свои церквы бросили.

Поп залез под подворотню,
А кулак повесил нос
Это значит на субботник
Коммунистов черт понес.

Дезертиры, дезертиры.
Дезертирам горюшко,
Красна армия в деревню
Дезертиры в полюшко.

Ох, ты парень дезертир,
Опозорил свой мундир,
Не на то даны погоны
Чтобы с фронта гнать вагоны.

Приводимые здесь частушки собраны в Богдановской волости, Вологодского уезда и Заборской волости, Тотемского уезда Вологодской губернии. В сборе принимали участие: Демин, Колосов, Пармичев и Смирнов.

А. Тесной.

НАШИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

Лестница.

(Наброски о нашей жизни).

Один, два... да и обчелся

Когда приехали из города, да к ребятам со словами о союзе, гостями не прошенными полезли то—обреза-ли:

— Слышали. Допреж вас здесь инструктор был, об эвтом с нами гуторил, отказываемся.

— А почему?

— Да потому самому, не сподручно нам, не зачем.

— Как не зачем? Учиться как жить надо лучше — не хочешь, чтоли.

— И без эвтого союза самого жили, не хуже, вас, учителя тоже. Такой прием со стороны ребят родных, язычки нам попржал глотки заткнул. Слова беречь, стал и не всякому ковром подноги бросать.

— Зря затопчут, а пользы мало, с другой стороны под'ехать попробуем.

Говорили редко, но на всякий случай слова тут, за языком близко держали в случае потребуются — живехонько выплюнем.

Огонек, да книжка, приманка.

Вечерами в избушках от лучины копать, а керосину достать негде спать потому сельчане ложатся ранехонько, молодежь до сна не охоча послонятся бы где?

А у нас мамочка, пятилинейка, свитильном пьяницею керосин пьет, из городу полпуда целых приволокли, хватит.

От окна на дорогу свет тропкой узенькой, приманчивой лег.

Сидим у огня и книги читаем, благо ворох целый.

Ребята по одному на огонек ползут, отнеча делать книжки в руки и губами шепотят.

Целую зиму тропка к домику топчется. снегом не засыпается.

В час да впору.

Однажды вечером робят человек двенадцать набралось, потолковать мы решились.

Начали!

— Ребята, частенько вы сюда ходите, книжку читаете, а что вычитали в их не расскажите, хороши или нет, они не скажите, где взяли мы их не спросите. Иль не по нраву они пришлись.

— Как не по нраву, хорошие книги, не все понятно в них, только.

— А что не понятно Вы спрашивайте, а чтобы спрашивать лучше, да не кричать много, давайте собраньица такие устраивать сообща, толковать а что-бы порядок был, председателя выберем, все как 'следует.

Согласились. Тут и пошло, видим дело наше на лад двигается.

Осмелели, прямо уж о союзе гуторили, а парни не те что с первоначалу были, не стена каменная, с нами соглашаются.

Свое гнездышко.

Прокопченные стены, в рубаху красную вырядились, лозунгами раскричались, десятком пар'глаз умных на нас поглядывают тут и Ленин посматривает и Троцкий из за очков щурится и дедушко Маркс и еще много.

А мы это гостей в свои хоромы принимаем, спектаклями угощаем, одно горе, помещенье мало и как на зло напротив церковь — покойник в саване, молчунья давно притворами ужалася, святостью торговлю прекратила.

— Эх нам бы ее голубушку, отдадали-бы?

— Как бы еще отделали, богов стариков с насиженных мест метлою.

Лучше подарка не ждали.

Однажды собрание на деревне, и Евгений Питерянкин к крестьянам с предложением:

Церковь то братцы у нас пустует, ребятам бы ее, союзникам, под театр, просторней бы было нам.

Заартачились старики да старухи:

— Как это так?

— Слыхано-ли это?

— Богот батюшко накажет ужо.

А мужики помоложе зубы скалят. Верно Евгений, ребят побаловать надо. отдадим церковь.

Высока наша.

— Петька на колокольню флаг! Пусть трепыхается, бабам языки мозолит, знамя антихристово.

— Замазывай богам рожи, малюй, малюй, разрисовывай!

— Погуше, погуше чертяни, что-б крестов то не заметно было.

— Над входом серп и молот красные.

— Вот так, вот дельно.

— Высока наша!...

Пасмурный.

У старых людей в переплете.

Вечер темной фатой сгорбившуюся старушку — деревеньку окутал — белым горошком обновляя фату. Мигнул на краю деревушки огоньком залившимся мерцающим, покосившийся двухглазый на деревенскую тихую улицу топщий домишко, где „оратель“ Степка ребят сзывал. — Лучом отразился огонек сверкнувший в тьме и издали светящийся в душе Васьки лохматого, робкого, краснощекого парня. Он только что сейчас прибрался со скотиной и несколько минут стоял, думая о сегодняшнем собрании. Мать — старуха, дряхлая, старая, по летам на шестой десяток перевалило. глазами слезоватыми на огонек взглянула, зловеще заерзала, скривила губы, ртом о чем то прошептала, языком комуху позвала и сердито пробуркнула, кидая взор немилостивый на Ваську. — Комуна дьявольская!

Опять понесет дурака шального к Степке, озорнику. антихристу.

Помолчала старая немного, презрительно еще оглазила избушку и намотала на ус дребедень. Комухой парня зачестила, руганью разразилась на чем свет стоит. — Пес ты, Васька, али не крещеный на свет божий выродился? Прогневали оспода погоди. дожدهшься окаянная сила. Осподь гневом всю семью наградит, — паутинит словами, обзывает всем чем попало, страшает парня гневом оспода и побоями отца, думает парень — страшится. — Безбожник, дохлый еретик, натко што выдумали, против праздника божьего воскресения плести речи nonешние... Фу... Тыфу! Прости меня Господи. Ириоды, Иуды проклятые, хулиганы, ничего не страшатся.

Ворчунья брюзжала. неистово кричала. Васька хорошо знает свое поведение, нечего мол, со старой каргой, коли так говорить. Ум-от у него молодецкий не прошибешь проповедью старухи. Знай парень шевелит мыслями, а они переговариваются с ним о новом, о том. как и что сегодня сказать ребятам. Васька Степке по слову не уступает. Коль вырвет из головы обдуманное слово — ребята в рот кладут. Рожи от удовольствия сияют улыбкою особенной. ему скажут „боек ты, Васька, жарни ну ка“!

А старая все бурчит... Обдумает Васька дома все, а потом обернется разом за кацевейкой и шапкой. в дверь незаметно для старой — и был на улице. Бегом скорей, дороге кажет пятки.

Старуха сегодня вот как осерчала на „шатуна“ не стерпела горячими слезами омылась. Сердечушко старой в пятку ушло, ноет, щемит... Руки трясутся, парня колотит не в силах осерчала больно, затосковала старая... Обещание дала попу обо всем в аду кромешном сказать, душу исповедати, парня пристягнуть, отцу с жалобой лезти. Дурь-то отец выбьет, добьется лешой... — Выругалась старая.

С и н о в.

ДЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Юные пионеры — это дети рабочих, вступившие в отряд „юных пионеров“ и исполняющие их законы и обычаи.

Отряды „юных пионеров“ — передовые отряды всех пролетарских детей!

Цель организации „юных пионеров“.

Цель этой детской чисто-пролетарской организации такова: „Путем организации масс детей рабочих, используя для этого различные игры и окружающую обстановку, уберечь их от разлагающего влияния улицы, воспитать в них общественные наклонности, пробудить интерес к знанию и труду. Развив всесторонне их натуру воспитать в них дух классового самосознания и таким образом подготовить их к будущей общественно-трудовой жизни и борьбе за интересы пролетариата.“

Формы организации. З В Е Н О.

Каждая организация выливается в ту или иную форму. А раз отряды „юных пионеров“ есть организация, то она тоже должна иметь свою форму. Так в отряде „юных пионеров“ форма организации такая: Первичной ячейкой является звено, объединяющее в себе от 8—10 детей. Работой такого звена руководит нажатый (патрульный). Патрульный избирается звеном из среды и после этого уже проходит под наблюдением начальника отряда определенный курс пионерских знаний, для того что-бы иметь возможность самому после самостоятельно заниматься с патрулем. Патрульный уже сам избирает помещение которого периодически сменяет.

О Т Р Я Д.

2—4 и более звена. объединяются в отряд. работой которого руководит начальник отряда и его помощник, выдвигаемые местным комитетом Р.К.С.М. и утверждаемые губ. бюро детских групп.

Для разбора всяких жалоб в отряде и других вопросов, связанных с воспитательным воздействием, для установления побед в состязаниях и испытаниях из рядовых „юных пионеров“, избирается товарищеский суд отряда в количестве одного представителя от каждого патруля (звена) с неизменным участием начальника отряда, или его помощника.

Для разбора же вопросов чисто программного характера, как-то установление программ работы на лето, на зиму, обсуждение программ состязаний в отряде, прогулок, походов и проч., создается штаб отряда. В

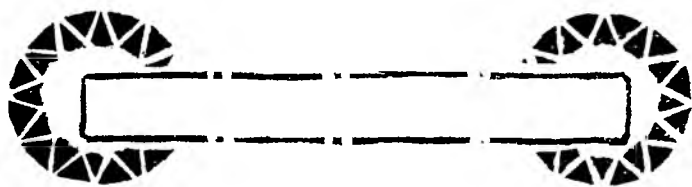
штаб отряда входят все патрульные, их помощники, начальник отряда и его помощник.

Д Р У Ж И Н А.

Несколько отрядов в одном городе составляют дружину. Дружиной руководит начальник дружины и его два помощника. Работа между помощниками распределяется так: один из них берет на себя всю административную и хозяйственную часть отряда, а другой учебную. Начальник дружины, как и его помощники также выдвигаются комитетами Р.К.С.М. и утверждаются губ. бюро детских групп.

Начальник дружины по мере надобности созывает совещание из начальников, отрядов с их помощниками.

В уездах отряды работают под непосредственным руководством комитетов Р.К.С.М.

ВНЕШНИЙ ВИД ОТРЯДОВ.

Правила приема в отряд.

В отряд принимаются дети рабочих и крестьян, как девочки, так и мальчики в возрасте от 10—15 лет.

Возраст, установленный для поступления в отряд, в иных случаях может быть понижен с разрешения начальника отряда.

Название отряда.

Все отряды на территории Вологодской губ. носят название: отрядов „юных пионеров“ имени Спартака.

Знамя отряда.

Каждый отряд имеет свое знамя красного цвета, на одной стороне

которого обозначается № отряда, название и при какой организации отряд находится, на другой стороне рисуется посредине значек, девиз и лозунг.

Кроме знамени каждый отряд имеет еще флаг для игры красного цвета с значком и № отряда.

З Н А Ч Е К.

Значек „юных пионеров“ состоит из красного знамени, как символ борьбы за победу пролетариата, перекрещенных серпа и молота — символа объединения трудящихся и костра. Этот костер напоминает пионерам то, что каждый из них должен стремиться к свету знаний, кроме того костер является символом объединения и стремления к свету и товариществу.

Все символы располагаются на значке так: сначала знамя, потом сверху перекрещенные серп и молот, обращенные рукоятками к древку знамени. и в полукруге серпа костер с исходящим от него пламенем. Выше костра на серпе полукругом девиз. Такой значек носят пионеры, давшими торжественное обещание. На левом рукаве, выше локтя и на шляпе, значек или вышивается разноцветным шелком, или металлический (рисунок значка будет помещен в следующем номере).

Д Е В И З.

Девиз пионеров „Будь готов!“ Два этих коротких слова для пионера являются напоминанием того, что он каждый час, каждую минуту должен быть готовым к исполнению обязанностей, которые возлагаются на него законами „юных пионеров“.

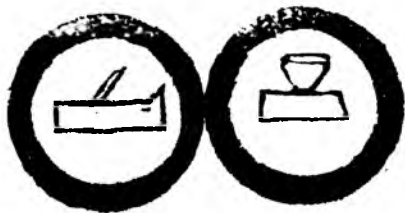
Ответ на девиз тоже два таких слова. „Всегда готов,!“

Т р у д о в ы е з н а ч к и.

Трудовые значки носят также на правом рукаве, только теми пионерами, которые сдали испытания. по особо установленным для этого программам на знание той или иной специальности. Значки размещаются на рукаве кругом „значка пионера“ (Здесь ниже приведены два таких трудзначка и соответствующие к ним программы).

С Т О Л Я Р.

Хорошо выстругать брусок дерева, уметь добить и пристрагивать доски. Сделать какую либо мелкую вещь (например скамейку, полочку или ящик).

П Р А Ч К А.

Уметь стирать, сушить и гладить белье, а также уметь выводить пятна.

П а т р у л ь н ы й ф л а ж о к.

Кроме значка пионера и труд-значков каждый патруль (звено) имеет свой общий значек — таким значком является патрульный флажок.

Флажок этот желтого цвета (немнее 16 дюйм. длины и 10 дм. ширины с изображенным на нем, черным силуэтом патрульного зверя (тотэма). Силуэт должен быть вырезан из черной материи и нашит на обе стороны, или же нарисован, так же на обеих сторонах черной краской.

Такой флажок во время походов, сборов демонстраций привязывается, к своему посоху патрульным. Каждый пионер должен знать жизнь своего зверя и уметь подражать его крику.

Напр. патруль волков имеет такой флажок.

С А Л Ю Т.

Салют это приветствие, делаемое правой рукой при встрече пионеров друг с другом. Делается он так: три пальца (указательный, средний и безымянный) вытягиваются, а два

остальные прижимаются к ладони. При приветствии рука с салютом поднимается к полям шляпы. Три вытянутых пальца салюта напоминают пионеру о трех обещаниях два других — о помощи более слабым товарищам.

ОБЕЩАНИЕ.

Каждый пионер, когда он сдает испытание на звание пионера 3-го разряда т. е. будет понимать и исполнять законы „юных пионеров“, а так же знать цель своей организации, то для того что-бы стать настоящим пионером, должен дать торжественное обещание. Слова его таковы:

Даю торжественное обещание и скрепляю его своим словом, что

- 1) Буду верен рабочему классу.
- 2) Буду помогать своим товарищам.
- 3) Знаю законы пионеров и обязуюсь им повиноваться.

Законы и обычаи „юных пионеров“.

Каждая организация имеет свой устав, свою программу и цель, к которой она стремится. Для „юных пионеров“ целью является воспитание и подготовка себя к будущей трудовой жизни и борьбе за победу рабочего класса. Уставом же „юных пионеров“ служат их законы и обычаи, которые каждый пионер обязуется исполнять. Вот они:

ЗАКОНЫ.

1. Пионер верен рабочему классу к коммунизму.
2. Пионер брат и друг всякому другому пионеру и комсомольцу.
3. Пионер честен, правдив и его слово, как гранит.
4. Пионер дисциплинирован.
5. Пионер ежедневно помогает трудовым собратьям в строительстве коммунистического общества.
6. Пионер трудолюбив и уважает чужой полезный труд.
7. Пионер чист в мыслях, словах и на деле.

ОБЫЧАИ.

1. Пионер, не вальяется угром в постели, а встает сразу.
2. Пионер, стелет постель сам.
3. Пионер моет ся, тщательно, не забывая шею и уши; чистит зубы, помня, что зубы друзья желудка.
4. Пионер точен и аккуратен.
5. Пионер стоит, сидит и ходит прямо, а не горбась.
6. Пионер не боится предлагать свои услуги рабочим.
7. Пионер не курит: курящий пионер уже не пионер.
8. Пионер не держит руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах, не всегда готов.
9. Пионер охраняет полезных животных.
10. Помнит всегда свои законы и обычаи.

ОДЕЖДА.

Форма для пионеров устанавливается, как наиболее гигиеничная следующая:

Гимнастерка, с отложным воротником и боковыми карманами на груди, защитно-зеленого цвета; трусики или юбка того-же или черного цвета, и косынка-галстук красного цвета.

В форменной одежде (у кого таковая имеется) пионеры ходят на собрания, походы и проч., а в остальное время ношение формы не обязательно.

ПРАЗДНИКИ.

Пионеры также имеют свои праздники; у них таких праздников два:

1. Начало апреля — день первого костра. В этот праздник все пионеры выходят за город и зажигают свой первый костер, начиная этим свою летнюю работу.
2. Международная детская неделя с 24—30 июля во время этой недели пионеры демонстрируют свои достижения за лето и этим показывают свою организованность и силу врагам рабочего класса, организуют

детей еще не организованных, создают новые звенья и отряды.

Кроме этих двух праздников пионеры вместе со своими старшими братьями, празднуют так же и следующие революционные праздники.

1. 8 марта — день работницы. У пионеров этот праздник называется днем „Матери работницы“.

В этот день пионер старается доказать, что он будет продолжать так же, как и его мать честно работать, трудиться на пользу и светлое будущее трудового народа и трудовой республики.

2. Первое мая день международной солидарности трудящихся.

3. Первое воскресенье сентября международный юношеский день.

4. 25-е октября (7 ноября) Октябрьская революция.

Все эти праздники имеют большое воспитательное значение не только для детей, которые знакомятся с задачами молодежи, женщин работниц и вообще всего рабочего класса, но и для взрослых, так как дети организованностью и энтузиазмом укрепляют в них веру в светлое будущее коммунизма.

Программы испытаний и ступеньки пионера.

На звание „пионера 3-го разряда“, пионер должен сдать испытание по следующей программе:

1. Помнить и исполнять законы и обычаи „юных пионеров“.

2. Девиз, салют, значек пионера и символ труда (серп и молот).

3. Тайные и дорожные знаки пионеров, внешние их значки.

4. Уметь завязать четыре узла и знать где и для чего они употребляются.

5. Показать адреса товарищей по звену, ближайших врачей, пожарной команды, больницы, совета комитета Р.К.С.М., библиотеку, а также знать где находится ближайший телефон.

6. Сигналы: свистком, посохом и

7. Пришить пуговицу, зашить разорванное и хорошо вымести пол.

8. Ежедневно делать по одному гимнастическому упражнению для каждой части тела.

9. Маршируя спеть одну пионерскую песню и интернационал.

10. Знать жизнь и характерные особенности патрульного звена и подражать его крику.

Рассказать об идейном вожде своего патруля.

Название „пионера второго разряда“.

1. Толково объяснить законы.

2. Рассказать историю старых и новых детских организаций, указать их различия, а также историю своей организации.

3. Первая помощь в несчастных случаях при пожаре, удушении, угаре, ожогах, переломах, вывихах и проч.; кровоостанавливающие мочки на теле при кровотечении, потеря сознания, обмороживание, замерзание.

4. Знакомство с природою: а) растения окружающей местности (приготовить из них коллекцию) б) знать десять преобладающих пород минералов. в) Рассказать по собственным наблюдениям о жизни трех домашних животных и трех птиц. г) Элементы погоды; предсказание погоды по приметам.

5. Лагерные навыки: разбить палатку и устроить шалаш в двух видах, разложить костер, ориентироваться по компасу и приметам; определение времени и места.

6. Развести костер не более как 2-мя спичками и приготовить обед из 3-х блюд.

7. Иметь не менее двух трудовых специальностей.

8. Участвовать не менее как в 3-х прогулках и описать одну из них.

9. Определять расстояние до 1000 шагов и вес до одного пуда с ошибкой не более 25%, определить на глаз количество толпы. Запомнить в игре кима и 24 предметов 16 при наблюдении одну минуту.

10. Играть 10 игр.

11. Петь патрулем две пионерские, две революционные песни и „Молодую гвардию“.

12. Простейшие виды строя.
13. Сигнализация морзе (16 букв в минуту).
14. Вязать пять-узлов.
15. Показать на практике не менее 20-ти применений посоха.
16. 16 точек посоха.
17. Уметь мыть полы, окна и чистить посуду.
18. Уметь держаться на воде.
19. Рассказать о том, кто, такой был Спартак и почему его имя носят „юные пионеры“.

Приготовление к экзаменам на звездочки.

(Критика на старые скаут-обряды).

В небольшой тепло натопленной и „ярко-освещенной“ (электрической лампочкой в 16 свечей) комнате весной 192...года за круглым столом сидела старушка лет под 60 и вязала чулок, но вдруг!... где-то недалеко послышался вой... Было что-то леденящее кровь в этом адском сочетании звуков... Старушка вздрогнула и не успела еще подумать откуда могли произойти эти звуки, как в комнату влетела запыхавшаяся женщина. В несвязном потоке слов, она высказала, что только что она стала одеваться, что-б идти в „Ренессанс“ на „Американский роман“, как вдруг услышала ужасный вой и когда, подбежав к комоду, хотела взять свой зеленый шелковый платок, то платка не оказалось... В это время вновь послышался ужасный вой, от которого вставали дыбом волосы... и по спине забегали мурашки... Обе женщины в ужасе смотрели друг на друга! Дорогой читатель! Воспользуемся этим

моментом и узнаем, что это за женщины и где они находятся. Все действие происходит в г. Во—де, (не подумайте что в Вологде) на одной из главных улиц, в доме бывшего полковника Горькосолоного. В этот вечер сам Горькосолоный и его супруга отправились к своим многочисленным знакомым на именины, а дома остались знакомые нам нянька, и горничная и мальчик Вася, 8 летний сын Горькосолоных, две недели тому назад поступивший в местную стаю волчат. Но возвращаемся к няньке и горничной, которые все еще продолжали стоять, изображая, собою мраморную группу работы Антокольского.

Первой пришла в себя горничная. Она сбежала на кухню за оружием и обе вооруженные ухватом и кочергой отправились в ту комнату откуда слышался странный вой. Тихонько открыли дверь, и.. застыли от изумления..

Индийский танец.

УЛЫБКИ КРУГОМ РАССЫПАЯ.

(Мотив—гусары).

Улыбки кругом рассыпая,
Гремя всею сбруей своей.
По улице стройно шагая
Проходило штук пять патрулей.

Припев: Друзья, скорей! простор полей
Зовет на волю всех нас,
Туда пойдем и проведем
Веселый и счастливый час.

А там меж кустами скрываясь,
Засунувши палец свой в рот
Мальчишка лежал удивляясь,
Глядя на неожиданный приход.

Припев...

Вот лагерь разбит на поляне,
Кипят котелки над костром,
И в синем вечернем тумане
Разносятся песни кругом.

Припев...

А вечером дружно зевая,
Пред ярко горящим костром,

На третий разряд обучая
Патрульный сидел с новичком.

Припев...

Поспешно свой ужин кончая,
Все мы у костра собрались.
И леса покой нарушая,
Звуки песни в простор полились.

Припев...

Вкруг красного знамени сплотимся,
И с гордостью скажем, что мы,
Проложим рабочему люду.
Путь к счастью, из мрака и тьмы.

Припев...

Когда же победу одержим,
И зло сокрушим навсегда.
Высоко взвьется над миром
Знамя правды, любви и труда.

Припев...

В КАПКАНЕ „КРАСНЫХ ВСХОДОВ“.

МУСОР.

(Отрывки из повести).

Т а к ж и л и.

Зимою: город заспиха, мальчишко пай.

Старушки—каланчи послухмянец слушается безпрекословно, языком тоненьким о колокол треснутый она—десять, бай-бай пора.

Перемигнутся тогда домишки промеж себя в последний, и глазки—окошечки темнотою задернут.

Ветру-буяну простор тогда, по улицам пустынным носись не взнузданный, длинными пальцами невидимками на проволоке телеграфной наигрывать, песни скучные голосом унылым подпевай.

Весною: по улицам грязь—ползном калекою ползет, обходи осторожно, галоши в тядушке оставить бойся. В речке Сгибаловке вода—гостья редкая покажется, мостки—грудь чахоточную, гнилую из под снега выставят—солнышку на показ. мостовые камнями оскалится, домишки в траур оденутся—по морозу поминки справляя, черные крыши мутной слезой проплачут, а солнышко красное, из за тучек притворов лавочных расползется в рожу купца Барышкина и за ухмыляется.

Вечером, на мостках, у собора, около образа святителя Николая

парочки зашмыгают, забудят разговорами любовными,

Мосточки старые, ветхие. шаткие:
Ох, ох, ох.

А над мосточками влюбленные парочки:

— Вздох, вздох, вздох...

Весенняя ночь, звездочками подмигивает, навозом дышит к счастью манит...

Парочки мимо Николая-святителя веревкою безконечной, его старика соблазняют, а он клянит:

Пожертвуйте на масло для лампы не угасимой.

Летом: солнышко мухи осенней надоедливей, пристанет—не отрясешь. Пыль тоже докочная в нос без спросу лезет, к платью липнет, волосы сединой седит. Бегут горожане от солнышка и пошли в лесок, да до поздней ноченьки горланят там:

— Выдь на Волгу, чей стон раздается...

Как же? Либеральные у нас горожане, очень либеральные.

Осенью: небо—губка сырая, рукую сильною сжимая и крошится из него дождь, крупный, холодный.

Горожане галошами дырявыми в грязи—хлоп, хлоп, хлоп, а дождик о зонты: тра-та-та, тра-та та.

В'общем! Жили скучно.

Совсем давно было:

Одна церковь,
Сорок кабаков,
Школа, тюрьма.

Недавно:

Одна церковь,
Три пивных,
Три казенки
И тюрьма.

Совсем не давно:

Тоже и клуб
дворянский, гимназии
мужская и женская.

Т р я х н у л и с ь .

Старушки у столба шамкали:

— Тряхнулась я матушка... Дюже спину ломит.

— А ты ее рассольцем огуречным протри.

— И той протереть...

К столбу солдат подходил, в левой руке бумаг полно, в правой ведро с клестером.

Ведро бабам под ноги сунул, кисточкой перед носом махнул и над головам бумажку нацепил.

Старушки в один голос:

— Чтой это родимый за гаданье?

— Война биш с немцами обявлена.

Заморгали глаза, занскали руки: лоб, плечо, живот, зашптали губы:

— Осподи спаси, помилуй...

А на завтра: царя батюшку из думы вытащили и по всем закоулкам таскали, на царство, мол на свое полюбуйся.

А еще через неделю; „Боже царя храни“ кричали, и со слезами мобилизованных на вокзал провозжали.

А тотом снова спокойствие и тишина.

Н е л а д н о е .

Не ладное началось, вот с чего.

Принесла сорока весть на хвосте Гришка Распутин убит, и отец Иван Кронштадтский во все•не святой.

Пошли по городу слухи безпокойные, на ночлег в домики просятся не пускают их, дальше гонят...

Потом еще чище:

Клянчил, клянчил Никола-святой

Пожертвуйте на масло.

И vykлянчил: масла сливочного кусочик, поднос подвесили и бумажку наклеили

прими старче маслом.

А потом, пошло и пошло: дым коромыслом.

Г о с т ь я н е з в а н н а я .

Пришла революция шумиха, таборка модена.

Намахала флагами красными, наблазила ленточками, на шумела песнями, нататорила митингами.

Магазины затворами поужались, купцы по осунулись, отец протоиерей с амвона временные правительство поминать начал, самого царя Николая из думы в корридор темный, как школьника провинившего сунули—стой, не пиши, а то на горох еще коленями...

Потом большаки за большничали.

Над исполкомом вывеска красная с серпом молотом, над военкоматом с красной звездой, везде красное стало.

За союзили союзы разные, все о членах своих безпокоются, с голоду уморить их боятся.

А голодные воснадцатый, девятнадцатый, двадцатый года ползут еле, еле захвосты очередей спотыкаются, через брань обывательскую кувырком валяются.

М о л о к о с о с ы .

И в таку то пору „максим № 22“ из губернии организатора примчал. Взбудоражил он ребят наших, расшевелил, комсомол организовал и снова с № 21 умчался.

Трудненько ребятам было спервоначалу, грызли мобилизации разные—лучших товарищей, жрали белые—тело молодое, но рос комсомол и рос.

Ванечки, Колечки, Манечки. Ню-рочки зубки скалили в сторонке стояли да посмеивались:

- Игра в больших.
 - Скучная и не интересная.
 - Очень опасная.
 - Глупо-рискованная.
- И вдруг новое запели...

Новые песни.

Манечка на машинке с 9 до 3-х:
— Тук, тук, тук.

От безделия кой когда в газету личиком сунется, глазками ползает, читает:

- Сегодня состоится общее собрание Р.К.С.М. к подруге с вопросом: — Софочка, а что они на собраниях делают.
- О политике рассуждают и вообще разговоры серьезные ведут.
- Скучища наверное.
- Конечно.

К Манечке однажды замзав пошел:

— Манечка, вам придется в РКСМ вступить.

Фи, к этим мужланам, к невежам, сохрани Бог.

— Однако придется, сокращение штатов и прочее...

Обидчиво:

Вот как? Не работу, а РКСМ ценят.

Смирненно:

— Спасибо Николай Иванович запишусь.

Вечером в фойе театра встретила подругу.

— Катечка, как дела?

Разцеловались.

Плохо Маня, безработы, а ты?

— Служу и останусь, замзав спас в РКСМ вступить посоветовал. вступай и ты устройшся, ладно?

— И то? обязательно вступлю, только поручителей бы?

— Найдем, не даром глазки у нас жгучие, волосики кудрявые?

Женя и Люба—сельские учительницы получили из отдела просвещения бумажку:

— По сокращению штатов со службы увольняетесь.

Коротко и ясно.

— Люба, как же теперь?

— Не знаю Женя.

— Давай подумаем.

Сморщили лобики, думалй, думали (это брат не таблица умножения) и надумали:

— Эврика! Вступим в РКСМ и едем в совпартшколу, Пронырова устроилась. а мы чем хуже. Получимся, а там и женихи Бог даст с'ишутся, замуж выйдем.

Под игрывая на губах, покружившись в вальсе.

Поповские доходы нонче не ахти какие, а семья у попа сам-восьмой.

— Петь, ты бы учиться в город ехал, устраиваются тамой люди и ты устройшся—говорит поп Алексей старшему сыну.

— В РКСМ ежели надо вступить даю на сию штукенцию тебе благословение, иди что же усомнишася вступай...

И поехал Верзилов в город с мечтою в РКСМ вступить и учиться поступить.

Потихонечку, полегонечку.

12.

Две часовые стрелки — влюбленных пара, друг к дружке прижались близко.

12.

Время собрание бы открывать, а членов половины нет.

Прискакали: Манечка, Колечка. Клавочка, стрекочут и по коридору теплому, светлому шмыг, шмыг сюда, да сюда, тропку топчут.

В два часа открыли.

Манечке.

Катечке,

Женечке,

Любочке, —

О СПЯЩЕМ КОМИТЕТЕ.

(Отрывок из истории одного райкома).

„Пролетарская“ обстановочка.

Комитет комсомола. Комната, в которой могли бы жить пять человек, соблюдая чистоту и порядок. По углам стоят две смятые койки, под ними находятся ломаные развалившиеся дражничные корзины с папушамы замасляной, мятой бумаги. Посредине комнаты стол раскарячился на трех ножках, четвертую согласилось полено заменить, и стены, видимо хотели заполнить „мазанкой“ ибо на них было налеплено некоторое количество вареной картошки (где комментировано, что картошка „Боровецкая“ и очень рассыпчатая и нежна, почему и обязана остаться на стенах).

Под украшался вместо благообаятельных роз, головами и хвостами душистых сельдей и разными другими признаками сильного обжорства.

Окна зарыдымя рыдали, заслезились и загноились. Радуются ребята такой обстановкой. Если у них кто спрашивал; почему так грязно в вашей комнате, они как то хладнокровно отвечали: — по пролетарски-с, не чего не поделаешь.

От сна безмятежного.

Утро, у них (вернее сказать у членом комсомольского комитета) бывает только не раньше 2-х часов дня, как начнет дневной свет по пощечинам смазывать, да глаза спящим открывать, ну тут наши „милые крошечки“ и запотыгиваются, перестрелку подушками начнут, а после о хлебе, чае думать, крокодилов желудок заставят, кишки скрежетать будут.

Ура!.. Самовар кипел, картошка сварилась, булок купили.. Даетьш.. Вот оно когда а. дождалсь ись, дождалсь.. Вычеканивая каблуками, орет во всю плотку другой.

Напились, наелись, пора перестрелку картошкой забубенивать.

Бац! Тац. Тац!.. Влепляются опять картошины в стену, в кровь расчунятся (разделуются) и нет картошины рассыпалась к стене прилипла.

Подшивка по принадлежности.

— Милостивая, высокопочтенная. образина, почта пришла. Губком опять что-то предлагает или сообщает — когда он это говорил, так взглянул на корзинку, стоящую под кроватью. — Все полные, придется по улицам еще, какую нибудь заедающуюся поискать. — Чего там? — Как будто, о Красном флоте, о коллективах пропагандистов и т. п. вещи.

— Может быть, еще в этих корзинах найдется места? — Попробую. — дюжий комитетчик, взяв корреспонденцию, засунул ее в корзину, в которой какая-то, печатная на машинке бумага, за солидными свежими подшивками, наполнявшая эту корзину, была порвана, истрепана, перерыта и напоминала мусорницу.

Сначала комитетчик сделал несколько пресующих нажимов на бумагу, а после приступил к более практическому способу, весь взгромоздился в корзину и начал топтаться, оставляя на бумаге черные грязные следы.

Комитетчик сидел у какого-то комсомольца и других ребят много было. Песни пели, хоть уши зажимай.

Э, черт возьми! — Выругался он, — ребята не пугались. — Надо в Губком написать, что дело со школами фабзауча лучше не надо, хотя на самом деле, нечего еще хорошего не добились. — Вынув из кармана шпатель, карандаш, бумагу и вообще что надо, начал писать. Написал. Шпатель в

углу поставил. Отдел-общий... февраля 1923 года. Номер, номер, который бы поставить... Предположим, что письменная связь с местами тесная. напишу номер „103“ хорош!

Когда комсомольцы спрашивали, почему настоящего номера не поставил, он ответил, что, мол, исходящий и входящий журналы месяца три тому назад потеряны, да без них и лучше, меньше дела.

Надо идти спать, позеваться стало, — вытягивается комитетчик-да по пути и почту в ящик спустить.

Кто вместе-то пойдем?..

Пойдем, проводим, Ребята расходятся.
В. Р.

От редакции: После „улетевшего“ на Марс нашего корреспондента т. Несчастливого осталась эта рукопись, мы ее приводим дословно. Очевидно, она автором была составлена при полете во время ревизии комсомольских комитетов.

ОПТОВЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ.

— Вы ко мне?..

Перед редактором „Молодого Безбожника“ стоял высокий, как жердь человек в дяконской рясе.

Позвольте, узнать, — нерешительно начал он, Вы будете самый большой из... безбожников...

Вероятно, да, я редактор...

— В Бога не веруете?..

— Нет.

Родителей имееете?..

— А Вам к чему это?

— Любопытно знать.

Имею.

— Какого дохода?

Они тоже из безбожников...

— Также окоянные!..

Что Вы сказали?

Мухи очень кусаются.

З есь мух нет.

Рясе, а мне показалось.

Присесть позволите.

— Садитесь. Но только мне некогда, говорите скорей что Вам собственно нужно.

— В сидящий момент. Э... Эх, не стыдно Вам такому юному, да сипитичному этакими то делами заниматься. — Старших учить, над Господом надругаться.

— Если Вы пришли только за этим, то прощ... не беспокоиться.

И это... в слову... только бы ежели бы Вы бросили Ваши затеи, много лучше было бы. И грехи б Ваши отпущенные были.

Я Вам сказал, что наприсно трудитесь. Оставьте меня в покое..

Оно конечно... Позвольте еще выпросик. Нам с отцом благотвори-

тым любопытно знать. В пасху то Вашу безбожную тоже по квартирам собирать пойдете...

— А... так Вы боитесь за Ваши доходы.

Нет, мы существуем трудами рук своих...

Больше ничего?

— Еще, еще... Окоянное любопытство... Газетка то Ваша напечатана...

— Да... Уже в продаже...

— Уже... Оповдал. Много номеров напечатано?

— Две тысячи.

О... Порядочно. Почем продаете...

— По рублю...

— Так... Стало быть все оное стоит две тысячи рублей. Дороговато... Не уступите?..

— Я Вас не понимаю...

— Понять просто, от души сочувствуя Вашему начинанию, и желая помочь Вам денежно и впрочем, мы покупаем ее у Вас гургом увско...

— То есть кто это Вы?

— Мы-то? Отец Василий, отец Михаил, отец Власий, отец Пафнутий, отец...

Довольно, довольно... понял. Катитесь с Богом...

— Не понятно... оное...

— Будет понятно. Передайте Вашим священным отцам, что Вам номер не прошел... „Безбожник“ Вам не продали, его продаем в розницу понятно у кого денег нет и так даем... Куда же Вы... Возмите на память номерочек...

Данило Мольский.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Иван Булатов. Алые струны. Стихи.
Вологда, 1923 г. 48 стр.

Пусть не посетует читатель за попытку первого попавшегося комсомольца разобраться в литературных творениях Ивана Булатова. Причиной этой попытки — два обстоятельства: первое, мы считаем, что *современным* читателем является та огромная масса трудящейся молодежи которая входит в комсомол, заполняет аудитории рабфаков, совпартшкол и т. д., и в свободную минуту жадно ищет созвучного ей по духу и по чувству писателя. Второе — Иван Булатов, по поводу стихов которого у нас будет речь, коммунист и конечно свою читательскую аудиторию должен видеть в этой новой читательской массе. Вот эти то обстоятельства вынуждают нас сказать пару теплых комсомольских слов по „поводу“, тем более, что Иван Булатов неоднократно посвящает комсомолу свои произведения. Не будем же мы неблагодарными.

В стихотворении „Поэт народа“, — очевидно поэтическое кредо автора, он задается вопросом:

О чем поет, поэт народа,
Кому слагает он песнь свою?

Гимны *старые* на лире, цветы и песни соловья, энергичным „нет!“ отвергаются им, и он отдает свое сердце и свою лиру мотивам мира, грохоту пламенной борьбы, неумолимому судьбы (старого мира очевидно?). Что касается формы, то следует довольно точное обещание.

Он песнь свою слагает *стихотворно*

В соседстве с мировой далью.

Кует свой *пролетарский* стих.

Хотя мы немножко и смущены намерением Ив. Булатова удалиться от нас на такую дистанцию (в соседстве с мировой далью!), но соглашаясь, что поэтическое творчество требует некоторого уединения, мы все же признаем

благие намерения автора и попытаемся проследить насколько они претворены в действительность.

Первое нас поразившее это то, что из 32 стихотворений, помещенных в сборнике только одна треть из них под-сказывает, что автор их — „брат мятежный Октября“.

Надеемся, что ни автор, ни читатель не попрекнут нас за неуместное занятие арифметикой. но мы считаем, вместе с Ив. Булатовым надеемся, что количество переходит в качество. Остальные „пролетарские“ стихи посвящены проплым сердца мукам, русской девице-орлице (!), телу жгучему цыганки, сердцу огневому девушки Анюты, грусти. Что заела душу молодую, любви — измене черной и т. д.

Признаться, мы разочаровались в авторе. Очевидно

„ближе сердцу *молодому*.

Цветы и песни соловья,

Чем смысл семнадцатого года

И зовы брата Октября.

Пойдем дальше. Тему об Октябре, о синеблассом небе (это какое?) и о сердца муках можно трактовать по разному. Поэтому, раньше чем сказать пару слов о силе художественной изобразительности Ив. Булатова, остановимся, на трактовке избранных им тем.

„Родись коммунар!“ — взывает автор на первой странице сборника и уговаривает коммунара родиться, не робей! Признаться, мы грешные, думали, что коммунары не только уже родились, но и порядком вырос, а 25-ти летие Р. К. П. считали явным тому доказательством. Оказывается, мы ошибались в совершенно не подозревали, что 14 I 1923 г. со стороны И. Булатова предпринимались довольно энергичные меры к ускорению этого процесса. Правда, наш автор сильно увлекается зимним пением и разговором ясных звезд, возможно что даже и мечты автора прикованы черткой

сталью к необъятной высоте этого самого неба, но правда, читатель, что не мешаешь иногда опуститься и пониже, иначе можно прозевать не только рождение коммунара, но и многое другое.

Очевидно, Ив. Булатов часто посещает звездные пространства и задумывается над сокрытой в них загадкой бытия, иначе русская девица получила бы у него более действительный облик: посудите сами:

Не рабыня, а орлица.
Косы русые до пят—
Это русская девица!
Горд, как солнце ясный взгляд!

Громко сказано! Но о ком речь, ведь истина всегда конкретна. О крестьянской девушке, темной и забитой раньше, еще не пробудившейся к жизни и до сих пор? О городской мешаночке „совбарышне“, которая, завывая над низеньким лобиком кудряшки, мечтает о замзаве? Или о наших товарищах, с которыми мы рука об руку и душа в душу боремся со всеми жизненными и общественными невзгодами, в том числе и с пустозвонством некоторых повтов?

Не доверяя себе и своим наблюдениям, мы обратились по поводу этого стихотворения к одной нашей знакомой девушке (хорошая девица! хотя ничего орлиного в ней мы и не заметили, а уж счет кос, о, ужас.. стриженная!). Мнения у нас сошлись.

Обидно за автора, который русскую девицу рисует на манер Дианы, охотницы за черепами, тьфу, то-бишь, за сердцами, в которое, при измене, всадит нож—кинжала поострей.

Еще обиднее за русскую девицу, о которой мы более высокого мнения, чем Ив. Булатов, хотя и не приписываем ей подобных жгучих качеств. Но на вкус и цвет, говорят, товарищей нет.

Все же когда автор стихотворений „зачем живу“ шутя отдает эту самую русскую девицу во „всю героя власть“ и на обороте листа дает ей же совет поэта:

Любовь спасенье наше,
От вечных пустыррей.
Люби—совет поэта,

Кто любит—гот жавет,
то мы уже готовы возмущаться. Но последний предел нашему терпению

пришел, когда автор пристегивает к этому и комсомольца. Правда, автор здорово льстит нам:

Парень комсомолен первый по деревне,

И красив и статен, и речист—беда!

Верно, что беда! Не комсомолец, а конфетка. Вот уже действительно, избавь от таких друзей! Но девушка Анюта, не придерживаясь, очевидно, нашего мнения, этого парня полюбила, и что же делает?

Девушка Анюта груди оголила
и представьте себе, ей не стыдно, ибо
Любит так Анюту избранный
жених...

После всего этого позвольте поставить под „сумление“ и бравого комсомольца, и главного автора, пишущего такие благоглупости и наклеивающего на них комсомольский ярлык.

Думаем, и каждый комсомолец согласится с нами, что автор этого стихотворения заслужил пару теплых комсомольских слов.

Стоит ли после сказанного останавливаться на таких перлах:

Попцелуй—огонь мятежный
Кровь волнуется пугливо,
Грудь—вулкан
Попцелуй меня мой милый
Истукан! (!!!)

Взгляд игривый—нежный, нежный,
Грудь—как взлет волны.

Ах, игрив, игрив Ив. Булатов! И в улыбке, и в одежде, для него кроется тот же жгучий приговор..

Большую дань отдал автор своему молодому сердцу. „Поэт всесветного народа—призывов пламенных заря“, оказался в плену сердечных мук.

Винюват. Призывы пламенные в сборнике имеются и было бы несправедливо по отношению к автору, если бы мы на них не остановились. Здесь, как-будто вторая натура автора. Оказывается для друга у Ив. Булатова совет другой, отличный от совета русской девице:

Стремись к великому упорно,

Борец в безумии велик!

Противоречие очевидное: девица, люби! Друг, борись!

Что сказать об этой части сборника?

Все это, так далеко от нашей действительности, все эти лозунги, словесный пафос перенетые сонги и тысячи раз и порядком надоевшие. ибо в них нет главного: отражения нашей настоящей жизни, нашего быта и нашей борьбы.

К тому же большинство этих „революционных“ призывов напечатаны в 1920,—21.—22 г. г. все же ранее разобранное нами помечено 1923-м годом. Да, и действительно! вряд ли не в наповское время Пв. Булатову пришло бы в голову воспевать:

Глаза цыганки хмельнее водки,

А тело жгучее горит. и т. д.

Нам думается, что нэн в сильнейшей степени отразился на строе мыслей автора и этим объясняется такой разительный контраст между первой, современной частью сборника и второй его частью, отдающей дань славному *прошлому*.

Обещание автора дать нам стальной стих не оправдалось. Кроме подражания народным поэтам: Кольцову Никитину и др., мы ничего не нашли в стихах автора. Да, есть и свое: это чрезмерная слабость к хохоту в всему огненному: *хохочет преисподняя, алым золотом.* (и девка у него, словно роза *алая*) *алым смехом, хохот безудержный, голот* весенний. *далей огневых, сердце огненное, огнедышащего века, горе огненное.* В стих „Цыганка“ в 12 строчках, автор нас неоднократно *таляет* телом *жгучим*, сердца ласками *красотою жгучей, жизнью основой* и т. д.

Любит автор и поцутать робкого читателя:

Мир вулканится адеким порывом.

Везде хохочет преисподняя,
Веков пылающий котел.

или просто подбирает слова к рифме.

Нам кажется, что автор недостаточно серьезно отнесся к себе и к нам, когда выпускал свой сборник стихов. Нельзя выпускать недостаточно продуманные и технически необработанные произведения; даже в наше Наповское время.

Содержание сборника совершенно не соответствует политическим убеждениям автора, а технически это не более как слабые ученические работы. Но мы

объясняем эти недостатки молодостью автора и порекомендуем ему учиться, учиться и учиться стихосложению с одной стороны, умножить свой запас образов и представлений неизменными наблюдениями, непосредственным изучением классиков и если он хочет писать пролетарские стихи, то и пролетарской речью, а с другой стороны, настолько укрепиться идеологически, что-бы он никогда не поддавался чуждым нам влияниям.

Первый показавший комсомолец.

„Север“. Орган научного северного краеведения. Книга I. Вологодского Отделения Госиздата. г. Вологда 1923 г. Стр. V—VIII+210+32. Типография Северосоюза. Тираж 2000 экз. Отв. редактор И. А. Перфильев. Обложка и титул, заставки и концовки — типографские худ. Н. П. Дмитриевского

В лице данного журнала наконец наш дремлющий, Север дождался подлинного научного изучения и освещения на страницах печати.

Уже по одному этому следует приветствовать его появление в свет.

Правда, и до него была на Севере журналы краеведческого характера, напр. „Известия Вологодского Об-ва И. С. К.“ с 1922 г. издававшиеся под наименованием „Северный Край“, „Известия Об-ва Изучения Олоонецкой губ.“ Но все они издавались какими-нибудь местным обществом изучения Северного Края той или иной губернии и потому не охватывали своим содержанием весь Север необъятной России.

Как раз этот недостаток местных печатных органов краеведения и восполняет предлагаемая первая книга журнала „Север“.

Вся северная область является предметом его изучения и содержания.

Эта мысль определенно подчеркнута и в вводной заметке к журналу — „От редакции“.

Желательно было бы только, чтобы Редакция в дальнейшем определеннее и точнее очертила в границах ту Северную область, или тот Север, жизни которого она намерена оживлять на страницах своего журнала.

Тем более это важно сделать, что границы Северной области или Северного края до сих пор ни центральной, ни местной наукой точно не зафиксированы.

Итак, главной целью журнала является „объединение всех научных сил, ценных в Северном краеведческом деле“ и работающих по всем вопросам Северного краеведения.

По скольку же последнее приобретает важность и необходимость в научной работе, постольку усиливается и укрепляется значение органов печати, подобных жур. „Север“.

Всеобъемлющему краеведному характеру данного журнала соответствует и его содержание.

И в настоящей первой книжке журнала освещены вопросы и общественно-политического, и историко-юридического, и художественно-экономического, и исторического, и биологического, и, наконец, образовательно экскурсионного порядка, относящиеся к изучению Русского Севера в целом.

По своему содержанию рассматриваемую первую книжку ж. „Север“ можно разделить на четыре далеко не равные части.

Вслед за маленьким предисловием „от редакции“ помещена „душа“ журнала — десять более или менее крупных научных статей, как мы выше упоминали, самого разнообразного характера, но с краеведным уклоном.

Затем, идут „хроника“ и „библиография И, наконец, в качестве отдельного приложения помещена „Библиография Севера“.

В первую голову мы видим ряд оригинальных статей по истории политической ссылки на Севере. Таковыми являются: Ссылка В. Г. Короленко в Вятский край (по неизданным материалам Вятских архивов) П. Н. Луппова и „О влиянии политических ссыльных на местное население (из архива Архангельского Губернатора)“ И. Богового.

Первая статья как видно из примечания редакции, дает интересные дополнения (к „Истории моего современника“), исчерпывающие до конца некоторые вопросы, касающиеся ссылки В. Г. Короленко в Вятском крае“.

Вторая статья написана также на основании секретного дела архива Архангельского губернатора за 1908 г. включает в себе переписку последнего с чиновниками по крестьянским делам по вопросу о влиянии политических ссыльных на местное население.

Историко-юридический интерес представляет деловая статья серьезного ученого петербургского проф. А. А. Введенского — „Трудовая деятельность стряпчих в северно-русских монастырях в XVI—XVII в. в.“ (из истории древнерусской адвокатуры).

Значение статьи еще более возрастает в виду важности затронутого вопроса и в виду ее оригинальности.

В последней вскрывается в высшей степени ярко и научно доказательно вся многогранная юрисконсультская, судебническая деятельность стряпчих в монастырских делах гражданского, уголовного и общественного государственного характера, потомком которых является современный институт адвокатуры.

Веселая русская взятка, о которой так много пишут современные наши газеты, как оказывается, имеет под собою прочную почву и теряется в глубине веков.

Из статьи явствует, что в описываемое время (16—17 в.в.) взятка безпределно царствовала в русском обиходе повсюду: от царских чертогов до хижины бедняков бобыля.

Прежде чем начать какую-либо дело всегда нужно было дать „в почесть“ „в поднос добродеем“.

Мало того, до известных пределов взятка не считалась взяткой, а была узаконенным бытовой практикой явлением, вышедшим из традиции корчиться администратором от суда и управления.

Как видно из примечаний рассматриваемой статьи, при работе над ней автором широко использованы были старые монастырские архивные дела (16 и 17 в.в.) между прочим Вологодского Прилуцкого и Устюжских Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского монастырей, привезенные им в выдержках из „описания свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища“, книг IV и VI, (изд. Вологод. Церковно-историко-археологической комиссии) и соч. П. В.

Шляпина — „Акты В.-Устюжского--Мих.-Архангел монастыря“, вып. I и II.

Совсем иной характер носит статья А. А. Евдокимова — „Краткий очерк по хозяйственному краеведению Северо-Восточной области“, представляющих из себя попытку связного освещения народного хозяйства и его задач на территории современных Архангельской, Северо-Двинской и Вологодской губ. и Зырянской области (Коми).

На злобу дня, так сказать написана статья Ю. Иорданского — „Земельные концессии на севере Европейской России“.

Автор говорит здесь о возможности на севере концессий иностранных капиталистических и смешанных русских, указывает на земледелие и скотоводство, как на два главных двигателя северной экономики, перечисляет обязательства концессионеров и все вообще промышленное развитие севера обуславливает созданием колонизационных очагов вокруг возникающих промышленных предприятий.

Небольшое деловое сообщение покойного геолога А. А. Сняtkова — коллекция горных пород из Александровской буревой скважины на бывшем заводе А. П. Кокорова в окрестностях г. Тотьмы и само собой определяет свое краевое значение.

Интересна по своей оригинальности и отчетности изложения статья проф. А. В. Жуковского — „Биологические наблюдения на Белом море“.

В ней автор подробно и научно излагает свои исследования над животным и растительным миром Кандакшского залива Белого моря, которые он производил в бытность свою там в 1913 г.

Рассматриваемая статья для естествоиспытателей имеет несомненную ценность. В конце ее приложен список литературы по данному вопросу.

Небольшое сообщение Г. Еремина — „Зависимость урожайности от метеорологических элементов в Костромской губ.“ представляет из себя выводы автора из собственных метеорологических наблюдений в Костромской губ.

Интересна небольшая статья методического характера Н. В. Ильинского — „Краеведение и экскурсии по Северу“.

В ней автор, кратко коснувшись экскурсионного и родниоведческого методов переходя к объяснению краеведческих экскурсий, указывает условия их успеха и заканчивает статью изложением основных положений экскурсионной базы, необходимость организации которой на Севере давно назрела.

Заключительная статья журнала — „К живым образам истории и культуры русского Севера“ проф. Петербургского Университета И. М. Гревса составляет, по нашему мнению, так сказать, „гвоздь сезона“.

На страницах газ. „Вологодская Жизнь“ (см. 1922 г. № 18) в своей статье — экскурсия Петроград. и Московского научно-исследовательского Института Наркомпроса в г. Вологде мы уже указывали значение этой экскурсии и отчетности ознакомили с содержанием экскурсионного метода.

Предлагаемая же статья проф. Гревса исчерпывающе конкретизирует этот метод и представляет из себя первый опыт систематического использования Вологодского материала для научного экскурсионного дела. Последнее обстоятельство делает ее особенно ценной для Вологжан и положительно необходимой для Вологодских педагогов, ибо помимо теоретических рассуждений, мы имеем на практике ряд научно поставленных экскурсий в г. Вологде.

Следует немного остановиться еще на „хронике“ и „библиографии“ ж. „Север“, которые помещены в конце его.

В „хронике“, кроме двух маленьких заметок некрологического характера по поводу смерти в пределах Вологод. губ. двух известных в России ученых профессоров — физиолога Н. Е. Введенского и химика Л. А. Чугаева, более подробно освещена краеведная деятельность Вологодского Практического Института Народного Образования и Тотемского (уездного) музея местного края.

Две последние заметки: История археологические находки на берегах р. Средней Сухоны близ г. Тотьмы Вологод. губ.“ и „К истории кофельного дела на севере в прошлом“ — невольно привлекают к себе внимание пытливого краеведа.

Отмечая ценность вышеуказанных заметок, мы должны оговориться, что в общем „хроника“ ж. „Север“ как будто и бедна: материал в ней случайный. Многие научно-культурно — бытовые стороны жизни Севера совершенно не задеты.

Точно такой же случайный характер, по нашему мнению, носит и „библиография“ ж. „Север“.

Наконец, в качестве приложения к книге I ж. „Север“ помещена „Библиография Севера“ вып. I, 1917 — 1822 г.г.

Это, как объясняют редакторы библиографии, — „ключ к литературе о Севере“, являющийся в сущности продолжением библиографической работы покойного писателя — Вологжанина П. А. Дилакторского, (10 декабря 1910 г.), изданной Вологодским Обществом Изучения Северного Края в 1921 г. под скромным названием — „Опыт указателя литературы по Северному Краю с 1766 до 1904 г.“ (г. Вологда, стр. XXVII + 311. Госцентр-типография. Тираж 2000 экз.).

Не вдаваясь в критику самой „Библиографии Севера“, которую более верно и легко будет сделать при непосредственном пользовании ею, мы со своей стороны считаем долгом приветствовать настоящий благой почин и искренно желаем дальнейшего окончательная „Северной библиографии“, столь необходимой как для научных работников, так и для практических деятелей Севера.

На этом мы заканчиваем свою библиографическую заметку.

С внешней стороны первая книга журнала „Север“ издана тщательно.

Видно, что заботливая рука издателя приложила все усилия к этому.

Корректурa и пагинация поражают своей аккуратностью.

Приятно отметить также хорошо исполненные линогравюры худ. Н. П. Дмитриевского (к статье проф. Гревса — „К живым образам истории и культуры русского Севера“).

Обложка не имеет никакого рисунка, но выглядит отчетливо и солидно.

Только бумага на которой отпечатана первая книга ж. „Север“, заставляет выразить пожелание об улучшении ее качества. Но здесь наверно сказались

современные условия ЦЭИ'а... (и без того 1 книжка стоит полтора рубля золотом).

Судя по перечню лиц на титульном листе, принимающих участие в журнале, очевидно, что „Север“ действительно орган научного северного краеведения, охватывающий весь Север в целом.

Последнее объективно доказывает настоящая первая книга журнала, общее впечатление от которой, за исключением „маленьких недостатков механизма“, вполне благоприятное.

„В добрый час, святель северного краеведения!“

Николай Лебедев.

В. В. Богданов. *Музейная техника Кривоедния.* Издание Вологодского Отделения Госиздата г. Вологда. 1923 г. Стр. 47. Типография Северозавоза. Тираж. 1500 экземпляров.

Данная книжка занимает исключительное место в музейной литературе.

Поэтому она требует, особенного внимания к себе.

Самое заглавие уже ясно показывает сущность ее содержания.

Если школьное, внешкольное и дошкольное дело в России вообще сдвинуто с мертвой точки и идеологически развивается, то музейное строительство у нас по сравнению с Западной Европой находится, можно сказать, в стадии еще первобытного состояния.

Если в столицах и других крупных наших городах музейное дело все же начинает постепенно развиваться и поддерживается властью, то в провинции вообще музейное строительство за редкими исключениями, нужно ослепнуть, стоит чрезвычайно низко: существующие музеи глухнут, население не понимает их значения да, и госуд. органы зачастую не обращают на них достаточного внимания.

За примерами ходить не далеко. Достаточно указать хотя бы наши вологодские музеи, скорее представляющие склад антикварных вещей, а не музеи в настоящем смысле слова...

Тем большее значение приобретает всякое музейное руководство, подобное рассматриваемой книжке.

Да и вообще музейных руководств чрезвычайно мало, а таких, как данное, мы не знаем.

Особенно нужно подчеркнуть чисто практический, деловой характер этой работы. Теоретических рассуждений в ней почти нет: она вся состоит из инструкций (числом 13) руководящего характера, иллюстрируемых многочисленными примерами.

Предназначена она, как это видно из предварительных указаний автора к инструкциям, для ведения научных работ в музеях местного края или музеев краеведения. Понятие „краеведения“ приобретает в науке все большее значение и начинает занимать доминирующее положение.

Этим обстоятельствам еще более усиливается важность и необходимость музейных мероприятий, подлежащих рассмотрению.

Указав что содержание данной книжки целиком составилось из собственных работ по семинарию музейной техники краеведения в 6. университете Шанявского в г. Москве, автор обращает внимание на характер инструкций, рассчитанных на работу в музеях краеведения состоящих из трех основных отделов: Культурно-исторического, Естественно-исторического и Общественно-экономического с соответствующими подразделениями (автор замечает, что им дан в печать доклад на тему: „Систематический музей, как тип областного музея“). Поводом выразить надежду на скорейший выход на печати этой ценной работы автора).

Для такого именно музея автор прежде всего предлагает инструкции, показывающую распределение текущих работ в музее и устанавливающую его личный состав. Последний автор ограничивает числом 8 для начинающих и числом 13-15 для развитых уже музеев. В число текущих работ музея автор включает между прочим и составление научной библиографии по местному краеведению, а также библиотеки по общим и руководящим вопросам краеведения.

В связи с поступлениями в музей и оплечением коллекций автор предлагает подробную инструкцию для составления „книги доступлений“, ведущейся уже в каждом отделе музея особо и преследующей краткое, быстрое и точное занесение важнейших признаков предмета и сопровождающих его в момент поступления и музей документов и устных показаний.

При этом дается соответствующее образцы протокола во время коллекций и записей в „Книге доступлений“

Вслед за сим автором дается другая подробная инструкция для составления „инвентарного каталога“ музея, также ведущегося по каждому отделу музея особо пель которого, помимо регистрации поступающих коллекций в хронологическом порядке, определяется в зафиксировании классифицирующих признаков предмета и более детальных справок об источниках происхождения его. Тут же предлагается образец записей в инвентарной книге.

Кроме того, по каждому же отделу музея, по мысли автора, самоот себя, по должен вестись „научный архив“, который охватывает все письменные источники сведений о происхождении, поступлении в музей и определении коллекций, фотографий, рисунков и других музейных предметов, а также письменные материалы вообще по научному приходу, быту и общественно-экономическим отношениям края, представленного музеем.

Подробная инструкция для ведения подробного „научного архива“ автором предлагается.

Особые инструкции разработаны автором для составления фонда фотографий, рисунков, чертежей и их каталогизации, а также фонда фонограмм и кинематограмм.

Не упущены автором даже такие детали как способ нумерации на музейных предметах, обозначение места хранения коллекций в систематических, обстановочных и магазинных залах музея и, наконец, составление подписей, пояснительных иллюстраций и путеводителей к коллекциям музея. Все это предусмотрено особыми инструкциями.

Наконец, последняя инструкция касается ревизии коллекций и материалов музея, для чего автором проектируется составление особых „охранных описей“, или „охранных ключей“.

Такова в общих чертах, по мнению В. В. Богданова, должна быть „музейная техника краеведения“.

Не вдаваясь в детальное критическое рассмотрение ее пригодности и удобства пользования, чему порукой, по нашему мнению, должно служить опытное применение ее автором на практических работах по семинарию в 6. университете Шанявского, в областном музее Москвы, края и музея Дмитров, края (в Москве) со своей стороны мы лишь отметим ее оригинальность и индивидуальность.

Последнее обстоятельство побуждает нас особенно рекомендовать рассматриваемую книжку для всех вообще русских музеев и их работников для которых она, по нашему мнению, является истинно „настойчивой книгой“.

С верхней стороны книжка плавно входе приятна.

Н. Л.

Колосов Вас. Служба в Красной Армии и ужасы белогвардейского плена. Под таким заглавием вышла в Вологде небольшая книжечка (40 страниц), сообщавшая очень много ценных исторических фактов из недалекого прошлого нашего севера, когда там хозяйничали наши „милые“ союзники: англичане, французы, сербы и несть им числа.

Автор, пробывший в тюрьмах у белых в Мурманске, Печенгской тюрьме и на острове Мудьюге подробно с протокольной точностью ообщает все пережиты своей жизни там, что немногим умалает достоинство материала.

Персонально указывает с кем ему пришлось там совместно коротать тяжелые, небольшие дни плена и указывает количество расстрелянных, убитых и погибших товарищей от разных болезней, главным образом от дизентрии.

Надана книга по вологодским условиям очень дешево и издана, читается довольно легко, цена сравнительно недорогая, следовательно можно рекомендовать ее для прочтения. Безусловно к такой книге, носящей исторический интерес, нужно относиться вдумчиво и серьезно.

В авторитурном отношении, слаба, так как автор новичек...

Нирев-Чобар.

Поготовый ящик.

Саше Бурному — (Гризовед). Большинство материалов помещаем, остальное не пойдет. Нельзя же писать обо всем и ни о чем. Идем материалов в Истомод. — Ниши.

М. М. Закигину (Вельск). В Вашем воспоминании ни чего особенного нет, один конец говорят, что Вы попали на фронт, а остальные призывы, призывы без конца. Не пойдет. Надо описать фактическую сторону дела. Если у вас есть ценные материалы из фронтовой жизни пришлите, а самое лучшее, давайте побольше заметок о жизни и работе молодежи.

Масленных. (Вельский уезд). Ваш проект ни чего нового не говорит. Если Вы хотите завязать с Волдеповском связь — делайте это на месте. 6—час. день для служащих давно установлен, пора звать об этом.

М. Большакову. (Школа III Интернационала). К сожалению мы не имеем детского журнала для помещения Вашего рассказа — да и тема его неудачная. Возьмите чтонибудь побольше, писать Вы можете. Идем новых материалов и хроника о жизни школы.

Вельскому. (Вельск). Рассказы не пойдут, стихи тоже. Если писать, то начинайте не с поэм, а с заметки о жизни молодежи, работайте больше над собой выбирайте для материала наиболее интересные и общественные темы.

Ионе. (Гризовед). Подученный вами очерк представляет какую-то вермишель, ни в какой отряд не подходит. Соколчиха, это клок выхваченный из головы пьяной деревни, тоже ни дум ни сердцу нечего не дает — не напишут кжестя с конца или со средины. Ношла что побудь, поодержательнее Вель, обещал то много.

Дяде Володе. (Совпартишкола). Детский рассказик „К Свету“ — не пойдет (см. ответ. тов. Вадашку) стихотворение „Юность“ положена в картину. Годос юности, воля юная, юность и т. д. Не годится. О жизни Совпартишколы лучше напиши — дело складнее будет.

Тов. Москвину. (Вологда). Присланные стихи не пойдут „Мы“ устарело и двадцать раз повторилось „Деревенская картинка“ и „Жизнь мушкетера“ наводят на слишком печальные размышления — да к тому же невыдержано. Конечно Вы можете писать, но перепевать не советуем. — А все таки пишете.

Тростиннику. Ваше воспоминание не помещаем, фамилию-то свою напишите.

Совпартишкольцам Раевскому и Н. М. стихи не помещаем можно и не стихами висеть когда они не выходят.

Михайлову. (Совпартишкола). Однако вы изобретательны, в свою стенную газету, не помещали, а к вам плете. — Если у Вас рассказ признания не отвечающим времени, то мы тоже самое скажем, положив рассказ в спокойное место, писать надо с разбором, начиная с заметок.

Раннему. „На заработки“ необходимо обработать, слишком односторонне.

Северному Пасынку. — „И грустно и скучно и ни кому не понять. — Мои песни тоска безвыходная“ действительно, тоска — другим меселем и прочими „сладостными „песенкам“, мы не собираемся молодежь воспитывать. Не пишет.

Кадниковцам: Карголол, Сухонцам, Тотьмичам, Вологодским и всем Комсомольцам которые не пишут в наш журнал.

Скоро Вы нам материал то пришлете? не шутите с нами зря, в „Прошвало“ попадаете

Редактор: редакц.
коллегия

Б. Шегула.
Д. Вильнин.
Д. Чекулаев.

Издатель

Вологодский Губком Ц
РКМ.

О В Ъ Я В Л Е Н И Я .

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А .

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ,
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ.

„ К Р А С Н Ы Е В С Х О Д Ы “

Орган Губкома Р. К. С. М.

≡ П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я ≡

в Губкоме, Укомах и Райкомах Р. К. С. М.
Вологодской губернии.

Продажа производится там же и во всех
книжных магазинах и киосках г. Вологды.

Цена пятого номера 8 рублей.

*Адрес редакции и кохторы журкала: Вологда,
Дом Партии—Афахасьевская 3.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— НА ГАЗЕТУ —

„КРАСНЫЙ СЕВЕР“

У С Л О В И Я:

БЕЗ ДОСТАВКИ:

На один месяц 25 руб.

„ два месяца 45 „

С ДОСТАВКОЙ:

На один месяц 30 руб.

„ два месяца 55 „

ПРИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОДПИСКЕ НЕ МЕНЕЕ 5 ЭКЗЕМП. СКИДКА 10%.

ПРИ ГАЗЕТЕ ДВУХНЕДЕЛЬНАЯ СТРАНИЧКА МОЛОДЕЖИ

„ЮНЫЙ СТРОИТЕЛЬ“.

Вышел из печати и поступил в продажу № 1-3
(январь—март) журнала

„СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА“,

Орган Губернского комитета РКП. Размер 124 стр. большого формата.

ЦЕНА 10 рублей.

В номере статьи: 25 лет РКП. Агитацион ЦК. Международный фашизм. Н. В. Елизаров Новые опасности. И. Булатов К итогам IV Всероссийского съезда работников печати. А. Субботин Выигрышный заем. Чеботарев—Сельское хозяйство Вологодской губернии и перспективы его развития. И. Гурьев Итоги работы и перспективы развития промышленности Вологодской губернии. Д. Тугаринов—Итоги кооперативной работы на местах. М. В. Скворцов—Методы воспитательной работы в новых условиях. В. Карпов—Итоги работы в губсовпартшколе. Н. Юдин Религиозные диспуты. И. Булатов—Работа в партклубе. М. Новский Как нам реорганизовать рабхиз. Н. Ленин—Лучше меньше, да лучше. Н. Ленин—Из истории Вологодской организации РКП. Бюро испгариа—К истории Каргопольской организации РКП. И. Цолов—Обзор работы Вологодской губернской организации РКП. Чухалкин и Быстров.

Продажа производится во всех книжных магазинах и
газетных киосках г. Вологды.

47

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЛОГОДСКОГО
ГУВКОМА